

ISSN 2542-2375

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

2022
№ 1(21)

HISTORY OF EVERYDAY LIFE

SCIENTIFIC JOURNAL

No. 1(21)
2022

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
**ИСТОРИЯ
ПОВСЕДНЕВНОСТИ**

2022
№ 1
(21)

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору
в сфере связи и массовых
коммуникаций
4 марта 2016 г.

Свидетельство о регистрации СМИ:
ПИ № ФС77-68612

Журнал издается
с 2016 года
Периодичность 4 раза в год

Учредитель, издатель: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина

Редакционная коллегия:

А. В. Белова, доктор исторических наук, доцент, Россия
В. А. Веремченко, доктор исторических наук, профессор, Россия (главный редактор)
О. Р. Демидова, доктор философских наук, профессор, Россия
А. Дудек, доктор философии (PhD), Республика Польша
Л. П. Заболотная, доктор исторических наук, доцент, Республика Молдова
С. И. Ковальская, доктор исторических наук, профессор, Республика Казахстан
В. О. Левашко, кандидат исторических наук, доцент, Россия (зам. главного редактора)
С. В. Любичанковский, доктор исторических наук, профессор, Россия
К. Мацузато, доктор юриспруденции (PhD), Япония
Н. Л. Пушкарева, доктор исторических наук, профессор, Россия
Д. Рансел, доктор истории (PhD), США
М. А. Текуева, доктор исторических наук, Россия
Л. Цзюань, доктор филологии (PhD), Китай
Т. К. Щеглова, доктор исторических наук, профессор, Россия

Рукописи статей в обязательном порядке оформляются в соответствии с требованиями для авторов, установленными редакцией.

Редакция не вступает в переписку с авторами статей, получившими мотивированный отказ в опубликовании.

Статьи, оформленные не по правилам, редакцией не рассматриваются

Адрес учредителя:
196605, Россия,
Санкт-Петербург, г. Пушкин,
Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 466-65-58
<http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru

Адрес издателя:
196605, Россия,
Санкт-Петербург, г. Пушкин,
Петербургское шоссе, д. 10.
тел. +7(812) 466-65-58
<http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru

Адрес редакции:
196605, Россия,
Санкт-Петербург, г. Пушкин,
Петербургское шоссе, д. 10
Tel. +7(812) 451-98-83
<http://lengu.ru/>
e-mail: v.veremenko@lengu.ru

SCIENTIFIC JOURNAL
**HISTORY OF
EVERYDAY LIFE**

2022
№ 1
(21)

The journal is registered by
The Federal Service for
Supervision of Communications, Information
Technology, and Mass Media
March 04, 2016

The certificate
of the mass media registration
ПИ № ФС77-68612

The journal is issued
since 2016
Quarterly, 4 issues per year

Founder, publisher: Pushkin Leningrad State University

Editorial Board:

A. V. Belova, Doctor of History, Associate Professor, Russia
V. A. Veremenko, Doctor of History, Full Professor, Russia (chief editor)
O. R. Demidova, Doctor of Philosophy, Full Professor, Russia
A. Dudek, Doctor of Philosophy (PhD), Republic of Poland
L. P. Zabolotnaya, Doctor of History, Associate Professor, Republic of Moldova
S. I. Kovalskaia, Doctor of History, Full Professor, Republic of Kazakhstan
V. O. Levashko, Candidate of History, Associate Professor, Russia (deputy editor)
S. V. Liubichankovskii, Doctor of History, Full Professor, Russia
K. Matsuzato, Doctor of Law (PhD), Professor, Japan
N. L. Pushkareva, Doctor of History, Full Professor, Russia
D. Ransel, Doctor of History (PhD), Professor, USA
M. A. Tekueva, Doctor of History, Russia
L. Juan, Doctor of Philology (PhD), China
T. Shcheglova, Doctor of History, Full Professor, Russia

The papers assigned for publication are to be prepared in accordance with the requirements for authors established by editorial board.

The editors do not enter into correspondence with the authors of papers fairly rejected. Papers which do not follow the rules are rejected by the editorial board

Founder's address:
196605, Russia,
St. Petersburg, Pushkin,
Peterburgskoe shosse, 10.
Tel. +7(812) 466-65-58
<http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru

Publisher's address:
196605, Russia,
St. Petersburg, Pushkin,
Peterburgskoe shosse, 10.
Tel. +7(812) 466-65-58
<http://lengu.ru/>
e-mail: pushkin@lengu.ru

Editorial board's address:
196605, Russia,
St. Petersburg, Pushkin,
Peterburgskoe shosse, 10.
Tel. +7(812) 451-98-83
<http://lengu.ru/>
e-mail: v.veremenko@lengu.ru

Содержание

РЕЛИГИОЗНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

<i>Н.А. Дмитриев</i> Историографические аспекты изучения церковной жизни в СССР в послевоенный период (1945–1950-е)	6
<i>О.Г. Леонтьева</i> Повседневная жизнь в СССР 1940–1950-е гг.: источниковая база и перспективы исследования.....	20
<i>Т.Г. Леонтьева</i> Церковная повседневность в 1940–1950-е гг. (на материалах Калининской области)	29
<i>Д.А. Беговатов</i> База данных как результат изучения церковной повседневности в СССР в 1940–1950-е гг.....	42

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

<i>В.Н. Куприянов, А.В. Лосик</i> Визит Ю.А. Гагарина в Великобританию 11–15 июля 1961 г.: в 2 частях. Часть 2. Встречи с премьер-министром и завтрак у английской королевы Елизаветы II в Букингемском дворце. Вылет на родину.....	56
--	----

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

<i>А.Г. Нечаев</i> Путешествие вдоль выборгского тракта в начале XIX в.	79
<i>О.В. Волкова, Е.Ю. Волкова</i> Роль зеленых насаждений в формировании благоприятной городской среды в 1920-е гг. (на примере губернского города Костромы)	89
<i>И.Г. Иванцов</i> Из истории Кубанского сельскохозяйственного института (1925–1930).....	102

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

<i>Д.А. Бранкарт</i> Повседневная жизнь русской эмиграции в межвоенный период в произведениях русских писателей-эмигрантов в Бельгии.....	111
Сведения об авторах	130

Contents

RELIGIOUS EVERYDAY LIFE

<i>Nikolai A. Dmitriev</i>	
Historiographical aspects of the study of church life in the USSR in the post-war period (1945–1950-ies)	6
<i>Ol'ga G. Leont'eva</i>	
Everyday life in the USSR of the 1940s – 1950s: source base and research prospects.....	20
<i>Tat'yana G. Leont'eva</i>	
Church everyday life in the 1940–1950s. (on the materials of the Kalinin region)	29
<i>Dmitrii A. Begovatov</i>	
The database as a result of the study of Church everyday life in the USSR in the 1940s – 1950s.....	42

GOVERNMENT AND SOCIETY

<i>Valerii N. Kupriyanov, Aleksandr V. Losik</i>	
Yuri Gagarin's visit to the United Kingdom on July 11–15, 1961. In 2 parts. Part 2. Meetings with the Prime Minister and breakfast with Queen of England Elizabeth II at Buckingham Palace. Departure to the homeland.....	56

REGIONAL EVERYDAY LIFE

<i>Aleksandr G. Nechaev</i>	
Journey along the Vyborg tract at the beginning of the 19th century	79
<i>Ol'ga V. Volkova, Elena Yu. Volkova</i>	
The role of green spaces in the favorable urban environment formation in the 1920s (on the example of the provincial city of Kostroma)	89
<i>Igor' G. Ivantsov</i>	
From the history of the Kuban Agricultural Institute in 1925–1930.....	102

PERSONALITY IN THE HISTORY OF EVERYDAY LIFE

<i>Daria A. Brancart</i>	
Everyday life of Russian emigration in the interwar period in the texts of Russian writers-emigres in Belgium	111
About Authors	131

РЕЛИГИОЗНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

В данном разделе представлены статьи, подготовленные на основе докладов участников международной научной конференции «Домашняя повседневность населения России: история и современность», проходившей в Ленинградском государственном университете им. А.С. Пушкина 7–9 апреля 2022 г.

УДК 94:2(47+57)“1945/1950”

ГРНТИ 03.23.55: История России Новейшего времени

03.23.07: Историография и источниковедение Истории России

DOI 10.35231/25422375_2022_1_6

Н.А. Дмитриев

Историографические аспекты изучения церковной жизни в СССР в послевоенный период (1945–1950-е)*

Предметом изучения являются историографические оценки церковной жизни в СССР в послевоенный период. Во введении обозначается постановка проблемы и её актуальность, в предыстории оценивается состояние Русской православной церкви к концу 1930-х – началу 1940-х гг., выявляются изменения её положения в годы войны.

Цель статьи – анализ освещения в историографии церковной жизни в послевоенный период. Для решения поставленной цели подвергнута критическому рассмотрению советская и постсоветская историография, когда началось осмысление этого периода, подчёркиваются основные исследовательские проблемы и оценки историков: признание сдвигов в государственно-церковных отношениях и одновременно их идеализация, замалчивание ограничений в организации приходской жизни и притеснений верующих. Отмечается тенденциозность и идеологическая окраска работ советских авторов. В постсоветской историографии выделяются подходы к рассмотрению церковной жизни (в дискурсе государственно-церковных отношений, в контексте оппозиции «власть – духовенство») с точки зрения религиозных практик в повседневной жизни советского общества. Среди дискуссионных вопросов в постсоветской историографии выделяется изучение причин и характера изменений государственно-церковных отношений в годы войны, борьбы верующих за открытие храмов, деятельности уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви и управляющих епархиями.

Делается вывод о незавершенной теоретической разработке проблемы церковной жизни, недостаточной изученности повседневных церковно-религиозных практик в рассматриваемый период, которые могут стать аргументами в спорах специалистов.

Ключевые слова: церковная жизнь, Русская православная церковь, религиозные практики, духовенство, верующие, приход, народная православная вера.

© Дмитриев Н.А., 2022

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43126.

Historiographical aspects of the study of church life in the USSR in the post-war period (1945–1950s)

The subject of the article is historiographical assessments of church life in the USSR in the post-war period. The introduction outlines the problem and its relevance, the background assesses the state of Russian Orthodox Church by the end of the 1930s – early 1940s, reveals changes in its position during the war.

The purpose of the article is to analyze the coverage of church life in the post-war period in historiography. In order to achieve this goal, Soviet and post-Soviet historiography was critically examined, when the comprehension of this period began, the main research problems and assessments of historians are emphasized: recognition of shifts in state-church relations and at the same time their idealization, silencing restrictions in the organization of parish life and harassment of believers. The tendentiousness and ideological coloring of the Soviet authors' works is noted. In post-soviet historiography, approaches to the consideration of church life are distinguished: in the discourse of state-church relations, in the context of the "power – clergy" opposition, from the point of view of religious practices in the daily life of Soviet society. Among the controversial issues of post-Soviet historiography the following ones stand out: the study of causes and nature of changes in state-church relations during the war, struggle of believers for the opening of churches, activities of the commissioners of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church and the governors of dioceses.

The conclusion is made about the incomplete theoretical development of the problem of church life, insufficient knowledge of everyday church and religious practices in the period under review, which can become arguments in the disputes of specialists.

Key words: church life, Russian Orthodox Church, religious practices, clergy, believers, parish, folk orthodox faith.

Введение

Церковная жизнь в 1945–1950-е гг. проходила под влиянием резко изменившейся советской вероисповедной политики. По ряду причин в сентябре 1943 г. состоялось соглашение между высшими светскими и церковными властями, которое определило восстановление, организационно-кадровое укрепление и относительно 1930-х гг. – благоприятное развитие Русской православной церкви вплоть до «хрущёвского наступления». В современной науке существуют различные датировки данного процесса, противоречивые определения его содержания вплоть до полного отрицания. Сказывается ограниченность и однотипность источниковой базы исследований: это в основном делопроизводственные документы Совета по делам Русской православной церкви и его уполномоченных.

Масса архивных материалов, таких как личные дела архиереев послевоенного периода, информация о руководстве Совета по делам РПЦ и его сотрудниках на местах, остаются малодоступными и затрудняют исследовательский процесс. В этой связи представляется

необходимым выделить ключевые дискуссионные историографические проблемы церковной жизни и наметить перспективы будущих исследований.

Предыстория

В результате религиозной политики в СССР к 1939 г. Русская православная церковь, как организационная структура, была практически полностью разгромлена: епархий как административных единиц в 1939 г. фактически не существовало из-за отсутствия архиереев и епархиальных управлений, отдельные приходы поддерживали нерегулярную связь с Патриархией. На свободе в Патриаршей – «тихоновской» – церкви осталось только четыре правящих архиерея [1, с. 131].

За время «большого террора» (1937–1938) было расстреляно или отправлено в ссылку большинство правящих архиереев и рядового духовенства по обвинению в контрреволюционной деятельности. Со слов протоиерея Вл. Цыпина, в РСФСР сохранилось около 100 приходов и ни одного монастыря¹. Фактически это означало распад приходской жизни на местах.

Религиозная политика советского государства в 1930-е гг. отразилась и на простых верующих: советские люди, даже признавая себя верующими, в 1940–1950-е гг. слабо представляли, какой должна быть церковная жизнь – православная вера и традиции сохранялись в большинстве случаев только внутри семьи [2, с. 58].

С началом Великой Отечественной войны в СССР государственно-церковные отношения постепенно изменялись. Советский народ в быту обращался к Богу, церковь, несмотря на запреты, вела активную благотворительную деятельность. Многие церковные деятели в годы войны проявили патриотическую позицию [1, с. 154, 156]. В этих условиях в 1943 г. произошло примирение государства и церкви.

4 сентября 1943 г. в Московском Кремле состоялась встреча И.В. Сталина с руководством церкви. Иосиф Виссарионович высоко оценил патриотическую деятельность и предложил всестороннюю помощь для церкви. Началось так называемое «церковное возрождение», сущность и признаки которого были выявлены и проанализированы на материалах Калининской епархии в ранее опубликованной статье автора [3, с. 134–142].

Но при этом вероисповедная политика в СССР оставалась неустойчивой, и в рамках рассматриваемого периода намечалась тенденция к ужесточению, что, собственно, и побуждает историков к противоречивым оценкам.

¹ Цыпин Вл., прот. История русской церкви. 1917–1997 // Азбука веры [Электронный ресурс]. URL: http://azbyka.ru/otechnik/Vladislav_Tsy-pin/istorija-russkoj-tserkvi-1917-1997/ (дата обращения: 10.01.2022).

Основные результаты

В изучении церковной жизни явно просматриваются два этапа: советский и постсоветский. Общеизвестно, что послевоенная история РПЦ изучалась в СССР односторонне: церковь по-прежнему рассматривалась как классовый враг. По мнению А.Н. Марченко, осмысление этого периода началось только с середины 1950-х гг., конец 1930-х – середину 1950-х гг. он назвал «литературно бесплодными» по причине влияния разгрома церковных структур и открытого террора по отношению к духовенству и верующим перед войной.

В историографическом обзоре он подчеркнул, что в середине 1950-х – конце 1980-х гг. изучалось развитие атеизма, форм и методов антирелигиозной борьбы и советского религиозного законодательства [4, с. 168]. Нельзя не согласиться с А.Н. Марченко, что в исследованиях советского периода преобладала тема государственно-церковных отношений, включая взаимодействие между Советом по делам РПЦ и Московской Патриархией, а также их преломление на региональном (епархиальном) уровне. При этом сказывалась узость источниковой базы: периодическая печать, журналы Московской Патриархии, выступления церковных иерархов, архивные материалы были практически недоступны.

В работах советских историков государственно-церковные отношения в послевоенный период характеризовались как «нормализация» [5, с. 91], «стабилизация религиозно-церковной жизни» [6, с. 70], подчёркивалось соблюдение свободы совести в СССР [7, с. 53], «приспособленчество» РПЦ к новым советским условиям [8; 9].

В постсоветский период акценты в историографии сменились. В 1990-е гг. были рассекречены архивы Совета по делам РПЦ при Совете министров СССР. Привлечение новых, ранее засекреченных документов побудило исследователей вновь обратиться к истории государственно-церковных отношений в СССР в послевоенный период. Работы историков избавились от влияния коммунистической идеологии, признающей церковь в качестве идеологического врага.

Вопросы, связанные с организацией церковной жизни, затрагивали огромный пласт проблем. Примечательно, что церковная жизнь в СССР в 1945–1950-е гг. изучалась в контексте государственно-церковных отношений по стандартным методикам. Дискуссии по поводу изменения характера взаимодействия православной церкви и советской власти включали сюжеты, связанные с конкретными послевоенными религиозными практиками.

Одним из первых критических подход в исследовании государственно-церковных отношений рассматриваемого периода применил В.А. Алексеев [10; 11]. В качестве причин изменения государственно-церковных отношений в годы Великой Отечественной войны он выделил патриотическую деятельность РПЦ, внешнеполитическую ситуа-

цию. Отказ от репрессивной политики по отношению к церкви в послевоенный период В.А. Алексеев объяснил укреплением влияния РПЦ на советское общество в годы войны и первые послевоенные годы [11, с. 336, 364].

Дискуссионной проблемой остаётся поворот в государственно-церковных отношениях с началом Великой Отечественной войны. Выделялись разные причины перехода государства от конфронтации к диалогу по отношению к православной церкви. М.В. Шкаровский подчёркивал открытие церквей на оккупированных нацистами территориях, патриотическую и благотворительную деятельность церкви, религиозное возрождение в годы Великой Отечественной войны в СССР [1, с. 10, 11, 213].

Иные акценты сделали О.Ю. Васильева и Т.А. Чумаченко: в качестве причины изменения религиозного курса в годы войны они назвали внешнеполитическую ситуацию, взаимоотношение с союзниками по антигитлеровской коалиции [12, с. 124–125; 13, с. 228]. По мнению О.Ю. Васильевой, целью «нового курса» стало использование церковных связей для упрочения влияния в странах Восточной Европы и повышения международного авторитета СССР [12, с. 125].

В трудах известного специалиста, архивиста М.И. Одинцова акцентирована роль Совета по делам РПЦ и лично его председателя Г.Г. Карпова «в нормализацию конструктивного диалога государства и Русской церкви, в возрождение русского православия на просторах СССР» [14, с. 490–491]. По его мнению, председатель Совета по делам РПЦ протестовал против массового закрытия церквей и притеснения духовенства и верующих, чтобы предотвратить «нелегальную деятельность» последних – совершение богослужений в закрытых храмах, часовнях, на святых источниках, в домах без священника [14, с. 493].

Иной подход в историографии церковной жизни в контексте оппозиции «власть – духовенство» прочитывается в исследованиях И.А. Курляндского. Активность верующих удерживали в рамках прихода, запрещалась благотворительная деятельность, церковное просветительство и миссионерство [15, с. 578]. Он сделал вывод о том, что И.В. Сталин шел на уступки церкви с целью её прагматического политического использования внутри страны и за рубежом, а «новый курс» не был рассчитан на длительную перспективу [15, с. 588]. С позицией И.А. Курляндского соглашался и прот. Д. Сазонов, подчёркивая ограничение приходской жизни в послевоенный период участием верующих в богослужениях [16, с. 52].

Прот. Вл. Цыпин, излагая факты из истории церковной жизни, избегал резких выводов и критического анализа. Соглашение между государством и церковью он называл «конкордатом», хрущёвские го-

нения – «наступлением на церковь»¹. Заключённый в сентябре 1943 г. «конкордат», по его мнению, не предполагал равенства сторон и взаимных обязательств. Цель создания Совета по делам РПЦ исследователь видел в наблюдении за умонастроениями в церковной среде, выявлении и искоренении нелояльных и антисоветских элементов².

Дискуссию поддержали и зарубежные историки: так, Д.В. Поспеловский отмечал, что уполномоченные Совета по делам РПЦ имели больше прав, чем архиерей: выполняли их обязанности по подбору и перестановке кадров духовенства, изучали тексты проповедей, разъясняли позицию Московской Патриархии для духовенства. Он сделал вывод о бесправии Русской православной церкви в советское время, всесторонней зависимости от Совета по делам РПЦ [17, с. 277, 279].

Традиционным «замером» уровня религиозности и активности церковной жизни были и остаются статистика открытых/закрытых храмов и приходов, совершенных треб (крещений, венчаний, отпеваний, причастий и т. п.), численность духовенства [18, с. 9–10]. Однако официальная информация изучаемого периода страдала неполнотой и необъективностью, что позволяло исследователям с одинаковой убедительностью оценивать его одновременно и как «церковное возрождение» [19, с. 168], и как «временное перемирие» государства и церкви [20, с. 207]; некоторые отрицали перемены в государственно-церковных отношениях [15, с. 578].

Чтобы определиться в диапазоне противоречивых оценок, нужно изучить церковную жизнь «снизу»: повседневные религиозные практики верующих, взаимоотношения священнослужителей и уполномоченных. Возникают трудности с критериями категории «верующие» по уровню, «глубине», «качеству» религиозности в СССР в послевоенный период. Однако в историографии выделяются их общие усреднённые характеристики: преобладание пожилых женщин, латентность веры у части молодых людей, низкий уровень образования, малоквалифицированный труд. Отмечается, что в праздники храмы часто посещали «неверующие» и «колеблющиеся» [21, с. 64–65].

Повседневная жизнь советского общества в послевоенный период, в том числе эпизоды из религиозных практик, представлены в трудах Е.Ю. Зубковой. Она подчёркивала всплеск религиозной активности в годы войны и послевоенное время и «народной православной веры» [22, с. 103, 106]. «Новый курс» советского государства в отношении православной церкви она назвала «иллюзией либерализации» [22, с. 102].

¹ Цыпин Вл., прот. История русской церкви. 1917–1997 // Азбука веры [Электронный ресурс]. URL: http://azbyka.ru/otechnik/Vladislav_Tsy-pin/istorija-russkoj-tserkvi-1917-1997/ (дата обращения: 15.01.2022).

² Цыпин Вл., прот. История русской церкви. 1917–1997 // Азбука веры [Электронный ресурс]. URL: http://azbyka.ru/otechnik/Vladislav_Tsy-pin/istorija-russkoj-tserkvi-1917-1997/ (дата обращения: 16.01.2022).

Данная тематика углублялась и конкретизировалась на региональных материалах. Сущность понятия «приход» и особенности приходской общинной жизни в советский период представлены в работах О.Б. Молодова. На материалах Архангельской, Вологодской, Мурманской епархий он отмечал, что приходы в каноническом смысле отсутствовали, так как не было общины верующих со стабильным составом. Основу прихода составляли «религиозные активисты», занимающие церковные должности [23, с. 122]. О.В. Грашевская назвала отличительной чертой Мурманской области индифферентное отношение местной власти к деятельности РПЦ¹.

Ю.В. Гераськин рассматривал борьбу верующих за открытие храмов. В качестве главного их мотива для открытия (по материалам ходатайств) он выделил необходимость поминания павших в годы Великой Отечественной войны [24, с. 134]. Он заключил, что зачастую при компромиссе церковных иерархов с властью по вопросу открытия храмов только благодаря движению верующих расширилась епархиальная структура и потенциал Русской православной церкви [24, с. 137].

В настоящее время набирает популярность в историографии изучение персональной истории священнослужителей, религиозных практик населения, соотношения «официального» и «народного» православия. М.В. Каиль, рассматривая положение православного епископата в послевоенные годы на материалах Смоленской епархии, подчёркивал, что архиереи находились в полном подчинении у местных уполномоченных и не имели самостоятельности в кадровой политике, приобретении любого имущества, в передаче в пользу церкви молитвенных зданий.

По его мнению, эти обстоятельства приводили к «безрадостной картине духовной жизни» при бездействии управляющих епархией: обилию некомпетентных священнослужителей недостойного поведения, внутрприходским конфликтам, расхищению церковных средств [25, с. 515, 518]. Взаимодействие с уполномоченным, по его мнению, зависело от «широты кругозора, вовлечённости в церковный контекст и интеллигентности» чиновника и от «гибкости, коммуникативных способностей и возраста» архиереев [26, с. 103–104].

Им же изучена и история священнослужителей Смоленской епархии по материалам епархиального архива и дневниковых записей: подробно рассмотрен жизненный путь «самобытного пастыря, связавшего несколько эпох», Всеволода Корицкого, который запомнился отпеванием в г. Рославле члена Верховного Совета СССР и секретаря смоленского епархиального управления, ведшего самостоя-

¹ Грашевская О.В. Политика советского государства в отношении Русской православной церкви в 1940–1980-х гг.: центр и местные власти (на материалах Мурманской области): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Мурманск, 2005. С. 14.

тельно епархиальные дела, священника Валентина Поликарпова [26, с. 98–102].

Взаимоотношения верующих с уполномоченным Совета по делам РПЦ В.И. Хевроновым на материалах Калининской епархии рассмотрены в работе автора данной статьи. С одной стороны, он помогал налаживать диалог между светской властью и прихожанами: «дозированно» поддерживал ходатайства об открытии храмов, регистрировал духовенство и исполнительные органы. Это позволило расширить сеть церквей, а верующим – участвовать в церковных таинствах и требах.

Однако в то же время представитель Совета по делам РПЦ стремился и ограничить влияние церкви рамками прихода, не допустить появления активных священнослужителей и прихожан, новых очагов православной веры на территории Калининской области. Например, за привлечение детей к служению в алтаре, организацию крестных ходов репрессиям подверглись священник Нил Рясенский, архимандрит Стефан (Светозаров) из Вознесенской церкви г. Осташкова [27, с. 77].

Важные документы государственных и епархиального архива по Ивановской области для сравнительно-сопоставительного анализа с другими регионами опубликованы и проанализированы в монографии А.А. Федотова. В работе содержатся биографические сведения об управляющих епархией, информация об их взаимоотношениях с уполномоченным, процессе открытия церквей в послевоенный период. Например, подробно представлена работа епископа Ивановского и Кинешемского Венедикта (Полякова) с 1948 по 1956 гг. по расширению церковной деятельности.

Интересные подробности религиозной жизни г. Иваново представлены в опубликованном письме епископа уполномоченному: «Вам, конечно, известно, в какой ужасной обстановке прошло у нас Пасхальное богослужение, когда была забита народом не только церковная ограда, но и предсоборная площадь, и люди взбирались на крыши домов, заборы и деревья. Автомашина наша не могла пробраться к церкви, и мы, остановившись на площади, вынуждены были с огромным усилием пробираться сквозь толпу верующих, плотную стеною стоявших у переполненного до отказа храма. Во время крестного хода, а потом и самого богослужения в храме была такая давка, и стояли от этого такой крик, визг и шум в церкви, что священнослужители не слышали своих возгласов, а певчие хора своего пения»¹.

Прот. Виктор Лисюнин собрал множество ценных для исследователей повседневной церковной жизни Тамбовской епархии воспоминаний современников, изучал различные аспекты деятельности

¹ Федотов А.А. Русская православная церковь в XX в. на Ивановской земле: сб. док. и материалов. Иваново, 2010. 340 с. [Электронный ресурс]. URL: http://aalfedotov.narod.ru/Book/Russian_Orthodox_Church_in_Ivanovo_region_records.htm#_ftnref19 (дата обращения: 12.01.2022).

архиепископа Луки (Войно-Ясенецкого) в Тамбовской епархии с 1944 по 1946 гг.

Например, В.И. Левашова, работавшая вместе с Лукой в больнице, свидетельствовала об уникальной ситуации атеистического времени: «Несмотря на то, что время было сложное, когда раненые могли и матом обругать, он разговором и молитвой внушал спокойствие, и человек понимал. Когда человек был на исходе, Владыка Лука мог привезти Святое Причастие и причащал таких людей перед их кончиной. Случалось, что некрещеные крестились, и Владыка Лука помогал им в этом прямо там, в госпитале, когда они лежали на своем одре. Он всегда был с молитвой и нас учил. Операции начинал с молитвы».

В то же время Покровская церковь, где служил архиепископ Лука, была полна верующими. «Народу много ходило – церковь была одна. Перед началом службы многие выходили встречать владыку. После встречи много людей набивалось. Весь народ стоит так и пошевелиться не может» [19, с. 183, 185].

Различные аспекты церковной жизни, в том числе состояние духовенства, уровень религиозности населения изучал и С.А. Чеботарев на материалах архивов по Тамбовской области. По его подсчетам, к 1948 г. около 70 % духовенства епархии было дореволюционного поставления, 60 % имело судимость, средний возраст – 57 лет. На основе данных об обрядности сделан вывод о степени религиозности населения области – более 50 %. Примечательно, что в 1948 г. 94 % сельских священнослужителей не имело собственного жилья и в условиях голода не снабжалось хлебом¹.

Церковная повседневность на материалах государственного архива Тверской области, архивного отдела Тверской епархиальной научной библиотеки исследована Т.Г. Леонтьевой. Отмечено, что «на местах протекали противоречивые процессы, заметно отличающиеся от “официальной” картины религиозной жизни». Верующие были настроены на реанимацию привычной церковной жизни [18, с. 9].

Однако сказывались недостаточный образовательный и культурный уровень духовенства, «инверсия» девиаций: вместо прихожан сами священники нарушали церковную дисциплину. Среди пороков священников выделены пьянство, табакокурение, хищение средств из церковной кассы. Распространено было служение «нелегальных» бродячих священников и даже молитвенные собрания по домам без духовенства [18, с. 9, 11, 14].

Зачастую документы, касающиеся взаимодействий церковных и светских властей, не отражают позицию и религиозные практики верующих. В связи с этим организован проект «Церковная жизнь в свет-

¹ Чеботарев С.А. Отношения государства и церкви в середине 1940-х – середине 1960-х гг. (на материалах Тамбовской области): автореф. дис... канд. ист. наук. Тамбов, 2004. С. 17.

ском обществе в 1940–1950-е гг.: религиозные практики населения Калининской области в воспоминаниях “детей войны”». Руководитель проекта Т.Г. Леонтьева, ссылаясь на упадок организованной церковной жизни, заключает, что «...семья приобретает черты социального звена, которое имеет сакральное значение: в его пределах протекает религиозная жизнь, совершаются религиозные ритуалы» [2, с. 58].

Таким образом, анализ историографии церковной жизни показал, что работы советских историков, отражающие идеологию атеистического государства, признавая определенные сдвиги в государственно-церковных отношениях в послевоенный период, несколько идеализировали их характер, отказываясь признать ограниченность прав церкви, инициатив духовенства и верующих в борьбе за открытие храмов и восстановление приходской жизни.

Постсоветская историография избавилась от идеологического влияния, появились новые подходы к изучению церковной жизни. Однако методика исследований предшествующего периода давала о себе знать: основное внимание историков «переместилось» на епархиальный уровень, где наиболее отчетливо прослеживалось взаимодействие светской и церковной власти через институт уполномоченных по делам РПЦ.

В современной историографии постепенно происходит переход от изучения церковно-государственных отношений к анализу ещё недостаточно изученной церковной жизни: персональной истории священнослужителей, религиозных практик верующих. Вовлекаются в научный оборот воспоминания, свидетельства и дневники очевидцев событий. Но при этом все еще недостаточно учитываются повседневные церковно-религиозные практики «простых» советских граждан, сохранивших православную веру, а также специфика развития событий в столице и провинции, в городах и сельской местности.

Исходя из того, что в послевоенный период, один из неоднозначных в историографии истории Русской православной церкви, церковь не только возродилась как организационная структура, но прежде всего активизировалась церковная жизнь; сбор и изучение источников личного происхождения и их сопоставление с официальными документами является перспективным в рамках рассмотрения повседневных религиозных практик верующих.

Список литературы

1. Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь в XX веке. – М.: Вече, Лепта, 2010. – 480 с.
2. Леонтьева Т.Г. О воцерковленности населения Калининской области в 1930–1950 гг. (По воспоминаниям «детей войны») // Вестник Тверского государственного университета. Серия «История». – 2021. – № 3 (59). – С. 40–61.
3. Дмитриев Н.А. «Церковное возрождение» в СССР в послевоенный период // Путь в науку: материалы междунар. науч. конф. молодых ученых исторического

факультета Тверского государственного университета, Тверь, 27 апреля 2020 г. / Сост., ред. Т.Г. Леонтьева, Ю.В. Степанова. – Тверь: Тверской государственный университет, 2020. – С. 134–142.

4. Марченко А.Н. Государственно-церковные отношения в СССР в трудах светских и церковных исследователей XX – начала XXI века // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 15. – С. 164–177.

5. Куроедов В.А. Религия и церковь в советском обществе. 2-е изд., доп. – М.: Политиздат, 1984. – 256 с.

6. Гордиенко Н.С. Современное русское православие. – Л.: Лениздат, 1987. – 302 с.

7. Куроедов В.А. Религия и церковь в советском государстве. – М.: Изд-во политической литературы, 1981. – 263 с.

8. Курочкин П.К. Эволюция современного русского православия. – М.: Мысль, 1971. – 270 с.

9. Платонов Р.П. Церковь приспособляется. – Минск: Беларусь, 1964. – 97 с.

10. Алексеев В.А. «Штурм небес» отменяется?: Критические оценки по истории борьбы с религией в СССР. – М.: Изд. центр «Россия молодая», 1992. – 299 с.

11. Алексеев В.А. Иллюзии и догмы. – М.: Политиздат, 1991. – 400 с.

12. Васильева О.Ю. Внешнеполитическая деятельность Русской православной церкви в первые послевоенные годы // Историко-религиоведческие исследования. – 2014. – № 1. – С. 124–146.

13. Чумаченко Т.А. Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 гг. – М.: АИРО-XX, 1999. – 248 с. Серия «Первая монография».

14. Одинцов М.И. Вероисповедная политика советского государства в 1943 – 1953 гг. // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1943–1953 гг.: материалы VII междунар. науч. конференции. Тверь, 4–6 декабря 2014 г. – М.: Полит. энциклопедия; Президентский центр Б.Н. Ельцина, 2015. – С. 488–501.

15. Курляндский И.А. Сталин, власть, религия. – М.: Кучково поле, 2011. 720 с.

16. Сазонов Д., прот. Развитие приходской общинной жизни в Русской православной церкви и её особенности с 1918 по 1988 годы // Вестник Костромского государственного университета. – 2017. – № 3. – С. 51–55.

17. Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. – М.: Республика, 1995. – 512 с.

18. Леонтьева Т.Г. Церковная повседневность эпохи позднего сталинизма в провинциальном измерении // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1943–1953 гг.: материалы VII междунар. науч. конференции. Тверь, 4–6 декабря 2014 г. – М.: Полит. энциклопедия; Президентский центр Б.Н. Ельцина, 2015. – С. 8–16.

19. Лисюнин В.Ф. прот. Годы служения святителя-исповедника Луки (Войно-Ясенецкого) на Тамбовской земле по зафиксированным свидетельствам и воспоминаниям очевидцев // Вестник Тамбовского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2019. – Т. 24. – № 178. – С. 182–192.

20. Васильева О.Ю. Русская Православная Церковь в политике Советского государства в 1943–1948 гг. – М.: Институт Российской истории РАН, 2001. – 215 с.

21. Сосковец Л.И. Советские верующие: общие социодемографические и культурные характеристики // Вестник Томского государственного университета. – 2004. – № 281. – С. 62–65.

22. Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. – 229 с.

23. Молодов О.Б. Православный приход: понятие и система управления в 1945–2000 гг. (на материалах Европейского Севера) // Новейшая история России. – 2016. – № 3. – С. 121–137

24. Гераськин Ю.В. Подача ходатайств об открытии храмов в 1940–1950-е годы как способ отстаивания конституционного права на свободу вероисповедания // Вестник Челябинского государственного университета. Серия: История. – 2008. – № 15. – С.132–138.

25. Каиль М.В. Православный епископат в послевоенной провинции: между верой и властью // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1943–1953 гг.: материалы VII междунар. науч. конференции. Тверь, 4–6 декабря 2014 г. – М.: Полит. энциклопедия; Президентский центр Б.Н. Ельцина, 2015. – С. 509–518.

26. Каиль М.В. Российское православное духовенство и верующие: самосознание и вера в исторических реалиях 1914–1960-х гг. // Персональная история православия: судьбы церкви и верующих в новейшей истории России. Коллективная монография / под ред. М.В. Каиля. – М.: Изд-во СмолГУ, 2021. – С. 57–106.

27. Дмитриев Н.А. Уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви по Калининской области в период “церковного возрождения”: гонитель или помощник? // Теологический вестник Смоленской Православной Духовной Семинарии: ежегодный научный журнал. – 2021. – № 3. – С. 71–80.

References

1. *Shkarovskii M.V. Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' v XX veke* [The Russian Orthodox Church in the XX century]. – Moscow: Veche, Lepta, 2010. – 480 p. [In Russ.]

2. *Leont'eva T.G. O vocerkovlennosti naselenija Kalininskoj oblasti v 1930–1950 gg. (Po vospominanijam «detej vojny»)* [On the churchness of the population of the Kalinin region in 1930–1950 (from memories of “children of war”)] // *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija Istorija* [Bulletin of Tver State University. Series: History]. – 2021. – № 3 (59). – P. 40–61. (In Russ.)

3. *Dmitriev N.A. «Tserkovnoe vozrozhdenie» v SSSR v poslevoennyi period* [“Church revival” in the USSR in the post-war period] // *Put' v nauku: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii molodykh uchenykh istoricheskogo fakul'teta Tverskogo gosudarstvennogo universiteta, Tver', 27 aprelya 2020 g.* [Path to science: materials of the international scientific conference of young scientists of the Faculty of History of Tver State University, Tver, April 27, 2020]. Comp., edited by T.G. Leont'eva, Yu.V. Stepanova. – Tver': Tverskoi gosudarstvennyi universitet, 2020. – P. 134–142. (In Russ.)

4. *Marchenko A.N. Gosudarstvenno-tserkovnye otnosheniya v SSSR v trudakh svetskikh i tserkovnykh issledovatelei XX – nachala XXI veka* [State-church relations in the USSR in the works of secular and ecclesiastical researchers of the XX – beginning of the XXI century] // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University]. – 2008. – № 15. – P. 164–177. (In Russ.)

5. *Kuroedov V.A. Religiya i tserkov' v sovetskom obshchestve* [Religion and the Church in Soviet society], 2nd ed., add. – Moscow: Politizdat, 1984. – 256 p. (In Russ.)

6. *Gordienko N.S. Sovremennoe russkoe pravoslavie* [Modern Russian Orthodoxy]. – Leningrad: Lenizdat, 1987. – 302 p. (In Russ.)

7. *Kuroedov V.A. Religiya i tserkov' v sovetskom gosudarstve* [Religion and the church in the Soviet state]. – Moscow: Izd-vo politicheskoi literatury, 1981. – 263 p. (In Russ.)

8. *Kurochkin P.K. Evolyutsiya sovremennogo russkogo pravoslaviya* [Evolution of modern Russian Orthodoxy]. – Moscow: Mysl', 1971. – 270 p. (in Russ.)

9. *Platonov R.P. Tserkov' prisposablivaetsya* [The Church adapts]. – Minsk: Belarus', 1964. – 97 p. (In Russ.)
10. *Alekseev V.A. «Shturm nebes» otmenyaetsya?: Kriticheskie otsenki po istorii bor'by s religiei v SSSR* [Is the “Storming of heaven” canceled?: Critical assessments on the history of the struggle against religion in the USSR]. – Moscow: Izd. tsentr «Rossiya molodaya», 1992. – 299 p. (In Russ.)
11. *Alekseev V.A. Illyuzii i dogmy* [Illusions and dogmas]. – Moscow: Politizdat, 1991. – 400 p. (In Russ.)
12. *Vasil'eva O.Yu. Vneshnepoliticheskaya deyatel'nost' Russkoi pravoslavnoi tserkvi v pervye poslevoennye gody* [Foreign policy activity of the Russian Orthodox Church in the first post-war years] // *Istoriko-religiovedcheskie issledovaniya* [Historical and religious studies]. – 2014. – № 1. – P. 124–146. (In Russ.)
13. *Chumachenko T.A. Gosudarstvo, pravoslavnaya tserkov', veruyushchie. 1941–1961 gg.* [The state, the Orthodox Church, believers. 1941–1961]. – Moscow: AIRO-XX, 1999. – 248 p. Seriya «Pervaya monografiya». (In Russ.)
14. *Odintsov M.I. Veroispovednaya politika sovetskogo gosudarstva v 1943–1953 gg.* [The religious policy of the Soviet state in 1943–1953] // *Sovetskoe gosudarstvo i obshchestvo v period pozdnego stalinizma. 1943–1953 gg.: materialy VII mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Tver', 4–6 dekabrya 2014 g.* [The Soviet state and society in the period of late Stalinism. 1943–1953: Proceedings of the VII International Scientific Conference. Tver, December 4–6, 2014]. – Moscow: Polit. entsiklopediya; Prezidentskii tsentr B.N. El'tsina, 2015. – P. 488–501. (In Russ.)
15. *Kurlyandskii I.A. Stalin, vlast', religiya* [Stalin, power, religion]. – Moscow: Kuchkovo pole, 2011. – 720 p. (In Russ.)
16. *Sazonov D., prot. Razvitie prikhodskoi obshchinnoi zhizni v Russkoi pravoslavnoi tserkvi i ee osobennosti s 1918 po 1988 gody* [The development of parish community life in the Russian Orthodox Church and its features from 1918 to 1988] // *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kostroma State University]. – 2017. – № 3. – P. 51–55. (In Russ.)
17. *Pospelovskii D.V. Russkaya pravoslavnaya tserkov' v XX veke* [The Russian Orthodox Church in the XX century]. – Moscow: Respublika, 1995. – 512 p. (in Russ.)
18. *Leont'eva T.G. Tserkovnaya povsednevnost' epokhi pozdnego stalinizma v provintsial'nom izmerenii* [Church everyday life of the era of late Stalinism in the provincial dimension] // *Sovetskoe gosudarstvo i obshchestvo v period pozdnego stalinizma. 1943–1953 gg.: Materialy VII mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Tver', 4–6 dekabrya 2014 g.* [The Soviet state and society in the period of late Stalinism. 1943–1953: Proceedings of the VII International Scientific Conference. Tver, December 4–6, 2014]. – Moscow: Polit. entsiklopediya; Prezidentskii tsentr B.N. El'tsina, 2015. – P. 8–16. (In Russ.)
19. *Lisyunin V.F. prot. Gody sluzheniya svyatitelya-ispovednika Luki (Voyno-Yasenetskogo) na Tambovskoi zemle po zafiksirovannym svidetel'stvam i vospominaniyam ochevidtsev* [St. Luke the Confessor's (Voyno-Yasenetsky) years of ministration in Tambov land in recorded documents and witnesses' memories] // *Vestnik Tambovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Tambov State University. Series: Humanities]. – 2019. – T. 24. – № 178. – P. 182–192. (In Russ.)
20. *Vasil'eva O.Yu. Russkaya Pravoslavnaya Tserkov' v politike Sovetskogo gosudarstva v 1943–1948 gg.* [The Russian Orthodox Church in the Politics of the Soviet State in 1943–1948]. – Moscow: Institut Rossiiskoi istorii RAN, 2001. – 215 p. (In Russ.)
21. *Soskovets L.I. Sovetskie veruyushchie: obshchie sotsiodemograficheskie i kul'turnye kharakteristiki* [Soviet believers: general socio-demographic and cultural char-

acteristics] // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University]. – 2004. – № 281. – P. 62–65. (In Russ.)

22. *Zubkova E.Yu.* 1953 Post-war Soviet Society: Politics and Everyday life. 1945–1953 [Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: politika i povsednevnost' 1945–1953]. – Moscow, Rossiiskaya politicheskaya entsiklopediya (ROSSPEN), 1999. – 229 p. (In Russ.)

23. *Molodov O.B.* *Pravoslavnyi prikhod: ponyatie i sistema upravleniya v 1945–2000 gg. (na materialakh Evropeiskogo Severa)* [Orthodox parish: concept and management system in 1945–2000 (based on the materials of the European North)] // *Noveishaya istoriya Rossii* [The modern history of Russia]. – 2016. – № 3. – P. 121–137. (In Russ.)

24. *Geras'kin Yu.V.* *Podacha khodataistv ob otkrytii khramov v 1940–1950-e gody kak sposob otstaivaniya konstitutsionnogo prava na svobodu veroispovedaniya* [Filing petitions for the opening of churches in the 1940s and 1950s as a way to defend the constitutional right to freedom of religion] // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya* [Bulletin of the Chelyabinsk University. Series: History]. – 2008. – № 15. – P. 132–138. (In Russ.)

25. *Kail' M.V.* *Pravoslavnyi episkopat v poslevoennoi provintsii: mezhdru veroi i vlast'yu* [The Orthodox Episcopate in the Post-War Province: between Faith and Power] // *Sovetskoe gosudarstvo i obshchestvo v period pozdnego stalinizma. 1943–1953 gg.: Materialy VII mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Tver', 4–6 dekabrya 2014 g.* [The Soviet state and society in the period of late Stalinism. 1943–1953: Proceedings of the VII International Scientific Conference. Tver, December 4–6, 2014]. – Moscow: Polit. entsiklopediya; Prezidentskii tsentr B.N. El'tsina, 2015. – P. 509–518. (In Russ.)

26. *Kail' M.V.* *Rossiiskoe pravoslavnoe dukhovenstvo i veruyushchie: samosoznanie i vera v istoricheskikh realiyakh 1914–1960-kh gg.* [Russian Orthodox clergy and believers: self-awareness and faith in the historical realities of the 1914–1960's.] // *Personal'naya istoriya pravoslaviya: sud'by tserkvi i veruyushchikh v noveishei istorii Rossii. Kollektivnaya monografiya* [Personal History of Orthodoxy: the fate of the Church and believers in the modern history of Russia. Collective monograph] / edited by M.V. Kail'. – Moscow: Izd-vo SmolGU, 2021. – P. 57–106. (In Russ.)

27. *Dmitriev N.A.* *Upolnomochennyi Soveta po delam Russkoi pravoslavnoi tserkvi po Kalininskoj oblasti v period "tserkovnogo vozrozhdeniya": gonitel' ili pomoshchnik?* [Commissioner of the Council for the affairs of the Russian Orthodox Church in the Kalinin region during the period of "church revival": persecutor or helper?] // *Teologicheskii vestnik Smolenskoj Pravoslavnoi Dukhovnoi Seminarii: ezhegodnyi nauchnyi zhurnal* [Theological Bulletin of the Smolensk Orthodox Theological Seminary: an annual scientific journal]. 2021. – № 3. – P. 71–80. (In Russ.)

УДК 94(47+57)“1940/1950”

ГРНТИ 03.23.55: История России Новейшего времени

03.23.07: Историография и источниковедение Истории России

DOI 10.35231/25422375_2022_1_20

О.Г. Леонтьева

Повседневная жизнь в СССР 1940–1950-е гг.: источниковая база и перспективы исследования*

В статье дана характеристика источниковой базы научного исследования, осуществляемого в рамках проекта «Церковная жизнь в советском обществе в 1940–1950 гг.: религиозные практики населения Калининской области в воспоминаниях детей войны». Для реализации проекта использованы две основные группы источников: архивные документы и устные исторические источники (анкеты). Особое внимание в статье уделено характеристике архивных документов как источников по истории повседневности. Цель статьи – на примере документных комплексов региональных архивов определить возможности изучения религиозных практик населения в военные и послевоенные годы.

Архивные документы являются результатом документирования деятельности организаций и учреждений, в первую очередь государственных, и отражают значимые события и официальную точку зрения на эти события. Бытовая сторона жизни населения в целом отражена в архивных документах, в том числе личного происхождения, слабо. В статье проанализированы отдельные виды архивных документов, их информативность и возможность создания информационного блока по истории повседневности.

Ключевые слова: история повседневности, архивные документы, личные фонды, церковная жизнь в советском обществе, открытие церквей, религиозные практики, устная история, Калининская область 1940–1950 гг.

Ol'ga G. Leont'eva

Everyday life in the USSR of the 1940s – 1950s: source base and research prospects

The article describes the source base of the scientific research carried out within the framework of the project «Church life in Soviet society in 1940–1950: religious practices of the population of the Kalinin region in the memoirs of "war children"». To implement the project, two main groups of sources were used – archival documents and oral historical sources (questionnaires). Special attention is paid to the characteristics of archival documents as sources on the history of everyday life. The purpose of the article is to determine possibilities of studying religious practices of the population in the war and post-war years by the example of documentary complexes of regional archives.

© Леонтьева О.Г., 2022

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43126.

Archival documents are the result of documenting the activities of organizations and institutions, primarily state ones, and reflect significant events and the official point of view on these events. The everyday side of the population life, as a whole, is poorly reflected in archival documents, including documents of personal origin. The article analyzes certain types of archival documents, their informative value and the possibility of creating an information block on the history of everyday life.

Key words: history of everyday life, archival documents, personal papers, church life in Soviet society, the opening of churches, religious practices, oral history, Kalinin Oblast 1940–1950

Повседневная жизнь стала объектом пристального внимания российских историков на рубеже XX–XXI вв. [1–3]. Историки повседневности пытаются проанализировать образ жизни отдельного человека и групп людей во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах. По мнению Ф. Броделя, существует тесная взаимосвязь между образом жизни, бытом людей и их ментальностью¹. В основе всех исследований лежит стремление изучить человеческий опыт, стратегию поведения людей в различных социальных условиях.

В определенной мере одной из задач реализации проекта «Церковная жизнь в советском обществе в 1940–1950 гг.: религиозные практики населения Калининской области в воспоминаниях „детей войны“» является определение места Русской православной церкви в повседневной жизни советских граждан в военные и послевоенные годы. Реконструкция исторического опыта и образа жизни широких слоев населения позволяет ответить на вопрос о причинах разного восприятия группами населения изменений в отношении церкви и государства и, соответственно, разного поведения: почему одни открыто принимали веру и церковь, а другие оставались тайно сочувствующими.

История повседневности, как и любое направление исторической науки, располагает собственной источниковой базой. Разумеется, вопрос заключается в том, насколько эта база обширна, достоверна и презентабельна. Следует отметить, что круг источников, привлекаемых историками повседневности, весьма разнообразен, начиная с археологических данных и заканчивая результатами социологических опросов. Тем не менее основу составляет документированная информация, т. е. письменные источники во всех их проявлениях.

Обращаясь к архивным документам как источникам по истории повседневности, исследователи особое внимание обращают на документы личного происхождения, содержащие информацию о частной

¹ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.: в 3 т. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/brodel/brodel.pdf> (дата обращения: 25.12.2021).

жизни человека или группы людей, в основном бытовой ее стороне. Повседневность фиксируется в личных дневниках, частной переписке, воспоминаниях, но именно эти категории документов редко присутствуют в личных фондах региональных архивов. Кроме того, даже при наличии таких документов в фонде интересующую информацию придется буквально выбирать из общего потока.

Также нужно учитывать, что государственные архивы комплектовались личными фондами по принципу значимости фондообразователя. В связи с этим количество фондов священников, церковных старост, руководителей религиозных обществ в современных государственных и муниципальных архивах весьма ограничено. В практике тверских архивов присутствует один личный фонд священника объемом семь дел, включающий документы за 1905–1992 гг., это фонд священника Н.В. Лебедева [4].

Священник церкви Казанской иконы Божьей Матери с. Власьево Калининского района Н.В. Лебедев был репрессирован в 1931–1933 гг. и отправлен в лагерь для ссыльных в Коми-Пермяцкий (национальный) округ. В архив документы о Н.В. Лебедеве поступили в конце 1990-х гг.

К сожалению, личный фонд не богат документами, кроме того, документы его информационно ограничены, основу составляют два письма и три фотографии. В фонд включены письма политических заключенных, отправленные родственникам Н.В. Лебедева, о его жизни в лагере в 1930–1940 гг. Особое дополнение к этим письмам составляют копии документов из архивного уголовно-следственного дела Н.В. Лебедева. В целом информация фонда дает возможность составить представление об эпизоде из повседневной жизни.

Документы личных фондов священников представляют интерес с позиции рассмотрения отношений батюшки и паствы. Священник в данном случае выступает как участник повседневных событий, но документный комплекс государственных архивов не позволяет провести полноценное исследование по данному направлению без привлечения дополнительных источников. В первую очередь это могут быть документы епархиального архива, к сожалению, малодоступные широкому кругу исследователей.

Особый информационный комплекс составляют архивно-следственные и фильтрационно-проверочные дела бывших органов НКВД / КГБ, в которых сосредоточена информация о репрессиях против служителей культа. В Тверской области документы, переданные на государственное хранение в Тверской центр документации новейшей истории, составляют отдельный фонд [5]. К сожалению, доступ к информации этого комплекса документов также ограничен для исследователей, поскольку документы содержат информацию конфиденциального характера.

Документы личных фондов характеризуют чаще всего быт, но информация такого характера редко представлена единым блоком. Причина, с нашей точки зрения, заключается в принципах комплектования личных фондов. Фактически до настоящего времени в основе оценки документальных комплексов личного происхождения лежит значимость фондообразователя. При таком подходе на архивное хранение в первую очередь отбираются документы о творческой и профессиональной деятельности граждан.

В связи с этим, если обращаться к личным фондам региональных архивов, то личная жизнь фондообразователя, как правило, представлена личными документами, поздравительными письмами, документами родственников; при отсутствии дневниковых записей или воспоминаний сложно составить целостную информационную картину о повседневной жизни. На основе этих документов можно реконструировать частную жизнь отдельных людей.

Возвращаясь к целям и задачам проекта «Церковная жизнь в советском обществе в 1940–1950-х гг.: религиозные практики населения Калининской области в воспоминаниях „детей войны“» следует отметить, что информации о церковной жизни в документах граждан, переданных на государственное хранение, полностью отсутствует. Пожалуй, можно говорить лишь об отдельных репликах некоторых лиц.

Архивные документы, как источники по истории повседневности, могут использоваться более успешно, если отражают повседневность как многократно повторяющиеся социальные явления. Объем таких документов в архивах невелик, поскольку массовые источники поступали на государственное хранение в ограниченном виде.

В качестве таких источников информации могут быть использованы документы партийных организаций КПСС и органов государственной власти, контролировавших действия религиозных организаций в стране, т. е. документы, которые составлялись регулярно по одному и тому же поводу. Например, в государственном архиве Тверской области на хранении находится фонд уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР по Калининской области, в котором сохранилось значимое количество регистрационных дел религиозных объединений.

Эти дела однотипны по составу документов, они содержат информацию о порядке регистрации религиозных объединений разных конфессий, существовавших на территории Калининской области в 1930–1980 гг., в том числе в период 1940–1950 гг. Наибольший интерес в рамках проекта представляют списки верующих с их личными подписями, которые служат подтверждением аутентичности информации. Проведенный анализ регистрационных дел позволил выделить группы однотипных сведений [6]:

принадлежность к конфессии (вид религиозного объединения: Русская православная церковь, евангельские христиане баптисты, старообрядцы, старообрядцы беспоповцы и пр.);

количество обращений о регистрации объединения и результат;
место действия религиозной организации, географическое расположение;

сведения о верующих (ФИО, пол, год рождения, гражданство (лишен или не лишен избирательных прав), наличие судимости, место работы, место жительства, дата перехода в другое вероисповедание);

сведения о реагировании местной власти (проверки подлинности подписей, указание порядка сбора подписей, причин подписания документов гражданами, количество лиц, выбывших из списков).

Личные сведения о верующих носят общий характер, но и в этом случае возможны обобщения. Самую большую возрастную группу составляют родившиеся в 1870–1890 гг., незначительная часть граждан указывает годом рождения 1920-е гг., очень редко в списках встречаются люди, родившиеся в 1930-е гг. [6, л. 13]. Вместо должности и места работы указывалось занятие: колхозник, домохозяйка, член артели, пенсионер. Собственно, этими занятиями и ограничивается сфера деятельности верующих. Можно предположить, что занятия такого рода в совокупности с возрастом позволяли гражданам открыто выступать и подписывать документы.

Для подачи заявления о регистрации общины требовалось согласие 20 чел., но в архивных документах имеется информация о присутствии на собраниях верующих от 30 до 100 чел. [7, л. 144; 8, л. 1]. Хотя информация о значительном количестве верующих, добывающихся открытия церквей, признавалась государственными органами недостоверной, можно предположить, что часть населения просто не желала открыто высказывать свое мнение.

Таким образом, регистрационные дела содержат информацию, позволяющую значительно дополнить «портрет» верующего человека 1940–1950 гг.

Определенную информацию о религиозных практиках населения Калининской области содержат отчеты уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР по Калининской области, представителей исполкомов районных советов депутатов трудящихся, секретарей Калининского обкома КП РСФСР, составленные по итогам событий и мероприятий религиозного характера, произошедших на территории Калининской области.

Например, в 1944 г. впервые было разрешено ночное богослужение при праздновании Пасхи, что привлекло в церкви значительное число людей. В информации уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР по Калининской области указывалось, что на пасхальную службу с 15 на 16 апреля 1944 г. в действующих церквях собиралось от 1000 до 1500 чел. [7, л. 144 об.]. Богослужения проходили не только во всех действующих, но и около закрытых и разрушенных церквей.

Особое место в информационном блоке официальных архивных документов занимают сведения о закрытии и открытии церквей на тер-

ритории Калининской области. Этот блок очень разнообразен и по составу документов, и по содержанию информации. Прежде всего в фондах сохранились списки действующих и недействующих церквей. Такие списки сохранились не только в фонде уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР по Калининской области, но и в фонде Калининского обкома КПСС.

Составлены списки по районам Калининской области, сведения по крупным городам, например Калинин, Торжке, выделены в отдельную строку. Имеется информация о количестве церковных зданий, сохранившихся на определенную дату, сведения о количестве действующих и недействующих церквей, а также информация о количестве зданий, использовавшихся для «культурных целей» [7, л. 146–146 об.]. Отдельно указано количество неиспользуемых, пустующих церковных зданий. Например, на 20 апреля 1944 г. в Калининской области имелась 571 церковь, действующими были 64, соответственно недействующими значилось 507, из которых под культурно-хозяйственные цели использовалось 305, пустующими были здания 202 церквей [7, л. 144–145].

Судя по документам, в 1940-е гг. на территории некоторых районов Калининской области не было действующих церквей [7, л. 146]. В списке, составленном на 20 апреля 1944 г., указано, что действующие церкви отсутствовали в Бологом, Вышнем Волочке, Кимрах, Торжке, т. е. в крупных районных центрах. В списках указано, что церковные здания были переданы «под культурные цели» [7, л. 146]. К сожалению, в большинстве случаев отсутствуют указания на конкретные объекты культуры.

Данная информация позволяет наглядно увидеть попытки власти не просто закрыть церкви, а заменить их учреждениями культуры. Большинство церквей было передано под клубы и школы, что в 1943–1944 гг. позволило местным властям отказывать верующим в передаче им культовых зданий.

Попытки верующих добиться передачи в пользование ранее закрытых церквей особенно активизируются в 1943–1944 гг. после принятия в ноябре 1943 г. постановления СНК СССР «О порядке открытия церквей»¹. В документах уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви в Калининской области сохранились документы, характеризующие инициаторов открытия церквей. Уполномоченные лица ставили своей задачей создавать и поддерживать иллюзию того, что общины верующих – это искусственно созданные путем обмана сиюминутные объединения граждан преклонного возраста во главе с бывшими и действующими служителями культа.

В отчете о действиях Русской православной церкви в апреле 1944 г. содержится характеристика пяти человек, выступавших от лица

¹ Русская православная церковь в годы Великой Отечественной войны в 1941–1945 гг.: сб. док. С. 290–291. Док. № 99. URL: https://azbyka.ru/otechnik/Istorija_Tserkvi/russkaja-pravoslavnaja-tserkov-v-gody-velikoj-otechestvennoj-vojny-1941-1945-gg/2_29 (дата обращения: 06.01.2022).

верующих за открытие церквей [7, л. 144–145]. Во всех случаях указывается, что граждане действовали без полномочий верующих, а подписи были собраны обманом. Например, ходатайство жителей д. Городок Козловского района об открытии церкви, подтвержденное протоколом собрания верующих, описывается автором отчета как действия «бывшей монашки Николаевой и старика Соболева» [7, л. 144–145] по сбору подписей по собственной инициативе. Отмечалось также, что часть граждан, при опросе их представителями власти, отказалась от своих подписей.

Подобным образом истолковывались ходатайства о передаче полуразрушенных церковных зданий в с. Николо-Малица Калининского района [8, л. 7]. В этом случае желание верующих воспринималось властью как единоличные действия бывшего церковного старосты.

Попытки представить просьбы населения об открытии церквей как коростные действия отдельных граждан опровергаются все теми же официальными документами, в первую очередь регистрационными делами. Например, жители с. Родня Старицкого района Калининской области в течение двух лет (1944–1946) добивались разрешения открытия церкви и в результате получили его [9].

В отчетах уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР по Калининской области присутствует информация о том, что активность верующих в вопросе открытия церквей не уменьшалась, несмотря на многочисленные отказы. Кроме того, в отчетах имеется сведения о настроениях верующих. Например, священник церкви в с. Раевское Брусиловского района в проповеди утверждал, что скоро в школах введут Закон Божий [7, л. 145], в чем нашел поддержку паствы.

Верующие были настроены оптимистично, надеялись на дальнейшие послабления в отправлении культа. В докладной записке о состоянии агитационно-пропагандистской работы в Торопецком районе Калининской области отмечались панические настроения, неверие в победу Красной армии, распространение слухов о конце света [10]. В ряде отчетов указывалось, что некоторые граждане не приняли изменений в отношении государства к церкви и верующим, считая действия власти неправомерными и неоправданными уступками.

По итогам изучения архивных документов можно сделать вывод, что информация официальных документов свидетельствует о желании людей вернуть утраченные ритуалы и обряды, проводить богослужения с соблюдением основных канонов, что характеризует настроения части населения. Но официальные документы все же фиксируют единичные события, которые лишь в силу своей повторяемости могут быть рассмотрены как проявление повседневности.

Информация о повседневности, быте, культуре рассредоточена по многим фондам и делам. Причем это достаточно широкий спектр: от фонда уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при СНК СССР по Калининской области до коллекции фольклорных

экспедиций. Даже в случае активной работы с архивными документами нет гарантии создания единого информационного комплекса.

Сформировать информационный блок, состоящий из многочисленных, повторяющихся эпизодов, пережитых разными людьми по одному и тому же поводу, возможно только целенаправленно, инициативно. Это позволяет сделать устная история, которая сегодня рассматривается как индустрия исторических исследований [11], в первую очередь исследований повседневной жизни и быта населения.

Большую часть источников по истории повседневности представляют именно устные исторические источники. Результаты устных опросов составляют основную часть источниковой базы исследования, проводящегося в рамках проекта «Церковная жизнь в советском обществе в 1940–1950 гг.: религиозные практики населения Калининской области в воспоминаниях „детей войны“». При реализации проекта в качестве основной формы документирования информации выбрано анкетирование, в процессе которого формируется коллекция воспоминаний жителей области [12].

Анкетирование изначально позволяет структурировать полученные сведения, что упрощает их обработку при создании базы данных и последующем анализе информации. Тем не менее часть опросов проводится с применением технических средств, результатом таких опросов является фонозапись.

В анкете большинство вопросов сформулировано с целью получения фактического материала, но примерно треть из них составляют вопросы, требующие оценки ситуации. Всего в анкете 109 вопросов.

Условно вопросы можно разделить на несколько групп¹:

персональные сведения;

сведения о семье и быте;

вопросы о личном отношении к церкви и религии;

вопросы-оценки об отношении общества, в том числе семьи, к церкви и религии.

На следующем после сбора информации этапе реализации проекта предполагается провести сравнительный анализ сведений, полученных в процессе проведенных опросов респондентов, и информации архивных документов.

Завершающий этап работы по формированию документного комплекса предполагает создание единой базы данных, которая позволит обобщить и структурировать информацию всех источников. Таким образом, источниковую базу исследования составят анкеты и база данных.

Список литературы

1. Поляков Ю.А. Человек в повседневности (исторические аспекты) // Отечественная история. – 2000. – № 3. – С. 125–132.

2. Пушкарева Н. Л. Предмет и методы изучения «истории повседневности» // Этнографическое обозрение. – 2004. – № 5. – С. 3–19.

¹ Анкета для опроса респондентов – из архива участников проекта.

3. Кром М.М. Повседневность как предмет исторического исследования (вместо предисловия) // История Повседневности. Сборник научных работ. Серия «Источник. Историк. История» / отв. ред. М.М. Кром. – СПб.: Изд-во Европейского университета, 2003. – Вып. 3. – С. 7–14.
4. Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. Р – 2260.
5. Тверской центр документации новейшей истории (ТЦДНИ). Ф. 7849.
6. Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. Р – 2723. Оп. 2. Д. 25.
7. Тверской центр документации новейшей истории (ТЦДНИ). Ф. 147. Оп. 3. Д. 530.
8. Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. Р – 2723. Оп. 1. Д. 2.
9. Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. Р – 2723. Оп. 1. Д. 122.
10. Тверской центр документации новейшей истории (ТЦДНИ). Ф. 147. Оп. 3. Д. 456.
11. Ростовцев Е.А. Российская наука об устной истории // Вестник СПбГУ. История. – 2018. – Т. 63. – Вып. 2. – С. 523.
12. Леонтьева О.Г. Формирование коллекции воспоминаний «детей войны» о религиозных практиках населения Калининской области в 1940–1950 годы // Вестник Тверского университета. Серия: История. – 2021. – № 3 (59). – С. 114–119.

References

1. Poljakov U.A. *Chelovek v povsednevnosti (istoricheskie aspekty)* [Man in Everyday Life (Historical Aspects)] // *Otechestvennaja istoria* [Patriotic History]. – 2000. – № 3. – P. 125–132. (in Russ.)
2. Pushkareva N.L. *Predmet i metody izuchenija "istorii povsednevnosti"* [The Subject and Methods of Studying the "History of Everyday Life"] // *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. – 2004. – № 5. – P. 3–19. (in Russ.)
3. Krom M.M. *Povsednevnost' kak predmet istoricheskogo issledovanija (vmesto predislovija)* [Everyday Life as A Subject of Historical Research (Instead of A Preface)] // *Istorija Povsednevnosti. Sbornik nauchnykh rabot. Serija "Istochnik. Istorik. Istorija"* [The History Of Everyday Life. Collection of scientific papers. The series "Source. Historian. History"] / Otv. redactor M.M. Krom. – SPb.: Izd-vo Evropeiskogo un-ta, 2003. – Vol. 3. – P. 7–14. (in Russ.)
4. *Gosydarstvennyi archive Tverskoi oblasti* [State Archive of Tver Region]. F. P – 2260.
5. *Tverskoi tzentr dokumentatsii noveishei istorii* [Tver Center of Documentation of Recent History]. F. 7849.
6. *Gosydarstvennyi archive Tverskoi oblasti* [State Archive of Tver Region]. F. P – 2723. Op. 2. D. 25.
7. *Tverskoi tzentr dokumentatsii noveishei istorii* [Tver Center of Documentation of Recent History]. F. 147. Op. 3. D. 530.
8. *Gosydarstvennyi archive Tverskoi oblasti* [State Archive of Tver Region]. F. P – 2723. Op. 1. D. 2.
9. *Gosydarstvennyi archive Tverskoi oblasti* [State Archive of Tver Region]. F. P – 2723. Op. 1. D. 122.
10. *Tverskoi tzentr dokumentatsii noveishei istorii* [Tver Center of Documentation of Recent History]. F. 147. Op. 3. D. 456.
11. Postovtzev E.A. *Rossiiskaja nauka ob ustnoi istorii* [Russian Science of Oral History] // *Vestnik SPbGU. Istorija* [Bulletin of St. Petersburg State University. History]. – 2018. – Т. 63. – Vol. 2. – P. 523. (in Russ.)
12. Leontieva O.G. *Formirovanie kollektzii vospominanii "detei voiny" o religioznykh praktikakh naselenija Kalininskoja oblasti v 1940–1950 gody* [Formation of the collection of memories of "children of war" about religious practices of the population of Kalinin Oblast in the 1940s – 1950s] // *Vestnik Tverskogo universiteta. Serija: Istorija* [Bulletin of Tver University. Series: History]. – 2021. – № 3 (59). – P. 114–119. (in Russ.)

Т.Г. Леонтьева

Церковная повседневность в 1940–1950-е гг. (на материалах Калининской области)*

В статье представлены предварительные результаты исследования в рамках проекта «Церковная жизнь в советском обществе в 1940–1950–гг.: религиозные практики населения в Калининской области в воспоминаниях “детей войны”». Церковная повседневность рассматривается сквозь призму восприятия населения Калининской (ныне – Тверской) области. К исследованию привлечены немногочисленные труды отечественных авторов по сходной тематике, архивные (делопроизводственные) документы, а также материалы анкетирования современников событий, которое проводилось в рамках проекта. Данные интервью содержат воспоминания и семейные предания о религиозной и церковной жизни в 1940–1950–е гг. Показано, что слабо организованная церковная жизнь дополнялась домашними ритуальными практиками, которые способствовали сохранению православной веры в атеистическом государстве.

Ключевые слова: православные верующие, Калининская епархия, Калининская область, православная церковь, религиозные практики, советское общество, церковная повседневность.

Tat'yana G. Leont'eva

Church everyday life in the 1940–1950s (on the Kalinin region materials)

The article presents preliminary results of the research within the framework of the project «Church life in the Soviet society in 1940–1950: Religious practices of the Kalinin region population in the memoirs of "children of war"». Church everyday life is considered through the prism of perception of the population of the Kalinin (now – Tver) region. The study involved few works of domestic authors in similar subjects, archival (clerical) documents, as well as materials of the survey of events' contemporaries, which was conducted within the project. These interviews contain memories and family legends about religious and church life in the 1940–1950s. It is shown that weakly organized church life was complemented by domestic ritual practices, which contributed to the preservation of Orthodox faith in the atheistic state.

Key words: Orthodox believers, Kalininskaya diocese, Kalinin region, Orthodox Church, religious practices, Soviet society, church everyday life.

© Леонтьева Т.Г., 2022

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43126.

Исследования церковной повседневности в 1940–1950-е гг. в настоящее время находятся в начальной стадии, чем и обусловлена актуальность проекта, в рамках которого подготовлена предлагаемая статья. Общая характеристика церковной жизни в СССР, религиозные настроения в советском обществе в различных контекстах отражены в трудах светских и церковных авторов: Е.Ю. Зубковой [1, с. 102–110], И.А. Курляндского [2, с. 578–580, 582], М.В. Шкаровского [3, с. 192–216], прот. В. Цыпина [4, с. 293–297], представляющих историографию государственно-церковных отношений, борьбы с религиозными «пережитками» и сопротивления части населения СССР атеистическому натиску. В данном случае наблюдения и выводы исследователей использованы для реконструкции исторического контекста и проведения сравнительного анализа.

Проявления «народной веры» и религиозного поведения в рассматриваемый период отражены в трудах А.Л. Беглова. Автор связывает «последствия советской религиозной политики» с формированием «церковного подполья», понимаемого как феномен, который «описывает все сферы жизни Российской Церкви, оказавшиеся за пределами легальности» [5, с. 12]. Не имея единого центра, оно локализовалось на «региональном и местном уровнях» [5, с. 67, 100], что актуализирует микроисследования с привлечением архивных документов и материалов личного происхождения, отражающих состояние индивидуальной религиозности и повседневных практик, нацеленных на сохранение традиционной веры.

Небольшая, но актуальная зарисовка религиозной повседневности в СССР встречается в статье В. Безрогова, который рассматривает ее в дискурсе советского детства. Собранные им автобиографические данные во многом совпадают с откровениями респондентов из Калининской области (о чем пойдет речь далее) и характеризуют детские религиозные переживания в созданном взрослыми безрелигиозном мире. Структурирующая роль в сохранении религиозной идентичности отводится автором ритуалам, «отформатированным» советской действительностью [6, с. 98–103].

На материалах Калининской области/епархии тема изучалась автором данной статьи, предварительные результаты представлены в трех текстах [7–9]. Отмечается, что «насильственная секуляризация» 1920–1930-х гг. (заккрытие храмов, репрессии духовенства и верующих, отчуждение последних от организованных молитвенных практик) оборачивались деградацией веры и трансформацией церковной жизни [7; 15]. Как далеко зашли эти процессы, конкретизируется на основании вновь привлекаемых источников – интервью (анкет) очевидцев и участников событий 1940–1950-х гг.

Некоторые пересечения сюжетов обнаруживаются в исследованиях повседневной жизни меннонитов в СССР в 1920–1980 гг., где рели-

гиозные традиции рассматриваются как один из факторов сохранения идентичности [10, с. 55–65]. Представителям протестантской деноминации, как и православным, приходилось скрывать свои религиозные убеждения, что приводило к угасанию организованной церковной жизни [10, с. 63].

Статистические данные, характеризующие контингент верующих СССР в рассматриваемый период, наиболее полно представлены В.Б. Жиромской [11, с. 46–108], динамика регистрации и открытия церквей в центральной части СССР – Т.А. Чумаченко [12, с. 67–68].

Особенности церковной жизни рассматриваемого периода выявлялись на основе анализа источников личного происхождения, прежде всего анкетных данных, полученных в ходе интервьюирования изучаемой категории населения – «детей войны» (в соответствии с постановлением правительства Тверской области от 25 июля 2019 г. № 291-пп. – лиц 1928–1945 гг. рождения, проживающих в настоящее время на территории Тверской области).

Данная возрастная категория уникальна тем, что сочетает знания о дореволюционной церковности, сохранившиеся в кругу семей, опыт военного детства и мировоззренческого самоопределения в послевоенный период. Анкета состоит из 109 пунктов, где, кроме традиционной опросной информации, позволяющей составить социокультурный «портрет» советского гражданина, содержатся прямые и «скрытые» вопросы о вере, церкви, вероисповедной политике в СССР.

Значительная часть анкетироваемых сообщала подробности частной жизни, быта и профессиональной деятельности, достаточные для реконструкции повседневной жизни. Отдельные сообщения отражают мировоззренческие установки респондентов, содержат индивидуальные оценки событий прошлого. К настоящему времени собраны и проанализированы 292 анкеты, в данной статье использованы материалы 194 анкет коренных жителей Калининской области. Собранные данные составляют архив участников проекта.

Автобиографические сведения дополняются и сопоставляются с информацией, полученной из отчетной документации органов церковного управления, статистических материалов, отложившихся в фондах Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), Тверского центра документации новейшей истории (ТЦДНИ) и архивного отдела Тверской епархиальной научной библиотеки (ТЕНБ АО).

Исследование опирается на общепринятые современные методы исследования религиозности и религиозных практик («большие количественные опросы, охватывающие верования и практики, доступные для наблюдения») [13, с. 33], что вполне применимо к описаниям церковной повседневности. Материалы массовых опросов (в данном случае – интервью) содержат аутентичную информацию, уточняющую уровень веры и атеизма советских граждан, соотношение «народных

практик» и «институциональной религии» [13, с. 36], наличие которых является характерной чертой церковной повседневности в СССР.

Изучаемые события и практики разворачивались в границах Калининской области, одной из крупнейших в центральной части СССР. Как и другие территории советского государства, область и ее церковный аналог – епархия – оказались в эпицентре репрессивных кампаний 1930–х гг., направленных в том числе против православного духовенства и верующих [8, с. 40–50]. В итоге к началу Великой Отечественной войны подавляющее большинство верующих оказались вне организованной церковной жизни – совместных молитвенных практик, проповедничества и наставничества «духовных отцов» [9, с. 39–60]. Означало ли это вытеснение церкви и веры из повседневной жизни советских людей? Попытка ответа на данный вопрос – цель предлагаемой статьи.

Общеизвестно, что тяготы Великой Отечественной войны изменили духовную атмосферу советского общества. В 1943 г., после исторической встречи в Кремле И.В. Сталина с представителями церковной элиты, в СССР началось «законное» открытие церквей и восстановление приходов [2, с. 577–578; 3, с. 203–206; 4, с. 296]. В Калининской области, как и ещё в пяти областях СССР, верующие незамедлительно отреагировали на новую церковную политику власти и подали в вышестоящие инстанции сразу 34 ходатайства на регистрацию [12, с. 68].

Уже к началу 1944 г. в границах «реанимированной» Калининской епархии открылись 62 храма [14, л. 101–103], в 1945 г. – 86 (в том числе 13 городских) [15, л. 33]. К концу 1946 г. действовало уже 113 церквей (из них 15 городских, 95 сельских и три собора) [16, л. 1]. К середине 1947 г. действующими храмами обладали 12 из 16 городов и 34 из 47 районов области [17, л. 17–19 об.]. Однако традиционная церковная повседневность возрождалась гораздо медленнее.

Одна из очевидных причин – отсутствие штата квалифицированных священников – организаторов приходской жизни. Широкомасштабные репрессивные акции 1930-х гг. завершились резким сокращением численности духовенства. К началу 1946 г. в Калининской епархии насчитывалось всего 122 священника, не хватало дьяконов, псаломщиков, их временно заменяли бывшие монахини или жены священников [18, л. 119; 19, л. 177–178; 20, л. 67; 21, л. 112 об.].

Проблему дефицита храмов и настоятелей в Калининской области пытались решить, внедряя служение «по справке», разрешавшей священникам служение на дому. Верующие охотно приглашали их с молебнами в праздничные дни, встречая «с благоговением и благодатным умилением». Но, несмотря на то, что регистрационную справку выдавал уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви, представители местной власти всячески препятствовали внехрамовым службам [18, л. 117].

Всё это оборачивалось появлением нелегальных молельных домов, странствующих священников и «тёмных монашек», которые поддерживали веру [22, л. 144, 146; 16, л. 302 об.]. Последние упоминаются и в рассказах анкетированных [23, № 317]. Епархиальный владыка Арсений запрещал «самочинных требоисправителей» в священнослужении, а мирянам, молившимся с запрещенными священниками, грозил отлучением [18, л. 12].

Тем не менее, вопреки запретам церковного руководства, в Калининской епархии их «...было множество, ...не поддающееся учету» [18, л. 12, 95 об.]. Случалось, сами верующие проводили службы без священника («собирались у бабы Ани или в другом месте», «бабушка ходила к подруге помолиться») [23, № 116, 252]. Победы на «антирелигиозном фронте» 1930-х гг. приучили верующих скрывать проявления веры, фактор страха часто фигурирует в высказываниях респондентов («Просто у народа был страх ходить в храм... Коммунисты, которых выгоняли [из партии за веру – Т. Л.], порой кончали жизнь самоубийством») [23, № 17, 18, 19].

В конце 1940-х – 1950-е гг. антирелигиозная деятельность в СССР приобрела более мягкие формы, православная церковь постепенно возвратилась в повседневную жизнь [3, с. 207–210; 9, с. 10, 11; 17, с. 302–305]. Согласно опросам, 50 % коренных жителей Калининской области признали членов своих семей верующими, 23,4 % – атеистами. 25,3 % указали, что верующими были только старшие члены семьи (бабушки, дедушки, тетки) или кто-то из родителей; 1,3 % респондентов не ответили на вопрос. При этом 77,3 % опрошенных были крещены как православные в детские годы, 22,7 % не прошли этот обряд¹.

Полученные данные в целом сопоставимы с результатами переписи населения 1937 г. [11, с. 107]. Очевидный «перевес» крещений при сравнении с численностью верующих и атеистов наглядно подтверждает живучесть формальных церковных ритуалов в повседневной жизни. Данные анкетирования в целом совпадают с наблюдениями благочинных, отраженными в ежегодных отчетах правящему епископу: в обращениях верующих к таинствам преобладали крещения, причастия, редко, но случались венчания. Авторы отчетов отмечали, что молодежь «стыдится исполнять обряды» [18, л. 76, 117].

Вера по-прежнему сохраняла «домашний» характер. Рассказы о набожности родителей и других старших членов семьи (бабушек, дедушек, дядей и теток) – неременный сюжет воспоминаний о детстве. Исследование показало, что вера поддерживалась по преимуществу усилиями женщин разных возрастов, социальной принадлежности и уровней образования (данный факт отмечается и в епархиальной отчетной документации [18, л. 117]).

¹ Подсчитано автором по материалам 194 анкет.

Вера бабушек в атеистическом государстве рассматривалась как «пережиток», «отсталость», «архаизм» и практически не преследовалась, что позволяло им последовательно приобщать к религии ближнее окружение, сохранять религиозную атрибутику, крестить внуков (*«Я с бабушкой молилась... Она на коленках стоит, молится Богу, я рядом с ней... Выходишь из-за стола, бабушка как шлепнет в лоб деревянной ложкой, почему благодарность не приносишь Господу Богу»*); *«...вся информация о вере и боге связана у меня с бабушкой, а она умерла, когда мне было 6 лет»*; *«...иконы были, но не висели на стене, стояли на тумбочке в половине бабушки и деда, половина была отгорожена занавеской ...После смерти бабушки иконы мать убрала»*) [23, № 33, 245, 251].

Иные бабушки, пытаясь следовать привычным ритуалам, проявляли семейный деспотизм – отказывались нянчить некрещеных детей [23, № 245]. Наиболее активные старушки не только проводили «службы» на дому, но и устраивали нечто подобное крестных ходов вокруг деревни (на что указывает повествователь 1931 г. р. из д. Трофимово Краснохолмского района) [23, № 342]. Некая «блаженная Дарья» из Брусовского района наладила домашнее «производство» свечей, лампадного масла, чем досаждала не только епархиальным властям, но и фининспектору [7, с. 13–14].

Вера матерей, представительниц первого постреволюционного поколения (прошедших в большинстве своем безрелигиозную советскую школу), проявлялась в более сдержанных формах. Им, как и их дочерям, свои религиозные «заблуждения» приходилось скрывать. Девочки-школьницы иной раз вынуждены были лгать, чтобы не подставить под удар своих родителей и себя (*«В школе всегда говорили, что никакого Бога нет, ...Александра Николаевна постоянно говорила, что Бога нет, ...мы в парту ей фигу показывали»*).

С.А. Королева (1940 г. р.), пионерка, затем комсомолка, на вопрос о вере отвечала, что папа коммунист, но молчала о том, что мама верующая [23, № 15, 18]. Впрочем, различные формы социальной мимикрии – явление, весьма распространенное в СССР, для верующих стали способом сохранения конфессиональной идентичности. Яркий пример – религиозное поведение меннонитов, в рассматриваемый период тяжесть их положения усугублялась этнической принадлежностью [9, с. 62].

Сведения о мужском влиянии на религиозный уклад семьи встречаются в воспоминаниях реже, но они яркие и убедительные. Как показывают интервью, в кругу подростков-школьников, молодых мужчин (глав семейств) в рассматриваемый период рационализм преобладал над чувствами: запрещено – значит не верим (*«коммунистическая идеология во мне жила с молоком матери»*) [23, № 28]. Однако незначительная часть верующих мужчин старшего поколения оставалась

непоколебимой в своих убеждениях (дед Н.И. Ильенковой, 1939 г. р., из Лихославльского района был церковным старостой [23, № 346]).

В других анкетах встречаются упоминания о религиозных дедушках, строго соблюдавших обряды: *«...каждое воскресенье дедушка читал молитвы, мы все молились с зажженной лампадой», «...к нашему дедушке приходили и просили окрестить ребенка. Он это делал, но предупреждал, когда откроются храмы, надо обратиться к батюшке»* (Максатихинский район) [23, № 101, 390].

Особый пласт воспоминаний связан с мужским религиозным поведением на фронте. Респондентка из г. Нелидово сообщает о «скупых» рассказах отца о войне: *«...мысленно обращался к Богу каждый раз перед боем, ...у него была иконка, которую он потом отдал бабушке»*; Н.Т. Жмуров (1935 г. р.): *«...некоторые молились вслух»* [23, № 251, 335].

В рассказах некоторых респондентов (рожденных в конце 1920-х – начале 1930-х гг.) улавливается сбивчивость в оценках церковной жизни и советского быта. Это неудивительно. С середины 1940-х гг. молитвенные практики в храмах постепенно легализуются. Появляются активисты, иницирующие петиционные кампании по открытию новых церквей. Становится очевидным, что преследования и гонения предшествующего периода не смогли уничтожить притяжение веры.

Л.Н. Синицына (1937 г. р., д. Курово, Емельяновский район) сообщает, что ее тетка после снятия запретов ходила в церковь за 60 км пешком (!) в Калинин: *«...идет в ночь, потом в стог спрячется, поспит и снова идет»* [23, № 33]. Смягчился антирелигиозный натиск и приемы борьбы с верой: *«...после войны уже не арестовывали, а другие наказания сводились к разговорам о вреде религии»* [23, № 245].

Респонденты отмечают, что в школах не проводились откровенные антицерковные акции, но учителя на уроках стремились объяснить подоплеку «религиозных заблуждений»: *«...на некоторых уроках (физика, биология) приводили примеры, которые разоблачала чудеса»*; *«говорили, что религия – это выдумка для подчинения людей»*; *«...антирелигиозную сценку в школе разыгрывали ...к Пасхе»* [23, № 244, 246, 247, 248, 249, 251, 252].

Запреты приобретали рекомендательный характер: *«в школе не говорили прямо о том, что нельзя ходить в церковь, но не одобряли. Не помню прямых запретов»*; *«говорили о том, что пионер должен быть атеистом»* [23, № 249, 250]. В духе довоенных установок союза воинствующих безбожников осуществлялся переход от навязчиво-агрессивной антирелигиозной пропаганды к научно-разоблачительному атеистическому воспитанию.

Вместе с тем, характеризуя уровень религиозности военного поколения советских людей, следует отметить, что «твердость» веры нарушалась волной отречений, разочарований во всемогущем Боге. Они

последовали как реакция на гибель членов семьи в годы Отечественной войны («...некоторые люди, после смерти близких, отрекались от веры»; «...некоторые из знакомых родителей были разочарованы в боге после войны, т. к. очень многие не вернулись с войны или были покалечены»), разрастался и «отряд» атеистов, которые «жили, как будто Бога не было» [23, № 32, 249, 251].

К неудовольствию официальной церковной власти в послевоенный период в Калининe и ряде районных центров активизировалась деятельность сектантов (пашковцев, чуриковцев, баптистов). Они раздавали на улице брошюры религиозного содержания, заходили в дома соседей, уговаривали и незнакомых людей присоединиться к их собраниям [23, № 101, 103]. Наиболее активными и успешными в проповеди оказались евангелисты. Не только в областном центре, но и небольших поселках они обзавелись молельными домами.

В епархиальных отчетах отмечались случаи религиозной переориентации православных [18, л. 11]. Уникальная ситуация сложилась в г. Ржеве, где после войны уцелел один храм – старообрядческий. Верующие «нового обряда» оказались перед выбором: посещать службы и подчиняться чуждому молитвенному режиму или отказаться от посещений. В документах зафиксированы факты причастности «истинно православных» верующих к молитвенным практикам старообрядцев [18, л. 11].

Словом, в силу различных причин большинство православных верующих в Калининской области оказались отчужденными от традиций дореволюционной церковности. Редко кому доводилось пройти обряд крещения в церкви [23, № 2, 3, 9, 101–108, 202, 205, 301, 302, 305, 312–314], по преимуществу это важнейшее в православии таинство совершалось на квартирах соседей или родственников, в хозяйственных помещениях без присущей обряду торжественности [23, № 1, 207, 109, 111, 114, 251].

Действительность середины XX в. не давала возможности верующим «правильно» соблюдать посты («Бабушка говорила, что мы так истощены, что заставлять нас поститься нельзя») [23, № 1, 3, 101–115, 207, 208, 109, 111, 114, 252, 303, 307, 315]. Несмотря на то, что власть была готова более снисходительно чем в 1930-е гг. взирать на бытовую религиозность, нательные крестики предпочитали носить тайно («...религия... как преступление было, поэтому в деревне очень мало у кого были кресты на шее») [23, № 33], порой зашивать их в одежду [23, № 3, 101–105, 107, 110, 111, 113, 115, 203, 207, 210]. Не все решались посещать открывавшиеся храмы [23, № 3, 103, 105, 111, 115, 207, 208, 210]. Порой даже в домашней обстановке избегали разговоров о вере и церкви [23, № 104, 107, 209, 211].

Церковные книги, которые кому-то удавалось сохранить еще с дореволюционных времен, предпочитали передавать верующим старуш-

кам [23, № 252], продавать в храмы, которые испытывали нужду в культовых предметах [18, л. 7–8]. Крайне редко совершались крестные ходы. Очевидно, что традиционная религиозная культура трансформировалась, истончалась и истощалась.

Поддерживать память о православных традициях помогали церковные праздники. Респонденты называют наиболее почитаемые: Пасху, Рождество, Троицу, реже – Покров, Вербное воскресенье, Крещение, Воздвижение, Ильин день, но при этом свидетельствуют об утрате их сакрального содержания. В большинстве случаев даже почитавшие себя верующими ограничивались скромным застольем, уборкой и украшением жилища [23, № 19, 102, 107].

Лишь немногие из опрошенных заявили, что в их семьях в праздничные дни вели себя «по-старому»: кроме ритуального наведения порядка в домах, зажигали свечи, молились перед иконами, читали богослужебные книги, ходили в церковь (А.Н. Иванова, 1936 г. р., д. Щетинка, Максатихинский район: *«В нашем доме перед пасхой собиралось много народа. Дедушка читал часы, а потом все выходили на улицу и пели „Христос воскрес“»*) [23, № 101].

Одной из форм сохранения памяти о вере становились домашние легенды, связанные с «пророчествами» «прозорливых монахов», явлениями ангелов, «чудесными» исцелениями [23, № 2, 103, 105, 110, 112, 207, 210]. Со слов Г.А. Бурушкиной, 1939 г. р., г. Осташков, ее дедушка *«тонул с лошадей зимой и просил, глядя на ...храм, спасения, и лошадь выбралась вместе с ним. Тогда он сразу же... принес икону в храм и поблагодарил Господа и Божию Матерь. Эта икона и сейчас находится в храме»* [23, № 105].

Подобные повествования передавались из поколения в поколение, их трансляция не подвергалась тотальному контролю, они не противоречили идее атеизации общества и трактовались «воинствующими атеистами» как проявления невежества «темных» людей. Но при этом каждый подобный случай становился для верующих символом божественной силы. Л.И. Синицына (1937 г. р., д. Курово, Емельяновский район) вспоминает: *«...мужчина забрался на крышу храма в Опухлице, она была железная, дорогая... денег тогда не жалели на эту святость. И начал разбирать крышу. Моя мать говорила ему: „Зачем ты разбираешь крышу на храме! Это святое! Куда ты на святость! Смотри, плохо будет“. – „А что, все берут!“ И подскользнулся, грохнулся, и через несколько дней умер в больнице... Мать его жене сказала: „Вот видишь, как Господь наказал!“»* [23, № 33]. Последний эпизод весьма показателен еще и тем, что характеризует поведение атеистично настроенной части населения.

В послевоенный период, когда подрастало уже второе поколение распропагандированных советских людей (*«Когда школьником старших классов был, но никакого интереса к церкви не было. Не то*

чтобы убили веру – ее не успели зародить у нас в головах... Нас партия держала хорошо в руках: то мы были пионеры, то комсомольцы – нас все время держали в руках и воспитывали» [23, № 14, 28], верующим доводилось сталкиваться с агрессивными действиями молодежи, а человека в рясе могли «оскорбить, побить, задавить» [23, № 15].

Факты насмешливого отношения и оскорбления верующих приводятся и в других анкетах. Респондент из г. Кимры 1931 г. р. вспоминал, как 12-летние подростки потешались над попами [23, № 14]. В голодное послевоенное время бытовала дразнилка: «Бабушка, дай мяса. – У попа под рясой» [23, № 384].

Отложились в памяти анкетированных и акты вандализма («Когда в Ниловой пустыни была колония для малолетних преступников, руководство заставляло их сбивать фрески, чтобы быстрее выйти на свободу» [23, № 103]. В церковной делопроизводственной документации сохранились обширные сведения о «борьбе с храмами», отремонтированными на личные средства прихожан и ожидавшими регистрации, о хищении денег из храмов, разбойных нападениях на священников [24; 18, л. 9; 23, № 4, 6, 10, 12–14, 19, 32, 101, 103, 207, 210; 301].

События, которые сохранились в индивидуальной и коллективной памяти населения Калининской области, свидетельствуют о своеобразии церковной повседневности 1940–1950-х гг. Она сочетала свойства и проявления разных культурных стереотипов, мировоззрений и обычаев. Коллективные молитвенные практики в храмах и «церковный» домашний уклад, характерные для «прежней жизни», поддерживались по преимуществу лицами старшего поколения, верующая молодежь под влиянием советской идеологии и атеистической вероисповедной политики придерживалась тактики приспособленчества. Более явственной становилась деятельность богоборцев-энтузиастов.

Список литературы

1. Зубкова Е.Ю. Послевоенное советское общество: политика и повседневность. 1945–1953. – М.: РОССПЭН, 1999. – 229 с.
2. Курляндский И.А. Сталин, власть, религия. – М.: Кучково поле, 2011. – 701 с.
3. Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). – М.: Крутицкое подворье, Общество любителей церковной истории, 1999. – 399 с.
4. Цыпин В., прот. История русской церкви. (1917–1997). – М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. – 697 с.
5. Беглов А. «В поисках безгрешных катакомб». Церковное подполье в СССР. – М.: Арефа, 2008. – 349 с.
6. Безрогов В. Власть дискурса и религия в воспоминаниях о детстве // Религиозные практики в современной России. – М.: Новое издательство, 2006. – С. 89–105.

7. Леонтьева Т.Г. Церковная повседневность эпохи позднего сталинизма в провинциальном измерении // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1943–1953 гг.: материалы VII междунар. науч. конф. Тверь, 4–6 декабря 2014 г. – М.: Полит. энциклопедия; Президентский центр Б.Н. Ельцина, 2015. – С. 6–16.

8. Леонтьева Т.Г. Калининская епархия в послевоенный период (1945–1953 гг.) // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. – № 4. – 2016. – С. 39–58.

9. Леонтьева Т.Г. О воцерковленности населения Калининской области в 1930–1950-е гг. (По воспоминаниям «детей войны») // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. – 2021. – Вып. 3. – С. 39–60.

10. Редькина О.Ю., Назарова Т.П. Практики сохранения идентичности меннонитов в СССР в 1920–1980-х годах (по воспоминаниям семьи и друзей А.Е. Герман) // Ежегодник ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. – 2020. – № 1 (7). – С. 55–65.

11. Жиромская В.Б. Религиозность народа в 1937 г.: (По материалам Всесоюзной переписи населения) // Исторический вестник. – № 1 (05). – С. 46–108.

12. Чумаченко Т.А. Государство, православная церковь, верующие. 1941–1961 гг. – М.: АИРО–XX, 1999 – 246 с.

13. Де Бремон Д'Арс Н. Религиозные практики во Франции и их изучение // Религиозные практики в современной России. – М.: Новое издательство, 2006. – С. 33–49.

14. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 6991. Оп. 2. Д. 13.

15. Государственный архив Тверской области. Ф. Р-2723. Оп. 1. Д. 8.

16. Тверская епархиальная научная библиотека. Архивный отдел. Ф. 2. Д. 168.

17. Тверская епархиальная научная библиотека. Архивный отдел. Ф. 2. Д. 9.

18. Тверская епархиальная научная библиотека. Архивный отдел. Ф. 2. Д. 167.

19. Тверская епархиальная научная библиотека. Архивный отдел. Ф. 2. Д. 12.

20. Тверская епархиальная научная библиотека. Архивный отдел. Ф. 2. Д. 104.

21. Тверская епархиальная научная библиотека. Архивный отдел. Ф. 2. Д. 170.

22. Тверской центр документации новейшей истории. Ф. 722. Оп. 1. Д. 46.

23. Архив участников научного проекта РФФИ № 21-09-43126. Анкеты № 2, 3, 4, 6, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 17, 18, 19, 28, 32, 33, 34, 48, 66, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 115, 116, 202, 203, 205, 207, 208, 210, 211, 212, 244, 245, 246, 247, 248, 249, 250, 251, 252, 301, 302, 305, 312, 313, 314, 317, 335, 342, 346.

24. Тверская епархиальная научная библиотека. Архивный отдел. Ф. 2. Д. 171.

References

1. Zubkova E.Yu., *Poslevoennoe sovetskoe obshchestvo: politika i povsednevnost'. 1945–1953*. [Post-war Soviet Society: politics and everyday life. 1945–1953] – М.: ROSSPEN, 1999 – 229 s.

2. Kurlyandskij I.A. *Stalin, vlast', religiya* [Stalin, power, religion]. – М., Kuchkovo pole, 2011. – 701 s.

3. Shkarovskij M.V. *Russkaya Pravoslavnaya Cerkov' pri Staline i Hrushcheve (Gosudarstvenno-cerkovnye otnosheniya v SSSR v 1939–1964 godah)* [Russian Orthodox Church under Stalin and Khrushchev (state-church relations in the USSR in 1939–1964)]. – М.: Krutickoe podvor'e, Obshchestvo lyubitelej cerkovnoj istorii, 1999 – 399 s.

4. Cypin V., *prot. Istoriya russkoj cerkvi. (1917–1997)* [History of the Russian Church. (1917–1997)]. – М.: Izd-vo Spa-so-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyra, 1997. – 697 s.

5. Beglov A. «V poiskah bezgreshnykh katakomb». *Cerkovnoe podpol'e v SSSR* [In search of sinless catacombs." Church underground in the USSR]. – M.: Arefa, 2008. – 349 s.

6. Bezrogov V. *Vlast' diskursa i religija v vospominaniyah o detstve* [The power of discourse and religion in the memoirs of childhood] // *Religioznye praktiki v v sovremennoj Rossii* [Religious practices in modern Russia]. – M.: Novoe izdatel'stvo, 2006. – S. 89–105.

7. Leont'eva T.G. *Cerkovnaya povsednevnost' epohi pozhdnego stalinizma v provincial'nom izmerenii* [Church everyday life of the era of late Stalinism in the provincial dimension] // *Sovetskoe gosudarstvo i obshchestvo v period pozhdnego stalinizma. 1943–1953* [Soviet state and society in the period of late Stalinism. 1943–1953: Materials of the VII International Scientific Conference. Tver, 4-6 December 2014]. – M.: Politicheskaya enciklopediya, 2015. – S. 6–16.

8. Leont'eva T.G. *Kalininskaya eparhiya v poslevoennyij period (1945–1953)* [Kalininskaya diocese in the post-war period (1945–1953)] // *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija* [Bulletin of Tver State University. Series: History]. – № 4. – 2016. – S. 39–58.

9. Leont'eva T.G. *O vocerkovlennosti naseleniya Kalininskoj oblasti v 1930-1950 gg. (Po vospominaniyam «deteyi voyiny»)* [On the churches of the population of the Kalinin region in the 1930-1950s. (According to the memoirs of "Children of War")] // *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istorija* [Bulletin of Tver State University. Series: History]. – № 4. – 2016. – S. 39–60.

10. Red'kina O.Y., Nazarova T.P. *Praktiki sohraneniya identichnosti mtennonitov v SSSR v 1920-1980-h godah (po vospominaniyam sem'i i družhey A.E. German* [Practices to preserve the identity of men-nonite in the USSR in the 1920s and 1980s (according to the memoirs of the family and friends of A.E. Herman)] // *Ezhegodnik asociacii issledovateley istorii i kultury rossijskih nemcev* [Association of Researchers of the History and Culture of the Russian Germans]. – № 1 (7) – 2020. – S. 55–65.

11. Zhiromskaya V.B., *Religioznost' naroda v 1937 g.: (Po materialam Vsesoyuzhnoj perepisi naseleniya)* [Religiousness of the people in 1937: (based on the materials of the All-Union Census)] // *Istoricheskij vestnik* [Historical Bulletin]. – M., 2000. – № 1(05). – S. 46–108.

12. Chumachenko T.A. *Gosudarstvo, pravoslavnaya cerkov', veruyushchie. 1941–1961 gg.* [State, Orthodox Church, believers. 1941–1961]. – M.: AIRO-XIX, 1999 – 246 s.

13. De Bremon D'Ars N., *Religioznye praktiki vo Francii i ih izuchenie* [Religious practices in France and their study] // *Religioznye praktiki v sovremennoj Rossii* [Religious practices in modern Russia]. – M., Novoe izdatel'stvo, 2006. S. 33–49.

14. *Gosudarstvennyi arhiv Rossijskoj Federacii* [State Archive of the Russian Federation]. F. 6991. Op. 2. D. 13.

15. *Gosudarstvennyi arhiv Tverskoj oblasti* [State Archive of the Tver Region]. F. P-2723. Op. 1. D. 8.

16. *Tverskaya eparhialnaya nauchnaya biblioteka. Arhivnyi otdel* [Tver Diocesan Scientific Library. Archive department]. F. 2. D. 168.

17. *Tverskaya eparhialnaya nauchnaya biblioteka. Arhivnyi otdel* [Tver Diocesan Scientific Library. Archive department]. F. 2. D. 9.

18. *Tverskaya eparhialnaya nauchnaya biblioteka. Arhivnyi otdel* [Tver Diocesan Scientific Library. Archive department]. F. 2. D. 167.

19. *Tverskaya eparhialnaya nauchnaya biblioteka. Arhivnyi otdel* [Tver Diocesan Scientific Library. Archive department]. F. 2. D. 12.

20. *Tverskaya eparhialnaya nauchnaya biblioteka. Arhivnyi otdel* [Tver Diocesan Scientific Library. Archive department]. F. 2. D. 104.

21. *Tverskaya eparhialnaya nauchnaya biblioteka. Arhivnyi otdel* [Tver Diocesan Scientific Library. Archive department]. F. 2. D. 170.

22. *Tverskaoy centr dokumentacii novejsheij istorii* [Tver Center for the latest history documentation]. F. 722. Op. 1. D. 46.

23. *Arhiv uchastnikov nauchnogo proekta RFFI № 21-09-43126* [Archive of the participants of the scientific project of the RFBI No. 21-09-43126]. Ankety №: 2, 3, 4, 6, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 17, 18, 19, 28, 32, 33, 34, 48, 66, 101, 102, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 110, 111, 112, 113, 115, 116, 202, 203, 205, 207, 208, 210, 211, 212, 244, 245, 246, 247, 248, 249, 250, 251, 252, 301, 302, 305, 312, 313, 314, 317, 335, 342, 346.

24. *Tverskaya eparhialnaya nauchnaya biblioteka. Arhivnyi otdel* [Tver Diocesan Scientific Library. Archive department]. F. 2. D. 171.

Д.А. Беговатов

База данных как результат изучения церковной повседневности в СССР в 1940–1950-е гг.*

В статье представлен обзор базы данных, которая является результатом реализации проекта по изучению церковной повседневности в советском обществе в 1940–1950-е гг. на основе воспоминаний «детей войны». Обосновывается выбор источниковой базы, дается общая характеристика привлеченных респондентов по ряду важнейших признаков, доказывается репрезентативность выборки для проведения исследования применительно к Калининской области и к СССР в целом.

В ряде анкет встречается дополнительная информация, конкретизирующая представление о повседневности советского периода, которая аккумулируется в банке данных. В статье приводится подробное описание структуры базы и банка данных: обозначаются основные разделы, характеризуются конкретные поля, отмечается их значение для раскрытия отдельных сторон изучаемой проблемы. Обосновывается тезис о большом значении созданной информационной системы для изучения широкого спектра вопросов, в том числе для решения ключевых проблем церковной истории XX в. В заключение обозначаются перспективы использования и популяризации базы и банка данных в научном сообществе.

Ключевые слова: повседневность, религиозная повседневность, Калининская область, советское общество, база данных, банк данных, информационная система, устная история, воспоминания, «дети войны».

Dmitrii A. Begovatov

The database as a result of the study of Church everyday life in the USSR in the 1940s – 1950s.

The article presents an overview of the database, which is the result of a project implication of studying church everyday life in Soviet society in the 1940s and 1950s based on the memoirs of "Children of War". The choice of the source base is justified, the general characteristics of the respondents involved are given on the basis of a number of important features, the representativeness of the sample for conducting the study in relation to the Kalinin region and the USSR as a whole is proved. In a number of questionnaires, additional information is found that concretizes the idea of the everyday life of the Soviet period, and it is accumulated in a data bank. The article provides a detailed description of the structure of the database and the data bank: the main sections are designated, specific fields are characterized, their significance for the disclosure of individual aspects of the studied problem is noted. The author substantiates the thesis

© Беговатов Д.А., 2022

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43126.

about the great importance of the created information system for studying a wide range of issues, including solving key problems of church history of the XX century. In conclusion, the prospects for the use and popularization of the database and data bank in the scientific community are outlined.

Key words: everyday life, religious everyday life, the Kalinin region, Soviet society, database, data bank, information system, oral history, memories, "Children of war".

Тема церковной повседневности в СССР в военный и послевоенный периоды остается недостаточно изученной, что стало следствием ряда причин. Во-первых, объективное научное исследование данного вопроса в советскую эпоху было практически невозможно. Во-вторых, когда после распада СССР в руки историков попал большой массив документов и появилась возможность разрабатывать ранее «закрытые» сюжеты, наибольшее внимание исследователей привлек «верхний слой» церковной истории XX в., а именно церковно-государственные отношения, которые задавали официальные рамки функционированию религиозных институтов в советском государстве [1–3].

Рассмотрение истории Русской православной церкви в контексте взаимоотношений с советской властью позволило исследователям выделить несколько хронологических периодов, одним из которых стали 1940–1950-е гг. Применительно к годам Великой Отечественной войны и послевоенному времени основные дискуссии ведутся вокруг определения сущности данного исторического отрезка и доминирующего вектора развития религиозной жизни в стране, причем авторы высказывают диаметрально противоположные мнения.

Помимо работ, концентрирующихся на рассмотрении церковно-государственных отношений, есть немногочисленные труды, которые затрагивают проблему церковной повседневности в советский период [4–9]. Такие исследования в основном базируются на материалах государственных и епархиальных архивов, а также на мемуарных источниках.

Авторы предпринимают попытку раскрыть церковную жизнь в СССР на низовом уровне через призму делопроизводственных и отчетных документов, которые создавались в светских и церковных структурах, а также через преломление индивидуального опыта, который зафиксирован в воспоминаниях отдельных личностей. Не отрицая уместность данного подхода к рассмотрению проблемы, следует заметить, что в силу специфики источниковой базы он не способен воссоздать картину ушедшей реальности достаточно полно: для этого требуются свидетельства, которые носят массовый характер и исчисляются сотнями.

На современном этапе исторической науке важно найти ответы на целый ряд вопросов: чем характеризовалась церковная жизнь в СССР

в тот или иной период времени; что менялось в религиозных практиках населения и какие ритуальные формы доминировали; какое место в жизни общества занимала вера и в чем конкретно это проявлялось; насколько сильно в советском социуме укоренился атеизм и в каких именно социальных группах и т. д.

Наиболее верным представляется искать ответы на эти и другие вопросы в источнике, который не прошел бюрократического корректирующего «горнила» и отражает широкую палитру мнений. Речь идет о свидетельствах современников, воспоминания которых крайне важны для целенаправленного анализа ряда малоизученных аспектов прошлого.

В 2021 г. четверо сотрудников исторического факультета Тверского государственного университета начали работу в рамках проекта «Церковная жизнь в советском обществе в 1940–1950-е гг.: религиозные практики населения Калининской области в воспоминаниях „детей войны“». Ранее эта тема практически не затрагивалась на материале данного региона и бóльшая часть имеющихся публикаций принадлежит членам исследовательской группы.

Так, Т.Г. Леонтьевой была дана общая характеристика церковной повседневности в послевоенный период [8] и выявлены основные тенденции развития Калининской епархии в эти годы [9]. Н.А. Дмитриевым отмечены проявления «малого церковного возрождения» в Калининской области [10], дана оценка деятельности местных архиереев в это время [11] и проанализирован вклад верующих в борьбу за расширение религиозного сектора в жизни общества [12].

В рамках реализации проекта была разработана анкета из 109 пунктов; опрос респондентов был начат в 2021 г. и к концу 2022 г. планируется собрать 500 интервью. Методика проведения опроса и формирования коллекции воспоминаний были описаны О.Г. Леонтьевой [13]. Подавляющее большинство вопросов относится к периоду 1940–1950-х гг.

Воспоминания респондентов отражают индивидуальный и семейный разнопоколенческий опыт, а также содержат сведения о религиозных проявлениях в жизни соседей и знакомых. Не все опрошенные «дети войны» в 1940–1950-е гг. проживали в Калининской области, что позволяет сравнить процессы и явления в данном регионе с их аналогами в других частях СССР (начиная от Украины и заканчивая Дальним Востоком и Средней Азией).

Собранные данные анализируются и сопоставляются с документами Государственного архива Российской Федерации, государственного архива Тверской области, Тверского центра документации новейшей истории и архивного отдела Тверской епархиальной научной библиотеки. Последнее учреждение мало знакомо исследователям, но его возможности для изучения религиозной жизни в

Калининском регионе применительно к советскому периоду в целом [14] и ко времени «церковного возрождения» в частности [15] велики. Особо следует подчеркнуть потенциал епархиальных ежегодных отчетов: в некоторых случаях именно они помогают прояснить те моменты, которые остаются неясными после анализа устноисторического материала [16].

Промежуточные итоги работы по проекту представлены в ряде публикаций. На основе анализа собранных воспоминаний был определен уровень воцерковленности жителей Калининской области в 1930–1950-е гг. [17], дана оценка деятельности местного уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви [18], рассмотрен процесс открытия храмов на завершающем этапе Великой Отечественной войны [19], охарактеризована религиозная жизнь Осташковского района в послевоенный период [20].

Так как на данный момент опрошено уже несколько сотен человек, то для проведения глубокого анализа собранного материала требуется скрупулезная работа по его упорядочиванию. Следует отметить, что в современной исторической науке все более востребованным инструментом становится электронная база данных, которая используется не только для систематизации и хранения информации, но также для проведения глубокого анализа и представления полученных результатов. Сегодня с помощью баз данных, построенных на платформах Microsoft Office Access и Microsoft Office Excel, изучаются самые разные явления: древние некрополи, народные сказители, городские застройки, революционные движения, советские репрессии, образовательные системы в отдельно взятых регионах и многое другое [21–26].

Главными итогами проекта по изучению церковной повседневности в СССР в 1940–1950-е гг. должна стать коллективная монография, а также электронная база данных, построенная на платформе Microsoft Office Excel. Целью настоящей статьи является характеристика методики создания этой информационной системы и описание ее структуры.

Следует отметить, что в рамках данного проекта речь в действительности идет о создании сразу двух тесно взаимосвязанных систем: банка данных и базы данных. Они агрегируют и систематизируют наиболее важные блоки информации, полученной в ходе интервьюирования респондентов, но отличаются наполнением: если банк данных содержит цитаты-фрагменты расшифрованного текста интервью, то в базу данных помещаются формализованные и унифицированные записи из разработанного перечня, которые характеризуют ту или иную сторону действительности.

Для раскрытия научного потенциала этой системы следует подробно остановиться на ее структуре, которая идентична для банка и базы данных. В основу была положена анкета, которая используется для проведения интервью, однако из 109 позиций было отобрано чуть более половины.

Для каждого опрошенного в таблице предусмотрена отдельная строка с 56 полями, при этом все ячейки делятся на несколько крупных смысловых блоков.

Первый блок аккумулирует общую информацию о респонденте. Строка начинается с порядкового номера интервью в рамках проекта, далее следуют фамилия, имя, отчество, пол, дата и место рождения опрашиваемого лица. Так как было принято решение о допустимости респондентам сохранять анонимность (для создания атмосферы психологической свободы и «открытости» в ходе интервью), то в этой связи важна фиксация пола, так как мужская и женская религиозность существенно отличаются. Если собеседник не желал называть фамилию, имя и отчество, то для сохранения анонимности вместо полной даты рождения ему предлагалось указать только год и месяц.

Следует отметить, что дата рождения – ключевой параметр при отборе респондентов, так как исследование строится на воспоминаниях представителей конкретной социальной группы. В соответствии с законом «О детях войны в Тверской области» № 19-ЗО от 29.04.2019 г. «детьми войны» в данном регионе признаются лица, которые родились в период с 01.01.1928 г. по 31.12.1945 г.

Место рождения, место проживания в 1940–1950-е гг. и настоящее место жительства также находят отражение в системе. Как отмечалось выше, значительное количество респондентов родились за пределами Калининской области либо выехали из нее в раннем возрасте, из-за чего сознательный период их жизни протекал в другом регионе СССР. Это позволяет провести важный сопоставительный анализ и демонстрирует крайне высокую степень разнообразия в течение религиозной жизни в разных уголках страны.

Например, как показали опросы, в одном из городов Западной Сибири дети ежедневно после уроков выходили из школы и гурьбой беспрепятственно направлялись в расположенный по соседству храм, где могли наблюдать за совершением таинств и обрядов, креститься, разговаривать со священником и т. д. [27, № 16]. В Калининске в 1940–1950-е гг. такая ситуация была просто немыслима [27, № 38, 41].

Второй блок полей касается социокультурных характеристик респондента. Один из столбцов таблицы отражает уровень образования интервьюируемых, которые во время беседы либо указывают его (высшее, среднее профессиональное и т. д.), либо дают развернутую характеристику (где, когда и по какой специальности проходили обучение). Если уровень образования высший, то такая информация обычно сообщается особенно охотно и с многочисленными деталями.

Одно из полей данного блока базы данных касается членства респондента в детских, подростковых и молодежных организациях СССР, а также в рядах ВКП(б) – КПСС. Некоторые опрошенные в этой связи сообщают дополнительные сведения, которые касаются их ра-

боты в профсоюзах, представления к наградам и пр. Такая информация не отражается в базе данных, но аккумулируется в банке данных, что расширяет представление исследователя о повседневности советского периода.

Последняя ячейка в группе социокультурных параметров респондента отражает род занятий членов его семьи. Обычно именно с этого пункта поля банка данных содержат значительный объем информации.

Основная часть банка/базы содержит информацию относительно церковной и религиозной жизни в СССР в 1940–1950-е гг., и в ней выделяется несколько смысловых блоков. Первым идет обширный блок полей, характеризующий общий религиозный фон в семье респондента, и начинается он с оценки отношения к Церкви и вере в кругу интервьюируемого. Обычно собеседники перечисляют признаки религиозности членов семьи, констатируют степень их воцерковленности либо указывают на общий настрой в доме в этом отношении.

Логичным продолжением являются два поля с информацией относительно крещения респондента. Многие опрошенные владеют информацией по этому вопросу, но что касается подробностей, то, как правило, они сообщают только отдельные детали [27, № 2, 33, 39] либо констатируют отсутствие в памяти какой-либо конкретики по данному вопросу [27, № 11, 12, 42].

Два поля таблицы содержат сведения о натальном крестике: имелся ли он у респондента в интересующий период и если да, то носился ли он. Ответы опрошенных по этому поводу разнятся: у кого-то крестика не было вовсе [27, № 4, 5, 10, 18, 58, 63], кто-то тайно всегда носил его [27; 15; 22; 31; 50], у кого-то он имелся дома, но не носился либо носился редко [27, № 1, 2].

Одна из ячеек системы агрегирует информацию о наличии/отсутствии у респондента веры в Бога в интересующий период. В этой связи важно то, как описывают свои религиозные чувства интервьюируемые применительно к 1940–1950-м гг. и на какие причины указывают в этой связи. Большинство ответов можно разделить на две категории: одни утверждают, что «всегда верили» и имели хотя бы общее представление о Боге [27, № 1, 12, 64], другие указывают на отсутствие веры, объясняя это тотальным дефицитом информации, страхом последствий со стороны властей, школьной пропагандой и отсутствием концентрированности на данном вопросе [27, № 5, 19, 31, 57].

Несколько полей банка/базы посвящены наличию в доме респондента в 1940–1950-е гг. предметов религиозного характера. Часть интервьюируемых отмечает присутствие дома икон, пусть и спрятанных; в отдельных семьях также имелись лампы, свечи, ладан и пр. Некоторые вспоминают о духовных книгах [27, № 43, 45, 46, 47], а кто-то указывает на наличие подобной литературы у близких родственников

[27, № 39, 40]. Значительное количество опрошенных упоминает о крещенской воде, которая хранилась дома.

Информация о молитвенных практиках также отражается в банке/базе данных. В ходе опроса респондентам предлагалось рассказать о том, молились ли они сами или члены их семей в 1940–1950-е гг. Часть интервьюируемых упоминает в этой связи бабушек и мам, которые порой привлекали к этому и детей, при этом отцы обычно не заставляли их этого делать.

Вообще о религиозности мужчин вспоминают единицы, и банк/база данных позволяет выявить и систематизировать подобные ценные свидетельства. Отдельное поле отражает знание респондентами в 1940–1950-е гг. наизусть молитв. Анализ записей позволяет выделить несколько ключевых ответов: полное незнание молитв [27, № 4, 22, 41, 52, 59] и знакомство с простыми и короткими [27, № 12, 16, 27, 47, 64]. Исключительное явление – знание «Символа веры» [27, № 24, 56].

Две ячейки в таблице содержат информацию относительно участия респондента в 1940–1950-е гг. в таинствах исповеди и причастия. Анализ записей показывает, что на постоянной основе к ним приступало небольшое количество опрошенных и главную роль в приобщении к ним детей играли бабушки [27, № 10, 25]; реже инициатива исходила от матерей [27, № 34, 45]. Примыкает сюда ячейка, содержащая сведения о соблюдении церковных постов.

Важный элемент, характеризующий религиозную повседневность, – это наличие/отсутствие дома разговоров относительно веры и Церкви. Это помогает выявить определенные черты религиозного фона и быта в семье, а также прояснить отношения между родственниками, почему данная информация также отражается в электронной системе.

Два пункта банка/базы освещают традиции, связанные с церковными праздниками. Обычно респонденты указывают на уборку, украшение дома специальными атрибутами, приготовление особенной пищи, иногда – организацию тематических развлечений. Еще две ячейки посвящены наличию рядом с местом жительства респондента действующего храма, а также посещению церкви. Применительно к исследуемому периоду респонденты достаточно редко вспоминают о каких-либо чудесах, что также фиксируется в банке/базе.

Большой блок полей, который объединяет 25 ячеек, касается наблюдений респондента за проявлениями религиозной жизни в советском обществе в 1940–1950-е гг. Один из столбцов предполагает оценку количества верующих, которые ходили в храм, при этом важно иметь в виду, что сообщить достоверные сведения по этому поводу могут только те лица, которые сами посещали церковь.

Два поля фиксируют осведомленность респондентов о негативных последствиях, которые могли последовать за посещением храма, и о

репрессиях за веру. Как правило, интервьюируемые отмечают наличие страха перед преследованиями властей, необходимость соблюдать осторожность, но порой вспоминают, что представители старшего поколения в этом отношении были более свободны [27, № 15]. Что касается репрессий за веру, то опрошенные нередко либо признают свое незнание по этому пункту, либо сообщают о репрессиях как таковых, без упора на религиозную причинность [27, № 4, 5, 13].

Отдельная ячейка содержит информацию относительно тайных крещений, венчаний и отпеваний. Прослеживается следующая тенденция: респонденты упоминают о совершившихся втайне крещениях (могли приглашать священника на дом или вывозить детей в другой населенный пункт/регион) и о заочных отпеваниях, при этом про венчания практически никто не вспоминает.

Два поля посвящены бывшим и странствующим священнослужителям и монашествующим. Один из пунктов банка/базы содержит информацию относительно возможного столкновения респондента со случаями почитания советских политических лидеров в качестве святых. Одна ячейка отведена для занесения личных воспоминаний относительно разрушения храмов, однако очевидцев таких происшествий выявлено немного.

Очень важное поле в таблице – это фиксация того, что говорилось в школе относительно Бога, Церкви и веры. Среди ответов респондентов выделяются две группы свидетельств: одни говорят о полном игнорировании данной темы, другие отмечают настойчивую атеистическую пропаганду. Даже в рамках одного города ситуация могла существенно различаться (не говоря уже о стране в целом) [27, № 12, 29].

Несколько полей банка/базы посвящены религиозной ситуации в СССР в период Великой Отечественной войны. Данную информацию могут сообщить только те респонденты, кто застал данное время в сознательном возрасте. Один столбец отражает осведомленность собеседников о восстановлении в 1943 г. патриаршества. Несколько полей характеризуют религиозную ситуацию в стране в послевоенный период.

Два поля в таблице аккумулируют информацию относительно «неофициальных» религиозных собраний православных, представителей иных конфессий, сектантов, старообрядцев и пр. Одна ячейка отражает присутствие милиционеров и антирелигиозных активистов около храмов в дни церковных праздников.

Несколько полей банка/базы содержат информацию о случаях агрессивно-атеистического поведения детей и молодежи, а также об оскорблениях верующих атеистами. Еще два поля посвящены случаям ограничений прав верующих в производственных коллективах и обсуждениям на производственных собраниях вопросов веры и атеизма.

Один из столбцов фиксирует оценки современниками материального достатка священнослужителей в 1940–1950-е гг.

Последнее поле в банке/базе данных фиксирует место интервьюирования, которое почти всегда совпадает с местом жительства респондента. За 2021 г. члены исследовательского коллектива опросили лиц, проживающих в Твери, Бологом, Калязине, Кашине, Лихославле, Осташкове, Кимрах, Конакове, Удомле, Торжке, Селижарове, Спирове, Пене и в прилегающих к ним районах.

Завершая обзор, следует отметить, что создание банка и базы данных необходимо не только для решения прикладных задач текущего проекта, но также для дальнейшего изучения темы другими исследователями: ими может быть заимствована методика изучения вопроса, использован массив информации для сравнительно-сопоставительного анализа с другими регионами Советского Союза и иными хронологическими периодами.

Наконец, анализ банка данных может способствовать поиску ответа на вопрос относительно характеристики самой сути тех процессов, которые протекали в церковной жизни страны в 1940–1950-е гг.: происходившие изменения были подлинным религиозным подъемом или же тактическим отступлением, на которое пошел И.В. Сталин ради решения внешнеполитических задач?

В настоящее время информационная система находится в стадии формирования и дополняется по мере поступления новых интервью. Итоговый вариант планируется запатентовать и представить широкому кругу исследователей после завершения работ над проектом в конце 2022 – начале 2023 гг.

Список литературы

1. Поспеловский Д.В. Русская православная церковь в XX веке. – М.: Республика, 1995. – 509, [2] с.
2. Цыпин Владислав, протоиерей. История Русской Церкви. 1917–1997. – М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1997. – 863 с.; илл.
3. Шкаровский М.В. Русская Православная Церковь при Сталине и Хрущеве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939–1964 годах). – М.: Крутицкое Патриаршее подворье, Общество любителей церковной истории, 1999. – 400 с.
4. Чеботарев С.А. Тамбовская епархия. 40–60-е гг. XX в. – Тамбов: Юлиус, 2004. – 379 с.
5. Федорова З.А. Деятельность уполномоченного совета по делам Русской Православной Церкви Калининской области в период Великой Отечественной войны // Вопросы исторической науки: материалы междунар. заоч. науч. конф. (Пермь, январь 2012 г.) / под ред. Г. Д. Ахметовой. – М., 2012. – С. 71–75.
6. Иванов П.С. Новейшая история сельских православных приходов в Тверской области (1940–1980-е гг.) // Вестник Тверского государственного университета. – Серия: Экономика и управление. – 2011. – Вып. 9. – С. 126–135.
7. Иванов П.С. Белая Троица в биографиях ее церковнослужителей 1940-х – 1970-х годов // Из истории тверского края: сборник статей по материалам конференции, посвященной 450-летию юбилею церкви Белая Троица в Твери. – Тверь, 2014. – С. 96–105.

8. Леонтьева Т.Г. Церковная повседневность эпохи позднего сталинизма в провинциальном измерении // Советское государство и общество в период позднего сталинизма. 1943–1953 гг.: материалы VII международной научной конференции. Тверь, 4–6 декабря 2014 г. – М.: Полит. энциклопедия; Президентский центр Б.Н. Ельцина, 2015. – С. 6–16.

9. Леонтьева Т.Г. Калининская епархия в послевоенный период (1945–1953 гг.) // Вестник Тверского государственного университета. – Серия: История. – 2016. – № 4. – С. 39–58.

10. Дмитриев Н.А. «Церковное возрождение» в СССР в послевоенный период // Путь в науку: материалы международной научной конференции молодых ученых исторического факультета Тверского государственного университета, Тверь, 27 апреля 2020 г. / сост., ред. Т.Г. Леонтьева, Ю.В. Степанова. – Тверь: Тверской государственный университет, 2020. – С. 134–142.

11. Дмитриев Н.А. Управляющие Калининской епархией в период «церковного возрождения» // Вестник Тверского государственного университета. – Серия: История. – 2019. – № 4 (52). – С. 108–118.

12. Дмитриев Н.А. Борьба верующих за храмы в Калининской епархии в период «церковного возрождения» // StudArctic forum. – 2020. – Вып. 4 (20) [Электронный ресурс].

13. Леонтьева О.Г. Формирование коллекции воспоминаний «детей войны» о религиозных практиках населения Калининской области в 1940–1950-е годы // Вестник Тверского государственного университета. – Серия: История. – 2021. – № 3 (59). – С. 114–119. DOI: 10.26456/vthistory/2021.3.116-121.

14. Беговатов Д.А. Архивный отдел Тверской епархиальной научной библиотеки: исследовательский потенциал для изучения церковной и религиозной жизни в Калининской области // 21 century: fundamental science and technology XXVIII: Proceedings of the Conference. North Charleston, 27-28.12.2021/ – Morrisville, NC, USA: Lulu Press, 2021. – P. 16–21.

15. Дмитриев Н.А. Информативные возможности документов Калининского епархиального архива для изучения «церковного возрождения»: 1943–1958 гг. // Путь в науку: материалы международной научной конференции молодых ученых исторического факультета Тверского государственного университета «Путь в науку», Тверь, 21 апреля 2021 г. / сост., ред. Т.Г. Леонтьева, Ю.В. Степанова. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2021. – С. 217–222.

16. Беговатов Д.А. Епархиальные отчеты как источник по изучению церковной повседневности начала 1950-х гг. (на примере Калининской епархии) // Теологический вестник Смоленской православной духовной семинарии. – 2021. – № 4. – С. 108–125.

17. Леонтьева Т.Г. О воцерковленности населения Калининской области в 1930–1950 гг. (по воспоминаниям «детей войны») // Вестник Тверского государственного университета. – Серия: История. – 2021. – № 3 (59). – С. 39–60. DOI: 10.26456/vthistory/2021.3.040-061.

18. Дмитриев Н.А. Уполномоченный Совета по делам Русской православной церкви по Калининской области в период «церковного возрождения»: гонитель или помощник? // Теологический вестник Смоленской православной духовной семинарии. – 2021. – №3. – С. 71–80.

19. Леонтьева О.Г. Религиозная жизнь в советском обществе: открытие церквей в Калининской области в 1944 году // 21 century: fundamental science and technology XXVIII: Proceedings of the Conference. North Charleston, 27-28.12.2021. – Morrisville, NC, USA: Lulu Press, 2021. P. 11–15.

20. Дмитриев Н.А. Религиозная жизнь в осташковском районе в послевоенный период // XV Ежегодная научная сессия аспирантов и молодых ученых: материалы Всероссийской научной конференции (Вологда, 23 ноября 2021 г.): в 3 т. – Вологда: ВоГУ, 2021. – Т. 3. – С. 40–43.

21. Канищев В.В., Баранова Е.В. Особенности формирования компьютерной базы данных как структурного элемента геоинформационной системы по истории погромного движения // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. – Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2019. – № 1. – С. 69–77.

22. Ким О.Г. База данных «Парцелляция и застройка Белого города Москвы в XVIII веке»: новый инструмент изучения исторических ландшафтов // Историческая информатика. – 2020. – № 4. – С. 164–178. DOI: 10.7256/2585-7797.2020.4.34716.

23. Куденко Н.В. Применение технологий баз данных для работы с делопроизводственными источниками периода Большого террора – протоколами милицеской тройки (на материалах Алтайского края) // Исторический курьер. – 2019. – № 1 (3). – Статья 11. DOI: 10.31518/2618-9100-2019-1-11.

24. Львова С.Д., Герасимова Л.Н. Из опыта разработки базы данных о сказителях якутского эпоса // Научный диалог. – 2021. – № 3. – С. 231–243. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-231-243.

25. Разинков С.Л., Захаровский Л.В. Информационный потенциал базы данных «Профессионально-техническое образование в Свердловской области (1920–1950-е гг.)» // Историческая информатика. – 2020. – № 3. – С. 51–70. DOI: 10.7256/2585-7797.2020.3.33935.

26. Серегин Н.Н., Радовский С.С. База данных некрополей Быстрянской культуры Алтая: структура и возможности использования // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края: сборник научных статей / отв. ред. А.А. Тишкин. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2019. – Вып. XXV. – С. 212–218.

27. Архив участников научного проекта РФФИ № 21-09-43126. Анкеты № 1, 2, 4, 5, 10, 11, 12, 13, 15, 16, 18, 19, 22, 24, 25, 27, 29, 31, 33, 34, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 45, 46, 47, 50, 52, 56, 57, 58, 59, 63, 64.

References

1. *Pospelovskij D.V. Russkaya pravoslavnaya cerkov' v XX veke* [The Russian Orthodox Church in the XX century]. – М.: Respublika, 1995. – 509, [2] s. (In Russ.)

2. *Cypin Vladislav, protoierej. Istoriya Russkoj Cerkvi. 1917–1997* [The History of the Russian Church. 1917–1997]. – М.: Izdatel'stvo Spaso-Preobrazhenskogo Valaamskogo monastyrya, 1997. – 863 s ill. (In Russ.)

3. *Shkarovskij M.V. Russkaya Pravoslavnaya Cerkov' pri Staline i Hrushcheve (Gosudarstvenno-cerkovnye otnosheniya v SSSR v 1939–1964 godah)* [The Russian Orthodox Church under Stalin and Khrushchev (State-Church Relations in the USSR in 1939–1964)]. – М.: Krutickoe Patriarshee podvor'e, Obshchestvo lyubitelej cerkovnoj istorii, 1999. – 400 s. (In Russ.)

4. *Chebotarev S.A. Tambovskaya eparhiya. 40–60-e gg. XX v.* [Tambov Diocese. 40-60s of the XX century]. – Tambov: YUlius, 2004. – 379 s. (In Russ.)

5. *Fedorova Z.A. Deyatel'nost' upolnomochennogo soveta po delam Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi Kalininskoj oblasti v period Velikoj Otechestvennoj vojny* [Activities of the Commissioner of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church of the Kalinin Region during the Great Patriotic War] // *Voprosy istoricheskoy nauki* [Problems of historical science]: materialy mezhdunar. zaoch. nauch. konf. (Perm', yanvar' 2012 g.) / Pod red. G. D. Ahmetovoj. – М., 2012. – S. 71–75. (In Russ.)

6. *Ivanov P.S. Novejshaya istoriya sel'skih pravoslavnyh prihodov v Tverskoj oblasti (1940–1980-e gg.)* [Recent history of Rural Orthodox parishes in the Tver Region

(1940s–1980s)] // *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tver State University]. – Seriya: Ekonomika i upravlenie. – 2011. – Vyp. 9. – S. 126–135. (In Russ.)

7. *Ivanov P.S. Belaya Troica v biografiiakh ee cerkovnosluzhitelej 1940-h – 1970-h godov* [The White Trinity in the Biographies of its Clergy of the 1940s – 1970s] // *Iz istorii tverskogo kraya* [From the history of the Tver region]: Sbornik statej po materialam konferencii, posvyashchennoj 450-letnemu yubileyu cerkvi Belaya Troica v Tveri. – Tver', 2014. – S. 96–105. (In Russ.)

8. *Leont'eva T.G. Cerkovnaya povsednevnost' epohi pozdnego stalinizma v provincial'nom izmerenii* [Church Everyday life of the Late Stalinist Era in the Provincial dimension] // *Sovetskoe gosudarstvo i obshchestvo v period pozdnego stalinizma. 1943–1953 gg.* [The Soviet state and society in the period of late Stalinism. 1943–1953]: Materialy VII mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Tver', 4–6 dekabrya 2014 g. – M.: Polit. enciklopediya; Prezidentskij centr B.N. El'cina, 2015. – S. 6–16. (In Russ.)

9. *Leont'eva T.G. Kalininskaya eparhiya v poslevoennyj period (1945–1953 gg.)* [Kalinin Diocese in the post-war period (1945–1953)] // *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tver State University]. – Seriya: Istorija. – 2016. – № 4. – S. 39–58. (In Russ.)

10. *Dmitriev N.A. «Cerkovnoe vozrozhdenie» v SSSR v poslevoennyj period* ["Church Revival" in the USSR in the post-war period] // *Put' v nauku* [The path to science]: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii molodyh uchenyh istoricheskogo fakul'teta Tverskogo gosudarstvennogo universiteta, Tver', 27 aprelya 2020 g. / Sost., red. T. G. Leont'eva, YU. V. Stepanova. – Tver': Tverskoj gosudarstvennyj universitet, 2020. – S. 134–142. (In Russ.)

11. *Dmitriev N.A. Upravlyayushchie Kalininskoj eparhiej v period «cerkovnogo vozrozhdeniya»* [Bishops of the Kalinin Diocese during the period of "church revival"] // *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tver State University]. – Seriya: Istorija. – 2019. – № 4 (52). – S. 108–118. (In Russ.)

12. *Dmitriev N.A. Bor'ba veruyushchih za hramy v Kalininskoj eparhii v period «cerkovnogo vozrozhdeniya»* [The struggle of believers for churches in the Kalinin diocese during the period of "church revival"] // *StudArctic forum*. – 2020. – Vypusk 4 (20). (In Russ.)

13. *Leont'eva O.G. Formirovanie kollekcii vospominanij «detej vojny» o religioznykh praktikah naseleniya Kalininskoj oblasti v 1940–1950-e gody* [Formation of a collection of memoirs of "war children" about religious practices of the population of the Kalinin region in the 1940s–1950s] / O. G. Leont'eva // *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tver State University]. – Seriya: Istorija. – 2021. – № 3 (59). – S. 114–119. (In Russ.) DOI: 10.26456/vthistory/2021.3.116-121.

14. *Begovatov D.A. Arhivnyj otdel Tverskoj eparhial'noj nauchnoj biblioteki: issledovatel'skij potencial dlya izucheniya cerkovnoj i religioznoj zhizni v Kalininskoj oblasti* [Archive Department of the Tver Diocesan Scientific Library: research potential for the study of church and religious life in the Kalinin region] // *21 century: fundamental science and technology XXVIII: Proceedings of the Conference*. North Charleston, 27-28.12.2021/ – Morrisville, NC, USA: Lulu Press, 2021. – P. 16–21. (In Russ.)

15. *Dmitriev N.A. Informativnye vozmozhnosti dokumentov Kalininskogo eparhial'nogo arhiva dlya izucheniya «cerkovnogo vozrozhdeniya»: 1943–1958 gg.* [Informative possibilities of documents of the Kalinin Diocesan Archive for the study of "church revival": 1943–1958] // *Put' v nauku* [The path to science]: Materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii molodyh uchenyh istoricheskogo fakul'teta Tverskogo gosudarstvennogo universiteta «Put' v nauku», Tver', 21 aprelya 2021 g. / sost., red. T.G. Leont'eva, YU.V. Stepanova. – Tver': Tver. gos. un-t, 2021. – S. 217–222. (In Russ.)

16. Begovatov D.A. *Eparhial'nye otchety kak istochnik po izucheniyu cerkovnoj povsednevnosti nachala 1950-h gg. (na primere Kalininskoj eparhii)* [Diocesan Reports as a source for the study of Church Everyday Life in the early 1950s (on the example of the Kalinin Diocese)] // *Teologicheskij vestnik Smolenskoj pravoslavnoj duhovnoj seminarii* [Theological Bulletin of the Smolensk Orthodox Theological Seminary]. – 2021. – № 4. – S. 108–125. (In Russ.)

17. Leont'eva T.G. *O vocerkovlennosti naseleniya Kalininskoj oblasti v 1930-1950 gg. (po vospominaniyam «detej vojny»)* [About the churching of the population of the Kalinin region in 1930–1950 (based on the memoirs of the "children of war")] // *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tver State University]. – Seriya: Istorija. – 2021. – № 3 (59). – S. 39–60. (In Russ.) DOI: 10.26456/vthistory/2021.3.040-061.

18. Dmitriev N.A. *Upolnomochennyj Soveta po delam Russkoj pravoslavnoj cerkvi po Kalininskoj oblasti v period «cerkovnogo vrozhdeniya»: gonitel' ili pomoshchnik?* [Commissioner of the Council for the Affairs of the Russian Orthodox Church in the Kalinin region during the "church revival": persecutor or assistant?] // *Teologicheskij vestnik Smolenskoj pravoslavnoj duhovnoj seminarii* [Theological Bulletin of the Smolensk Orthodox Theological Seminary]. – 2021. – №3. – S. 71–80. (In Russ.)

19. Leont'eva O.G. *Religioznaya zhizn' v sovetskom obshchestve: otkrytie cerkvej v Kalininskoj oblasti v 1944 godu* [Religious life in Soviet Society: the opening of churches in the Kalinin region in 1944] // *21 century: fundamental science and technology XXVIII: Proceedings of the Conference*. North Charleston, 27-28.12.2021. – Morrisville, NC, USA: Lulu Press, 2021. P. 11–15. (In Russ.)

20. Dmitriev N.A. *Religioznaya zhizn' v ostashkovskom rajone v poslevoennyj period* [Religious life in the Ostashkovsky district in the post-war period] // *XV Ezhegodnaya nauchnaya sessiya aspirantov i molodyh uchenyh* [XV Annual scientific session of graduate students and young scientists]: materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii (Vologda, 23 noyabrya 2021 g.): v 3 t. – Vologda: VoGU, 2021. – T. 3. – S. 40–43. (In Russ.)

21. Kanishchev V.V., Baranova E.V. *Osobennosti formirovaniya komp'yuternoj bazy dannyh kak strukturnogo elementa geoinformacionnoj sistemy po istorii pogromnogo dvizheniya* [Features of the formation of a computer database as a structural element of a geoinformation system on the history of the pogrom movement] // *Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta* [Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant]. – Seriya: Gumanitarnye i obshchestvennye nauki. – 2019. – № 1. – S. 69–77. (In Russ.)

22. Kim O.G. *Baza dannyh «Parcelliyaciya i zastrojka Belogo goroda Moskvy v XVIII veke»: novyj instrument izucheniya istoricheskikh landshaftov* [The database "Parcelling and building of the White City of Moscow in the XVIII century": a new tool for studying historical landscapes] // *Istoricheskaya informatika* [Historical informatics]. – 2020. – № 4. – S. 164–178. (In Russ.) DOI: 10.7256/2585-7797.2020.4.34716.

23. Kudenko N.V. *Primenenie tekhnologij baz dannyh dlya raboty s deloproizvodstvennymi istochnikami perioda Bol'shogo terrora – protokolami milicejskoj trojki (na materialah Altajskogo kraya)* [Implementing Database Technologies for the Analysis of Record-Keeping Documentation from the Period of the Great Terror – Protocols of the Militia Troikas (On the Materials of Altai Krai)] // *Istoricheskij kur'er* [Historical Courier]. – 2019. – № 1 (3). – Stat'ya 11. (In Russ.) DOI: 10.31518/2618-9100-2019-1-11.

24. L'vova S.D. *Iz opyta razrabotki bazy dannyh o skazitelyah yakutskogo eposa* [Experience of Developing a database of storytellers of the Yakut Epos] // *Nauchnyj dialog* [Scientific dialogue]. – 2021. – № 3. – S. 231–243. (In Russ.) DOI: 10.24224/2227-1295-2021-3-231-243.

25. Razinkov S.L., Zaharovskij L.V. *Informacionnyj potencial bazy dannyh «Professional'no-tekhnicheskoe obrazovanie v Sverdlovskoj oblasti (1920–1950-e gg.)»* [Information potential of the database "Vocational and technical education in the Sverdlovsk region (1920–1950s)"] / S. L. Razinkov, L. V. Zaharovskij // *Istoricheskaya informatika* [Historical informatics]. – 2020. – № 3. – S. 51–70. (In Russ.) DOI: 10.7256/2585-7797.2020.3.33935.

26. Seregin N.N., Radovskij S.S. *Baza dannyh nekropolej Bystryanskoy kul'tury Altaya: struktura i vozmozhnosti ispol'zovaniya* [Database of the necropolis of the Bystryanskaya culture in Altai: structure and possibilities of use] // *Sohranenie i izuchenie kul'turnogo naslediya Altajskogo kraja* [Preservation and study of the cultural heritage of the Altai Territory]: sbornik nauchnyh statej / otv. red. A. A. Tishkin. – Barnaul: Izd-vo Alt. un-ta, 2019. – Vyp. XXV. – S. 212–218. (In Russ.)

27. *Arhiv uchastnikov nauchnogo proekta RFFI № 21-09-43126* [Archive of participants of the scientific project of the RFBR № 21-09-43126]. *Ankety* [Questionnaires] № 1, 2, 4, 5, 10, 11, 12, 13, 15, 16, 18, 19, 22, 24, 25, 27, 29, 31, 33, 34, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 45, 46, 47, 50, 52, 56, 57, 58, 59, 63, 64.

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО

УДК 94(470+410)“1961”

ГРНТИ 03.23.55: История России Новейшего времени

DOI 10.35231/25422375_2022_1_56

В.Н. Куприянов, А.В. Лосик

Визит Ю.А. Гагарина в Великобританию 11–15 июля 1961 г.: в 2 частях. Часть 2. Встречи с премьер-министром и завтрак у английской королевы Елизаветы II в Букингемском дворце. Вылет на родину

В статье предпринята попытка выявить события, детали и атмосферу визита Ю.А. Гагарина в Великобританию. Основными источниками для ее написания стали средства массовой информации, прежде всего репортажи и заметки советской и английской прессы.

Во второй части статьи представлен анализ публикаций о событиях, связанных со встречами Ю.А. Гагарина с английским премьер-министром и королевой Елизаветой II.

Обращается внимание на очевидную идеологическую направленность визита, в ходе которого постоянно членами делегации подчеркивались успехи, достигнутые советским народом под руководством Коммунистической партии. Вместе тем сама личность Ю. Гагарина, его умение найти подход к самым разным людям способствовали созданию яркого образа «простого русского парня». В результате осознание грандиозности события – выхода человека в космос, желание стать участником «новой эры», оказывалось для современников значительно важнее идеологических установок и комплексов, сформировавшихся в условиях сохранения «железного занавеса».

Ключевые слова: Юрий Гагарин, первый космонавт, подготовка визита в Великобританию, пребывание в Лондоне, посещение Манчестера, поездка в мэрию, посещение Королевского общества.

Valerii N. Kupriyanov, Aleksandr V. Losik

Yuri Gagarin's visit to the United Kingdom on July 11–15, 1961. In 2 parts. Part 2. Meetings with the Prime Minister and breakfast with Queen of England Elizabeth II at Buckingham Palace. Departure to the homeland

The article attempts to reveal the events, details and atmosphere of Yu.A. Gagarin visit to Great Britain. The main sources for its writing were the testimonies of the media, primarily reports and notes from Soviet and British press.

The second part of the article presents analysis of publications about the events associated with the meetings of Yu.A. Gagarin with the English Prime Minister and the English Queen Elizabeth II.

Attention is drawn to the obvious ideological orientation of the visit, during which the delegation members constantly emphasized the successes achieved by Soviet people under the Communist Party leadership. At the same time, the very personality of Yuri Gagarin, his ability to find an approach to a variety of people, contributed to the creation of a vivid image of a "simple Russian guy".

It is concluded that the consciousness of the grandeur of the event - a man's exit into space, the desire to become a participant of the "new era", turned out to be much more important for contemporaries than ideological attitudes and complexes formed in the conditions of the "iron curtain" preservation.

Key words: Yuri Gagarin, the first cosmonaut, preparation of the visit to the UK, stay in London, visit to Manchester, trip to the City Hall, visit to the Royal Society.

Юрий Гагарин совершил довольно много поездок за рубеж. Сразу после полета в космос и до приезда в Великобританию были совершены визиты в социалистические страны – Чехословакию и Болгарию, затем состоялась поездка в капиталистическую Финляндию, которая в то время проводила политику налаживания дружеских отношений с Советским Союзом. Поэтому после отмены приглашения во Францию визит в Великобританию приобретал особое значение как своеобразный дипломатический прорыв фронта капиталистических государств.

В то время СССР был заинтересован в этом контакте, в возможности таким образом расширить торговые отношения и получить доступ к западным технологиям. В свою очередь Великобритания хотела выхода на советский рынок. При этом англичане подчеркивали, что визит Ю.А. Гагарина в Великобританию является первым визитом в развитую капиталистическую державу. Правда, столкнувшись с невиданным восторгом со стороны своего населения в связи с приездом Ю.А. Гагарина, руководители английского государства попытались представить это некоторым отклонением от нормы «цивилизованного» отношения к этому событию.

Прием у премьер-министра

Английская «Дейли миррор» подчеркивала, что в течение 13 июля Макмиллан дважды встречался с Юрием Гагариным, сначала во время его визита к премьер-министру, а затем во время приема, устроенного ассоциацией «Великобритания – СССР» [1]

Необходимо напомнить, что первоначально премьер-министр не предполагал каких-либо встреч с Юрием Гагариным, допуская лишь встречи с ним по личным инициативам второстепенных официальных лиц, однако ситуация потребовала корректировки первоначального плана... [2]

Во второй половине дня Ю.А. Гагарин и посол СССР в Великобритании А.А. Солдатов посетили премьер-министра Англии Гарольда

Макмиллана в его временной резиденции в помещении Адмиралтейства в одной из гостиных первого этажа с видом на конногвардейский манеж. Премьер-министр провел их в зал заседаний кабинета министров, пригласил осмотреть кабинет и полюбоваться видами из окон квартиры, а также показал Юрию Гагарину палехскую шкатулку, которую ему подарил Н.С. Хрущев [3].

Беседа между Г. Макмилланом и Ю.А. Гагариным продолжалась около 20 мин [4]. Премьер-министр во время встречи задал космонавту несколько общих вопросов, поинтересовался его самочувствием во время полета.

- Я очень рад, – сказал премьер-министр, – что английский народ оказывает вам, первому в мире космонавту, такую сердечную встречу [3; 5].

В заключение встречи Гарольд Макмиллан от имени правительства Великобритании подарил Ю. Гагарину серебряный поднос работы английских мастеров. А советский космонавт преподнес в подарок английскому премьер-министру экземпляр своей книги «Дорога в космос» с автографом. Журналист из «Известий» отметил: «Шестидесятисемилетний премьер проводил двадцатисемилетнего космонавта до машины и тепло с ним попрощался» [6].

- Как вы нашли майора Гагарина? – спросили у Макмиллана корреспонденты.

- Восхитительный. Восхитительный... замечательный человек. Наша встреча была очень приятной [5].

Газета «Гардиан» отметила: «Многие в Уайтхолле удивились, когда, отъехав буквально несколько ярдов после приема в Адмиралтействе, кавалькада машин остановилась, и майор Гагарин, ставший серьезным впервые во время визита, возложил венок из пурпурных роз у Сенотафа» – монумента британским солдатам и офицерам, погибшим в двух мировых войнах. На ленте надпись: «От майора Юрия Гагарина» [7; 8].

Гагарин отступил на несколько шагов, отдал воинскую честь и минутой молчания почтил память всех, кому не суждено было дожить до прорыва человека в космос [9].

Прием в Министерстве авиации

В тот же день с 16 ч 30 мин до 17 ч 20 мин состоялся прием, устроенный в честь Ю.А. Гагарина Министерством авиации.

На приеме присутствовали государственный министр Дж. Эмери, маршал авиации сэра Рональд Лиз и многие известные английские летчики. В общей беседе, которая проходила в дружественной обстановке, говорили о замечательных машинах, показанных на параде в Тушине 9 июля 1961 г.

Один из присутствовавших на приеме офицеров рассказал о своей службе в русских авиационных подразделениях во время Первой ми-

ровой войны. Разговор шел об авиации, покорении космоса, но не только об этом. Неоднократно подчеркивалась следующая мысль: «Да, мы дружили в военное время, когда у нас был один общий враг. Зачем же нам ссориться в мирное? Сейчас только безумцы не понимают, что такое война» [5].

Государственный министр Дж. Эмери (зять премьер-министра Макмиллана) и высшие чины королевских военно-воздушных сил поздравили Юрия Гагарина с его беспримерным полетом и в знак уважения английских авиаторов к заслугам советского летчика преподнесли ему подарок – шкатулку для папирос с надписью: «Подарок от Королевских вооруженных сил Англии» [3; 10].

Встреча в обществе культурных связей с СССР

В небольшом доме на Кенсингтонской площади помещалось общество культурных связей с СССР. 13 июля 1961 г. его посетил первый космонавт планеты. Дорогого гостя приветствовали руководители общества: видный английский юрист Д.Н. Притт и Липпман Кессел.

Джон Платтс-Миллс, председатель совета адвокатов общества, обращаясь к герою, сказал: «Общество будет работать для приближения дня, когда миллионы британцев будут испытывать чувства привязанности к советским людям» [11].

В честь полета Гагарина в космос известный английский композитор Алан Буш сочинил песню, названную «Песня космонавта», [12] слова к ней написал поэт Майлс Томлин. По просьбе членов общества Ю.А. Гагарин поставил свой автограф на партитуре этой песни [7].

Драматург и поэт Бернارد Коупс преподнес Гагарину поэму, написанную в честь первого космонавта, в ней, в частности, были и такие строки:

«Юрий Гагарин, твое лицо чудесно!
Ты – не просто русский,
Ты – восходящая звезда
человечества» [13].

Прием, устроенный ассоциацией «Великобритания – СССР» в отеле «Гайд-парк»

В этот же вечер состоялся прием в честь советского космонавта, устроенный ассоциацией «Великобритания – СССР», в отеле «Гайд-парк». На приеме присутствовал премьер-министр Великобритании Г. Макмиллан, министр иностранных дел Хьюм, министр транспорта Маплис, президент ассоциации лорд Эттли, бывший премьер, председатель сэра Фитцрой Маклин, представители профсоюзов, торговых и промышленных организаций [6]. И все эти видные люди Британии непробиваемой стеной окружили советского космонавта, наперебой прося автографы [8]. Так, леди Коэн, супруга лорд-мэра, была счаст-

лива, что смогла получить два автографа «для своих детей школьников от этого очаровательного человека» [6].

На этом приеме председатель ассоциации «Великобритания – СССР» Ф. Маклин и Ю.А. Гагарин обменялись речами [14].

Закулисная часть подготовки этого приема открывается из документов, ставших известными только через пятьдесят лет. Архивы раскрывают секреты дипломатического «торга», который состоялся между британским правительством и посольством СССР. Советская сторона выступала за расформирование ассоциации «Великобритания – СССР», чтобы расчистить место более просоветски настроенному Британо-советскому обществу культурных связей и Обществу англо-советской дружбы. Британцы рассчитывали сохранить ассоциацию и бросили все силы на поднятие ее престижа в рамках визита Гагарина, ради этого был запланирован прием в роскошном лондонском отеле.

«Если посольство убедит Гагарина не посещать прием... это будет серьезным ударом по ассоциации „Великобритания – СССР“. Мы полагаем, что для обеспечения присутствия Гагарина мы должны уведомить советское посольство о том, что на прием придут известные ученые и инженеры. Министр иностранных дел собирается пойти, а если к нему согласится присоединиться премьер-министр, то позиции Ассоциации будут существенно усилены», – говорилось в конфиденциальной записке Форин-офиса в канцелярию премьера [2].

Интересно, что в тот же вечер уже после всех мероприятий состоялась не объявленная ранее поездка Юрия Гагарина на посольской машине по ночному Лондону. Он проехал по Вест-Энду, Сити, Ист-Энду. Он увидел огни на Оксфорд-стрит, Режнет-стрит, Пиккадилли, осмотрел Тауэр-мост и в течение четверти часа объезжал вокруг Степнея – района Лондона. Во время этой поездки Гагарин сидел на заднем сидении автомобиля, чтобы никто его не видел.

Ссылаясь на пресс-секретаря посольства, журналист Хаг Курноу написал, что Юрий Гагарин сказал: «Такое маленькое путешествие стоит того, чтобы убедиться, что Лондон прекрасен» [15].

Приглашение на завтрак к королеве Елизавете II

Делегация уже готовилась к отлету на родину, когда стало известно о желании британской королевы Елизаветы II пригласить Ю.А. Гагарина на завтрак. Так писалось в нашей прессе, однако из мемуаров А.А. Солдатова, опубликованных в 1993 г., видно, что возможность приема Ю.А. Гагарина королевой была проведена ее личным секретарем еще 11 июля. А информация о приглашении на ланч к королеве космонавта и посла Солдатова стала достоянием общественности уже после пресс-конференции на советской выставке [16].

Тем не менее пришлось отложить отлет из Лондона на сутки, поскольку идея посещения возникла уже во время прилета космонавта в Великобританию.

Первоначально англичане хотели видеть на приеме только Юрия Гагарина и нашего посла, что проскользнуло в лондонской «Таймс»: «...Майор Гагарин приглашен к Королеве и Дюку Эдинбургскому в Букингемский дворец на пятницу. Его будет сопровождать Русский посол Солдатов...» [17].

Но наш посол настоял на увеличении делегации и на прием были приглашены и Н.П. Каманин, и Н.Н. Денисов.

«Я боюсь, что русским невозможно втолковать разницу между частным ланчем от имени королевы и официальным приемом: в коммунистической иерархии ее просто не существует», – отметил в конфиденциальной записке 11 июля 1961 г. личный секретарь министра иностранных дел Иан Сэмюэл [2]. Он попросил королевский двор принять запрос советского посольства на прием сопровождающих Гагарина лиц без дополнительных экивоков.

«Вся организация визита майора Гагарина и его приема в Соединенном Королевстве является довольно странной и министр иностранных дел думает, что наши представления о том, что правильно и разумно, подверглись такой трансформации, что, если королева не сочтет это слишком невыносимым, мы просим удовлетворить запрос советского посольства», – продолжил Иан Сэмюэл [2].

Личный секретарь королевы сэр Майкл Эйдин на следующий день ответил, что «королева, конечно, согласна с предложением министра иностранных дел», но добавил, что попросил дать советской стороне четкие разъяснения статуса визита и «широкого спектра гостей из числа подданных Ее Величества». «Я считаю необходимым, чтобы русские гости понимали это перед приездом, иначе они могут оказаться в щекотливом положении», – отметил Эйдин [2].

Имелось ввиду – дать понять, что это обычное мероприятие. Однако даже в чопорной «Таймс» отмечается, что своеобразной вершиной визита Юрия Гагарина в Британию стал завтрак у королевы. Именно с этого начинается раздел корреспонденции об этом событии [18].

Рассказывая о реакции Юрия Гагарина на известие о приглашении на прием, Н.Н. Денисов писал: «Ну что ж, к королеве, так к королеве! – узнав о приглашении, согласился Юрий Алексеевич. – Придется задержаться на денёк...»

Сказано это было так, словно вихрастый паренек из-под Гжатска чуть ли не ежедневно ездит в королевские семьи. Вместе с тем его замечание было полно достоинства советского человека, который хорошо понимал, что предстоящий визит нужен для еще большего утверждения успехов отечественной космонавтики» [19].

Завтрак был назначен на 14 июля 1961 г. в Букингемском дворце. У высокой железной ограды еще с самого раннего утра собралась огромная толпа лондонцев. Во дворец были приглашены четверо: Юрий Алексеевич Гагарин, Николай Петрович Каманин, советский посол Александр Алексеевич Солдатов и корреспондент газеты «Правда» Николай Николаевич Денисов. Подъехали к дворцу на посольской «Чайке», сопровождаемой эскортом из шести полицейских мотоциклистов [18]. Одетые в расшитые золотом яркие мундиры, в высоких шапках из медвежьего меха, надвинутых на глаза, рослые, отлично вышколенные часовые-гвардейцы взяли карабины «на караул», салютуя советским людям.

От парадного входа вверх вела широкая лестница, устланная дорогим декоративным ковром; она была совершенно безлюдна. Справа и слева от нее – такие же лестницы. Но с первой до последней ступеньки они были заполнены людьми. С левой стороны перед группой встречающих стояла детская коляска. В ней восседал малыш, сын королевы Эндрю. Третий ребенок Елизаветы II родился 19 февраля 1960 г., он был младшим в семье после принца Чарльза и принцессы Анны; когда он женился, то стал герцогом Йоркским, шестым в порядке наследования короны.

Участников приема с советской стороны провели в гостиную. Гагарина приветствовал лорд Луис Маунтбэттен – начальник имперского штаба, он был последним вице-королем Индии, перед получением ею независимости, ему только что исполнился шестьдесят один год.

Лорд Маунтбэттен, обращаясь к Гагарину, сказал: «Я уже пожилой человек. Много видел на своем веку, многое, что мне пришлось пережить или испытать, останется в памяти на всю жизнь... Но есть событие, которое наиболее глубоко запало в мою память и я горжусь им. Это было в дни моего далекого детства: королева Англии держала меня на руках. Эндрю тоже будет всю жизнь помнить, как он в коляске встречал первого в мире космонавта» [8].

В просторном приемном зале, устланном огромным ковром бледно-зеленых тонов, с окнами, выходящими в подстриженный по-английски парк, гостей ожидало десятка два джентльменов и дам. А вот здесь любопытная деталь. Два участника одного события совершенно по-разному описывают начало королевской аудиенции.

Корреспондент «Правды» Н.Н. Денисов: «Через несколько минут чопорный дворецкий, похожий больше на министра, широко распахнул боковую дверь и, отчеканивая каждое слово, торжественно провозгласил: „Ее величество королева Англии!“» [20].

А Н.П. Каманин писал: «В это время безо всякого предупреждения в гостиную вошла приятная женщина средних лет, просто одетая, без каких-либо украшений и следов косметики – это была королева Англии. Рядом шли ее муж – принц Филипп и десятилетняя дочь» [8].

Ко времени этой встречи Елизавете II исполнилось тридцать пять лет, Гагарину было только двадцать семь... Простой летчик, не искусный в тонкостях этикета, и молодая дама, представительница одной из старейших монархий Европы, с молоком матери впитавшая особое предназначение в жизни своей страны и мира.

Но вот еще одна деталь встречи, подмеченная пером журналиста: «И тут совсем неожиданно для гостей из распахнутой двери вылетела маленькая комнатная собачонка. Вбежав в зал и покрутившись на коротеньких своих лапках, она уселась важно напротив двери, поджидая хозяйку и как бы всем своим видом говоря: здесь, мол, все в порядке.

Легкой походкой вошла в зал в сопровождении своего мужа Елизавета Вторая, сравнительно молодая женщина в скромном платье. Поздоровавшись с каждым за руку, она стала смеяться, шутить, расспрашивать Юрия Алексеевича о его жене и дочках».

- Как Вам понравился Лондон и его жители? – спросила королева у советских гостей.

- До сих пор об англичанах я судил по романам Диккенса и Голсуорси, – ответил Гагарин. – Они всегда представлялись мне замкнутыми и невозмутимыми. А тут мы встретили людей с открытыми улыбками и горячими сердцами.

- Вы правы, – заметила Елизавета Вторая, – Форсайтов у нас становится все меньше и меньше. Другие времена – другие нравы...

С первых минут визита в Букингемском дворце создалась самая непринужденная обстановка. По мнению Н.Н. Денисова, одной из главных причин тому было умение Гагарина свободно и с достоинством держаться с любыми людьми.

Эта непринужденная обстановка царила и за столом, накрытым в так называемом белом зале, в комнате № 1844, в нем более ста лет назад принимали русского царя Николая I. Вместе с советскими гостями тут было только шестнадцать человек [20].

Ю.А. Гагарина, конечно, посвящали в тонкости протокола, чтобы он не допустил какой-либо оплошности. Но он нашел совершенно неожиданный ход, который никем не был просчитан. Обратившись к королеве, как уверяют, он сказал: «Ранее я не бывал в таком высоком обществе и совершенно не знаю, как правильно себя вести, пожалуйста, помогите мне в этом». Королева успокоила Ю. Гагарина, сказав, что тонкости этикета ей тоже подсказывают специалисты в этих вопросах [21].

Во время завтрака Гагарин сидел рядом с королевой по правую руку от нее, напротив них – ее муж герцог Филипп Эдинбургский, много летавший на самолетах в качестве пилота и хорошо разбиравшийся в авиационной технике. Рядом с ним тоже по правую руку – посол А.А. Солдатов. По левую руку от него была госпожа Джоанна Келли.

Ф. Эдинбургский очень быстро нашел с Гагариным общий профессиональный язык. Он задал несколько технических вопросов, в частности о том, как обеспечивается устойчивость космического корабля. Гагарин очень уверенно, с большим знанием дела вел эту беседу, подробно объясняя сложные технические вопросы [6]. В беседе также участвовал и лорд Маунтбэттен [22].

Кроме Юрия Гагарина и членов нашей делегации, на прием были приглашены: адмирал флота лорд Маунтбаттен Бирманский (Admiral of the Fleet Lord Mountbatten of Burma), госпожа Джоанна Келли, губернатор тюрьмы Холлоуэй (Mrs. Joanna Kelly, Governor of Holloway Prison) (это известная тюрьма Британии, все заключенные которой женщины), сэр Джеймс Хатчисон – президент Ассоциации торговых палат Британии (Sir James Hutchison, president of the Association of British Chambers of Commerce), сэр Вильям Холфорд (Sir William Holford), архитектор, представляющий Королевскую комиссию по изящным искусствам, сэр Хант (Sir John Hunt), возглавлявший в 1953 г. экспедицию на Эверест, г-н Пол Брайан, заместитель председателя консервативной партии (Mr. Paul Bryan, vice-chairman of the Conservative Party), г-н Кит Колдер, главный Коммонер лондонского Сити, 1961 г. (Mr. Keith Calder, Chief Commoner of the City of London, 1961), мистер Бад Флэнэган (Mr. Bud Flanagan, the comedian), любимец английской публики, известный комик, ведущий шоу «Сумасшедшая банда резвится» в известном в Великобритании Виктори Палас (Victory Palace), г-н Герман Давид, председатель Всеанглийского теннисного и крокетного клуба (Mr. Herman David, chairman of All England Tennis and Croquet Club), сэр Норман Гваткин, гофмейстер кабинета лорда Чемберлена (Sir Norman Gwatkin, Comptroller, Lord Chamberlain's Office) [11; 18; 22; 23].

От советской стороны был еще и переводчик Борис Белицкий, но он не считался приглашенным лицом, поскольку британская сторона специально оговорила, что переводчик не будет есть во время ланча [2].

Говорили не только о космических делах, затрагивали вопросы политики, литературы искусства, спорта. Высказывались о прошлом и будущем наших стран; вспоминали выдающихся ученых Михаила Ломоносова и Исаака Ньютона; припомнили дружеский визит в Англию главы советского правительства Н.С. Хрущева, высоко оценили его усилия в борьбе за мир. Англичане в оживленном разговоре сверкали остроумием, но душой беседы оставался Гагарин. Его удачные ответы и шутки то и дело вызывали дружелюбный смех.

Бад Флэнэган дал свою версию событий, происходивших во время этого приема, его с удовольствием процитировала «Дейли Миррор»: «Все прошло чудесно. Просто как дома» [22].

Было любопытно узнать, а что же предлагалось гостям в качестве угощения. Со слов того же Бада Флэнэгана сначала подали яйцо-

пашот с каким-то сырным соусом, похожее на суфле. Затем было седло ягненка с гарниром [11]. Не исключено, что это блюдо готовилось из барашка, выращенного на специальной ферме, которая была любимым детищем герцога Филиппа Эдинбургского.

О дальнейших сменах блюд Бад умалчивает, оставляя отточия в заметке. Правда, замечает, что Гагарин все ел с аппетитом, «как будто он был голоден». При этом сокрушается, что за столом с Юрием Алексеевичем ему побеседовать не удалось. Он смог пробиться к нему, только когда перешли к кофе [22].

Космонавта засыпали вопросами: как чувствовал себя Гагарин в космосе? Что там на большой высоте? Как выглядит Земля с высоты космического полета, какого она цвета, какого цвета небо, звезды? Гагарин отвечал на них терпеливо и подробно. Но любимец английской публики комик Бад Флэнэган был так назойлив, что Юрий Алексеевич в шутку спросил его, не хотел бы он полететь в космос? Флэнэган испуганно ответил: «Что вы, дрожу уже от одной мысли, что моя квартира находится на высоте пятидесяти футов от земли» [8].

Фраза, сказанная Флэнэганом о Юрии Гагарине, была вынесена в заголовок газетной публикации: «Дружище Флэнэган: „маленький великий парень”». А в тексте этой публикации приводится его характеристика Юрия Гагарина: «Он действительно хороший парень, очень скромный» [23]. Для Бада Флэгана, как и для Гагарина, это было первое приглашение на прием к королеве.

Еще одна интересная деталь приема. Дочь Елизаветы Анна (ей в это время не было и одиннадцати лет) не была приглашена на завтрак, но ей очень хотелось увидеть Юрия Гагарина вблизи. Когда гости приступили к коктейлям, принцесса Анна вошла в эту комнату и королева представила ее космонавту. Принцесса едва смогла отвести взгляд от героя и произнесла традиционное английское приветствие: «Хау ду ю ду?» При этом она обменялась с Юрием Гагариным рукопожатием [24].

В общей сложности прием в Букингемском дворце длился свыше двух часов. «Прощаясь с Гагариным, королева с женским любопытством спросила:

- Полетит ли в Советском Союзе в космос девушка?

- Обязательно, – ответил Юрий Алексеевич, – ведь у нас полное равноправие, и женщины делают все наравне с мужчинами».

Гагарин, как всегда, оказался прав. Первой из всех женщин мира, полетевшей в космос, стала советская девушка Валентина Терешкова, которая тоже побывала в гостях у английского народа, тоже встретилась с Елизаветой Второй.

Во время беседы Елизавета Вторая подарила Юрию Гагарину свою фотографию. Позже этот же снимок королевы был взят на борт космического корабля «Союз ТМ-12» в мае 1991 г. англичанкой Хелен

Шарман, родом из Шеффилда, когда она, кстати в 27-летнем возрасте, как и Ю. Гагарин, совершила свой космически полет. Все это дало повод газете «Дейли телеграф» написать: «Можно сказать, что королева стала первым монархом, попавшим в космос» [25; 26].

О своем визите к королеве в заметках «для себя» Юрий Гагарин записал: «Завтракал у королевы в Букингемском дворце. Вот как! Королева приняла хорошо. Была обходительной, корректной. Побеседовали с ней о погоде, о космосе, о впечатлениях. С принцем говорил о летчиках, полетах, новых машинах... Подарил королеве книгу. Она очень обрадовалась. В ответ преподнесла семейную фотографию» [27].

Об этой встрече с королевой советский посол А.А. Солдатов позже написал в своих мемуарах: «В беседе со мною королева, принц Филипп и лорд Маунтбаттен говорили о том, что все они получили истинное удовольствие от встречи с первым космонавтом, который, как сказала королева, произвел очень большое впечатление на английский народ. Как бы подчеркивая значение, которое они придают визиту Гагарина, королева сказала, что впервые в истории королевской семьи всем придворным и слугам было разрешено выстроиться в вестибюле с тем, чтобы они могли приветствовать Гагарина...» [10]

После завтрака в Букингемском дворце Гагарин посетил советскую промышленную выставку. Этот день был специальным «детским гостевым днем» для посетителей выставки [18]. Выступая перед собравшимися на выставке студентами колледжей и учащимися средних школ, он пожелал им успехов в учебе и в жизни [28]. Журналист из «Гардиан» этот раздел рассказа о приезде Гагарина на выставку назвал «Рев „Уэмбли“» [29]. Так встретили школьники появление Юрия Гагарина в зале. Как писал английский репортер, Гагарин «выступил с неординарной речью перед восхищенными школьниками на Советской торговой выставке» [11].

Первый космонавт, обращаясь к школьникам, в частности, сказал: «... надеюсь, что многие из присутствующих здесь будут способны совершить космические полеты, но чтобы сделать это реальностью, вы должны овладеть определенным объемом знаний. И я желаю вам добиться в этом успехов» [29].

Позже, вечером, как указывала «Таймс», Юрий Гагарин направляется на Хайгейтское кладбище к могиле Карла Маркса, где возложил венок из алых и белых гвоздик с надписью: «От майора Юрия Гагарина».

Сам он отмечал в своих записках: «Вокруг на кладбище собрались тысячи жителей Хайгетского рабочего района британской столицы. И мне показалось, что сердца их в этот момент бьются в едином ритме с моим сердцем советского человека, рядового ленинской партии коммунистов, который пришел сюда, к первому коммунисту в мире, чтобы рассказать о своем скромном вкладе в осуществление мечты человечества об освоении космоса...» [30].

Встреча с представителями Общества британско-советской дружбы в советском посольстве и завершение визита

Вечером 14 июля в советском посольстве состоялась встреча с представителями Общества британско-советской дружбы, от имени которого нашего космонавта тепло и сердечно приветствовал Джон Плэттс-Миллс. «Вы, конечно, хорошо знакомы, как с управляемыми ракетами, так и с неуправляемыми, – сказал он. – Мы относимся к вам, как к ракете, направленной к сердцам британского народа» [23].

«Популярность посланца СССР, – писал английский публицист Пэт Слоун, – была поистине необычна. Толпы англичан стекались повсюду, где бы он ни находился, чтобы лично приветствовать космонавта. Энтузиазм был настолько велик, что вопреки своим первоначальным намерениям премьер-министр принял Юрия Гагарина в своей резиденции, а королева устроила завтрак в его честь. Впрочем, по-настоящему королевскую встречу герою оказали, конечно, простые люди страны» [5; 31].

Газета «Дейли экспресс» писала: «Англичане устроили молодому русскому космонавту восторженную встречу. Они завидуют России, потому что она открыла новый век героизма» [32].

Два дня подряд – 13 и 14 июля – газета «Дейли мейл», выходящая тиражом более двух миллионов экземпляров, помещала отрывки из книги Юрия Гагарина, озаглавив их «Путь к звездам». В СССР она была впервые опубликована в газете «Правда» под названием «Дорога в космос». Отрывкам из книги было предпослано специальное приветствие космонавта к читателям «Дейли мейл».

В этой же газете было напечатано и интервью с женой космонавта Валентиной Ивановной Гагариной, взятое Агентством печати «Новости» (АПН) по просьбе «Дейли мейл» [33].

Вот оно, как его привели в газете:

Вопрос. Довольны вы приемом, который оказал Юрию английский народ, или вы ожидали такого приема, так как знаете, какой чудесный человек Юрий, знаете, что его нельзя не любить?

Ответ. Очень довольна. Я не гадала, какой будет оказан прием моему мужу. Но ведь он не сделал ничего такого, чтобы его встречали холодно. Понятно, что в Англии, как и в других странах, его встретили так сердечно.

Вопрос. За последнее время Юрию приходится ездить много по разным странам. Скучаете ли вы по нем?

Ответ. Да, конечно... Утешаю себя тем, что, когда подрастет наша младшая, Галочка, я тоже смогу с ним путешествовать.

Вопрос. Спрашивает ли ваша дочка, где папа и когда он вернется?

Ответ. Спрашивает. Сегодня с утра Леночка задала вопрос: «Когда же поедем встречать папин самолет?» Я ответила: «Завтра» ... Завтра мы будем встречать нашего папу.

Валентина Гагарина просила передать сердечный привет английским женщинам [34].

За день до отъезда из Великобритании, 14 июля, Ю.А. Гагарин принял участие в специальной программе Би-би-си. Миллионы телезрителей могли увидеть первого космонавта. Программа называлась «Знакомьтесь, Юрий Гагарин». Его интервьюировали обозреватели Би-би-си Ричард Димблби и Том Марджерисон, а также обозреватель советского телевидения Юрий Валерианович Фокин [35].

В ответ на вопросы Юрий Гагарин вкратце рассказал о своей жизни, о подготовке к первому в истории человечества полету человека в космос, о своих впечатлениях в ходе этого полета. В заключение беседы Юрий Гагарин еще раз отметил теплое, радушное гостеприимство, оказанное ему английским народом. Он поблагодарил за сердечный прием и пожелал населению Англии успехов в его трудовой жизни, а также успехов в решении основной проблемы, которая занимает умы всего человечества, – проблемы обеспечения мира во всем мире.

В свою очередь представители Би-би-си от лица английских телезрителей заверили Юрия Гагарина, что он увозит с собой на родину самые теплые пожелания английского народа [36–37].

Не исключено, что именно об этом эпизоде визита приводит свои наблюдения корреспондент газеты «Правда» Н.Н. Денисов. Дадим их в изложении, используя два источника [19; 38].

Снова «Эрлз-корт» – помещение промышленной выставки. Отсюда одна из британских телевизионных компаний организовала передачу беседы Юрия Гагарина с лондонскими журналистами. Словно судьи, восседали они за столиками с табличками, на которых были написаны названия газет, и вели, что называется, перекрестный «допрос нашего космонавта».

- Какие впечатления остались от посещения Букингемского дворца?
- Сколько весит корабль «Восток»?
- Понравилась ли наша королева?
- Что труднее, полет в космос или зарубежные поездки?
- Какие платья носит ваша жена? Мини или макси? [19].
- Что вы думаете о ракете, на которой летал американец Алан Шепард?
- Сколько времени вы находились в кабине своего корабля, прежде чем взлетели в космос?
- Вы приземлялись в корабле или на парашюте?
- Какое вознаграждение вы получили за свой полет? [38]

«...Такие вопросы задавали корреспонденты Юрию Алексеевичу, рассчитанные на получение ответа, который казался им сенсационным. Да и метод передачи на экраны изображения интервьюируемого преследовал ту же цель – операторы старались давать Ю.А. Гагарина

крупным планом, чтобы зрители видели каждую черточку его лица, могли заметить напряжение мысли у отвечающего» [19].

Рассказ об этой пресс-конференции хочется завершить фрагментом из заметок Н. Денисова, в изложении «для своих», он опубликовал их в журнале «Советская печать», который являлся ежемесячным журналом Союза журналистов СССР. «Вечером вместе с несколькими англичанами мы просмотрели повторную, записанную на пленку телепередачу той беседы и еще раз убедились, с каким внутренним тактом Юрий Гагарин парировал иные из поставленных ему „вопросиков“. Общий смех и там в операторской телевизионной компании, и теперь, в домашней обстановке у телевизора, вызвал шутливый ответ Гагарина на вопрос о том, какие подарки купил он в Лондоне своей жене Валентине Ивановне:

- Каждый подарок – это сюрприз... Но каким же сюрпризом будут для Вали мои подарки, если я сейчас все расскажу о них вам, господа корреспонденты.

Вкупе с удивительно мягкой и в то же время с очень лукавой улыбкой Юрия Гагарина это замечание прозвучало так хорошо, что о нем и назавтра говорили между собой многие из жителей английской столицы» [38].

15 июля Юрий Гагарин отбыл на Родину. На всем пути от посольства до аэропорта десятки тысяч лондонцев устроили торжественные проводы советскому покорителю космоса.

«Покидая Лондон, – сказал перед отлетом на Родину Юрий Гагарин, – я увожу с собой самые теплые воспоминания о дружеской встрече, которую оказал мне гостеприимный народ Великобритании, население вашей столицы и славного города Манчестера» [39–41].

Четыре дня пробыл Юрий Гагарин на Британских островах, газета «Дейли мейл» (как написали правдисты, «далеко не симпатизирующая Советскому Союзу») назвала их днями подлинного «русского праздника» в Англии.

Уже рано утром в день отъезда Юрия Гагарина у здания советского посольства стали собираться большие группы людей. Среди них были не только жители Лондона, но и других городов. В руках у многих букеты цветов, памятные сувениры для космонавта.

Для Юрия Гагарина передают портрет, написанный одним английским художником в дни пребывания советского космонавта в Англии, различные книги и другие памятные подарки.

«На ступеньках подъезда появляется Ю. Гагарин. Тысячи собравшихся приветствуют его бурными аплодисментами и возгласами: „До свидания, Юрий!“, „Передавай привет советскому народу!“, „Приезжай к нам снова“».

Полицейские безуспешно пытаются сдержать напор людей, которые устремляются к открытой машине Гагарина. Несколько минут машина, окруженная плотным кольцом людей, не может стронуться с места.

Дорога к аэродрому заполнена народом. Люди стоят шпалерами и на Кенсингтон Хай-стрит, и на Хаммерсмит-роуд, и на Куин Каролэйн-стрит, и на всех других улицах по маршруту на лондонский аэродром. Они приветливо машут руками, маленькими красными флажками, шляпами, белыми и цветными платками. Со всех сторон тротуаров, крыш, балконов домов, из раскрытых окон к машине, в которой стоя едет советский космонавт, несутся возгласы: «Счастливого пути, Юрий!», «Браво герою!», «Ура Гагарину!».

«Таймс» среди провожающих «официально» упомянула только Фрэнсиса Ф. Тэрнбулла – секретаря канцелярии министра по науке и маршала авиации сэра Рональда Лиза [42]. В мемуарах советского посла в числе провожающих, кроме упомянутых, находим: «парламентского секретаря министерства авиации Рипона, председателя компании „Индастриэл энд трэйд фэйрс лимитед” лорда Дройда» [7].

Среди провожающих – посол Советского Союза в Великобритании А.А. Солдатов, ответственные сотрудники посольства, многочисленные корреспонденты английских и иностранных газет, телеграфных агентств, радио- и телевизионных компаний [41].

Риппон в кратком слове перед корреспондентами телевизионных компаний сказал, что Гагарин надолго останется в сердцах лондонцев: его пребывание в Англии было очень успешным и вызвало огромный интерес [10].

У здания лондонского аэропорта стоит наготове советский самолет «ТУ-104». Огромный серебристый лайнер с изображением красного флага начинает выруливать на старт. Вылет самолета на родину состоялся в 12 ч 15 мин [23].

«При отлете из Лондона, прощаясь с группой британских журналистов, мы, – писал Н. Денисов, – услышали от них интересное признание: „Знаете, – сказали они нам, – за эти пять дней, которые Гагарин провел в Англии, наш народ не только своими глазами повидал одного из простых и очень милых советских людей, но и узнал очень много нового о Советском Союзе, о замечательном народе вашей замечательной страны”» [33].

Так завершился визит в Англию первого космонавта планеты.

Визит Ю.А. Гагарина в Англию и вокруг него

Случались во время визита и забавные приключения. У посольства СССР группа девушек терпеливо ждала нашего космонавта, чтобы получить его автограф. Когда Юрий Гагарин выходил из машины по прибытии к посольству 11 июля, одной из них удалось, невзирая на службу охраны героя, поцеловать Юрия Гагарина, обняв его за шею. Оливия Брайден (Olivia Brayden), медицинская стоматологическая сестра, так выразила свое впечатление: «Это самый привлекательный мужчина во Вселенной, и я без ума от него» [1].

Всех приводили в восторг человеческие качества самого Юрия Гагарина... Ольга Франклин, ведущая корреспондентка газеты «Дейли мейл», очень точно подметила это: «Мы, женщины, знаем, что ищем, и если нам нравится, как выглядит мужчина, то это не потому, что у него правильные черты лица или вздернутый нос. Безусловно, Юрий Гагарин воплощает тот образ, который живет в сердце женщины, образ, каким должен быть герой... и как он должен выглядеть. В Юрии есть нечто, о чем так хорошо писал Толстой в „Войне и мире“, – отсутствие эгоизма... Подвиг Гагарина произошел в то время, когда мы все были немного разочарованы. Мы хотим обожать и любить что-нибудь. А если оглядеться, этого вокруг нас не много» [43].

Одна из корреспонденток «Дейли миррор» назвала своими «десятью сверхзвуковыми и электрическими секундами», когда она пожимала руку Юрия Гагарина [43].

Газета «Глазго геральд» в дни визита писала: «Нельзя скрыть систему образования и науки, которые дают возможность подготавливать таких людей, как майор Гагарин. Уже признано, что подвиги русских в области освоения космоса являются триумфом системы образования, результатом революции в области науки и административного управления, последовавшей за политической революцией 1917 года» [13].

Получила известность трогательная история английского школьника Малколма Силвермена. На нем было подобие скафандра, изготовленного на деньги, собранные со всего класса, при условии, что он пригласит космонавта посетить его школу. Полицейские не пустили его в посольство. Но он стоял на своем: ему надо увидеть космонавта для разговора. Он дождался, что майор Гагарин вышел к нему, они обменялись рукопожатиями, и Малколм вручил герою приглашение. Только впопыхах он забыл назвать адрес своей школы... «Товарищи по классу простили ему эту оплошность и встретили его „как Гагарина“: автограф он все-таки принес» [6].

Еще одна история связана с появлением тезки Юрия Гагарина в маленьком г. Марлоу на Темзе, в двух часах езды от Лондона. Русским именем своего маленького сына назвал учитель Рональд М. Вуде и его супруга Жаклина. Об этом они сообщили в письме Юрию Гагарину [8; 44].

«Невысокий русский майор зажег Англию молодым огнем», – так писала парижская газета «Пари-пресс». Эта газета воспользовалась заголовком, позаимствовав его у английской «Дейли экспресс». Он был набран латинскими буквами, но это было русское слово «фантастически!» При этом, видимо, впопыхах англичане вставили лишнюю букву «в» в окончание слова.

Газета «Пари-пресс» не поколебалась написать следующее: «Гагарин свел всех англичан с ума: они все заболели „болезнью космоса“, рекорды повального безумия побиты...» [45].

Но, пожалуй, лучше всех сказала про космонавта одна английская газета – так в заключение своего рассказа написал Вл. Митин. «Очень здорово, что он держит себя как посланец и гонец великого народа. Очень здорово, что он скромн, говоря о своем полете, он подчеркивает невозможность этого полета без усилий всего народа, без усилий руководителей этого великого народа...» [45].

Любопытной нам показалась небольшая реплика, подводившая итоги визита Юрия Гагарина в Великобританию и размещенная на первой полосе в колонке главных новостей в газете «Файнэншиэл таймс» со ссылкой на американского журналиста Дрю Мидлетона из «Нью-Йорк Таймс»: «*Кислый взгляд*». Дрю Мидлетон (Нью-Йорк Таймс) (Drew Middleton (N. York Times)) написал: «Британцы были особенно рады, что первым в космосе оказался не Янки (Yank)» [46].

Однако было бы неверно остановиться на описании реакции британской прессы на визит Юрия Гагарина только этими примерами. Газета «Гардиан», выходящая в Манчестере, в целом довольно сочувственно освещала визит Юрия Гагарина в Британию. Но именно она разместила на своих страницах «заметки на полях» лорда Олтричема под заголовком «Улыбающийся майор».

Автор был очень популярен в то время в Британии как пример «свободного и независимого» журналиста, который не боится высказывать суждения, расходящиеся с общепринятой точкой зрения.

Приведем несколько образчиков высказываний этого «независимого» обозревателя. Например, такие: «На прошлой неделе публичное (общественное) лицо Британии выдало симптомы странной лихорадки, сопровождающейся психическими отклонениями. Прием майора Юрия Гагарина в этой стране должен занять место среди наших менее вменяемых и сбалансированных представлений...»

Говоря о вине британской прессы, он пишет: «... пресса была виновата в абсурдной шумихе, которая предшествовала и окружала визит Гагарина...»

Улыбающийся майор явно был послан сюда своими хозяевами в пропагандистских целях. Его должны были приветствовать со сдержанной сердечностью все, кроме очень молодых, для которых политика по понятным причинам все еще закрытая книга. Даже элемент энтузиазма можно было бы простить нашему обществу потому, что оно было довольно взволновано зрелищем симпатичного молодого человека в форме, даже без своей жены. Но те, кто отвечает за руководство и информирование общественного мнения, должны были знать лучше, чем играть в игру России, выгодную для нее...» [47].

Или вот такой фрагмент: «Подвиг, которым славится майор Гагарин, был хорошо рассчитан с точки зрения г-на Хрущева. Это случилось в тот момент, когда все уже знали, что американцы готовят космический полет человека в космос. Значит ли, что это вообще произошло? Единственным внешним доказательством является то, что американцы построили курс сверхбольшого спутника, обогнувшего мир примерно в то время, когда был заявлен полет Гагарина» [47].

Правда, стараясь показать свою «объективность» он отмечает: «Но, все-таки, был ли Гагарин пилотом? Лучшее доказательство, что это так, служат слова профессора У.Г. МакКреа, который беседовал с ним в Королевском научном обществе во время ланча: „Он мог отвечать на вопросы так, как это мог сделать только тот, кто знал о его предмете”» [47].

Но тут же буквально в следующем абзаце читаем: «В целом кажется справедливым дать майору Гагарину преимущество над сомнениями (К. А. – в совершении им своего полета). Но... мы всегда должны относиться с крайней осторожностью, к неподтвержденным словам людей, которые систематически и принципиально лгут... В этом случае большинство британских редакторов, похоже, проявили доверчивость, более подходящую для средневековой деревни, чем для современного общества, на словах выступающего за научные ценности».

И далее: «Кроме того, мы должны более внимательно посмотреть на майора Гагарина, прежде чем принимать его в наши сердца. Он не дитя природы: было бы ближе к истине описать его как механический артефакт.

Когда Ричард Димблеби (К. А. – очень известный и авторитетный в то время британский журналист) спросил его, есть ли у него какие-либо “бабочки в животе” (предполагаем, что это идиома, соответствующая нашей „дрожь в коленках” или что-то подобное) прежде чем взлететь в космос, он твердо ответил отрицательно. Это доказывает либо то, что ему было строго приказано не признавать никаких человеческих слабостей, либо то, что он человек нечеловеческой нечувствительности. Это определенно показывает, что он не является „одним из нас” (как его назвала в одном из заголовков „Sunday Pictorial”). Раб с промытыми мозгами может быть милым, но с оттенком жалости (к нему), а не героем, перед которым следует поклоняться.

Проблема того, что произошло на прошлой неделе, не в том, что это представляет собой какой-то глубокий дрейф в этой стране к коммунизму или нейтрализму, а скорее в том, что это может быть легко интерпретировано (именно так) г-ном Хрущевым. На самом деле, я бы сказал, что отношение общественности в целом было здоровым скептицизмом. Массовые сцены почти всегда вводят в заблуждение, а также сложные жесты государственных сановников. Но (мнение) г-на

Хрущева, скорее всего, будет зависеть от внешних проявлений, чем от того, что было на самом деле.

Гагаринит – это поверхностное заболевание, но оно может иметь самые серьезные осложнения. Мы должны лишить г-на Хрущева надежды на то, что наша судорожная ревность к США даст нам про-российский поворот или что наше уязвимое положение склонит нас искать мира любой ценой. Мы также должны успокоить наших союзников, хотя у г-на Макмиллана есть много срочных дел, но задача, которую я указал, вероятно, самая срочная» [47].

По итогам поездки в Великобританию по советскому телевидению вечером 19 июля 1961 г. был показан телевизионный фильм «Юрий Гагарин в Англии». Этот фильм был создан Центральным телевидением СССР совместно с отделом телевизионных новостей Британской радиовещательной корпорации.

Заметка корреспондента ТАСС завершалась словами: «Фильм рассказывает о том, как много искренних друзей среди трудового народа Англии у Юрия Гагарина и у всех советских людей» [48].

Подводя итог нашему исследованию, отметим следующее: очевидно, в условиях советской действительности тех лет визит Ю.А. Гагарина в любую зарубежную страну носил определенную идеологическую окраску, без которой в то время не могло реализоваться любое общественно значимое событие, особенно на международной арене.

Проявлялось это, в частности, в том, что во время многих выступлений и самого Ю.А. Гагарина, и лиц, его сопровождавших, всячески подчеркивалось, что первый космонавт Земли является посланником мира и миролюбивой внешней политики советского государства, послом доброй воли, которую в нашей стране олицетворяет прежде всего лидер государства и Коммунистической партии Н.С. Хрущев, и которую он, Ю.А. Гагарин, как советский человек, несет ее (добрую волю) всем народам мира, в том числе и английскому.

Встречались в выступлениях и другие идеологические штампы и шаблоны. Однако, учитывая огромную харизму Юрия Алексеевича, его природный ум, остроту реакции и находчивость, его обаяние, естественное общение с людьми любых слоев населения Великобритании – все это вместе взятое представляло из него в ходе визита не только и не столько идеологического глашатая, сколько живого человека, наделенного острым умом, доброжелательного, умеющего контактировать с любым человеком, носителем тех вечных общечеловеческих духовных ценностей, которые формируются многовековой гуманистической культурой, трудом и любовью к людям и которые ценятся людьми во всем мире, независимо от социальной, политической, религиозной и гендерной принадлежности.

Визит Ю.А. Гагарина, по мнению авторов статьи, удался во всех отношениях. Он укрепил добрососедские отношения между СССР и Англией, имел большой позитивный резонанс в мире, а сам Ю.А. Гагарин достойно представлял наш миролюбивый народ, олицетворяя собой и своим героическим полетом в космос достижения СССР в области науки, техники, образования и промышленности.

Список литературы

1. Paula James. The girl who gave Yuri a kiss // Daily Mirror. – 1961. – July 13. – № 17906.
2. Смотров А. Гагарин и английская королева. Как это было, РИА Новости. - Лондон. – 2011. – 11 июля. – URL: <https://www.liveinternet.ru/users/astrahanka/post175580788> (дата обращения 23.10.2016).
3. Денисов Н., Некрасов В., Филиппов И. Большой день Лондона. Ю.А. Гагарин в Англии // Правда. – 1961. – 14 июля. – № 195 (15685).
4. Ю.А. Гагарин в Лондоне // Юж. Урал. – Оренбург, 1961. – 15 июля. – № 166 (10055)
5. Каманин Н.П. Летчики и космонавты. – М.: Изд-во Полит. лит., 1971. – 448 с.
6. Осипов В. «Юрий, Bravo!» // Известия. – 1961. – 15 июля. – № 167 (13713).
7. Latter-day Lindbergh, Major Gagarin misses diner // The Guardian. – 1961. – July 14. – № 35778.
8. Каманин Н.П. Первый гражданин Вселенной. – М.: Молодая гвардия, 1962. – 160 с.
9. Сиснев В. «Узник» энтузиазма англичан // Труд. – 1961. – 14 июля. – № 165 (12337)
10. Солдатов А.А. Ю.А. Гагарин в Англии // Новая и новейшая история. – 1993. – № 5. – С. 116–119.
11. Avert push-button war, says spaceman Yuri // Daily Worker. – 1961. – July 15. – № 9266.
12. Welcome, Spaceman! // Daily Worker. – 1961. – July 11. – № 9262.
13. Бирюков И. «Это честь для Лондона» // Комсомол. правда. – 1961. – 14 июля. – № 165 (11105)
14. Герой-космонавт в Англии // Красная звезда. – 1961. – 14 июля. – № 165 (11465)
15. Hugh Curnow. A busy day, then a nap – and out again Yuri does the town // Daily Mirror. – 1961. – July 14. – № 17907.
16. A real hero's welcome // Daily Worker. – 1961. – July 12. – № 9263.
17. Soviet spaceman invited to the Palace, Air minister's tributes to a «New Columbus», From Our Special Correspondent // The Times. – 1961. – July 12. – № 55131.
18. Major Gagarin has luncheon with the Queen // The Times. – 1961. – July 15. – № 55134.
19. Денисов Н.Н. Срочно в номер. – М.: Воен. Изд-во М-ва обороны СССР. 1978. – 270 с.
20. Борзенко С.Н., Денисов Н.Н. Космические богатыри (из записных книжек корреспондентов «Правды»). – М.: Изд-во «Правда», 1964. – Сер. б-ка «Огонек». – № 17. – С. 11–13.
21. 50 лет полета Гагарина. Т. 2. 108 минут и вся жизнь. – М: Изд-во «МКАД», 2011. – С. 214–215.
22. Bad gags with Gagarin // Daily Mirror. – 1961. – July 15. – № 17908.
23. Осипов В. Гудбай, Юрий! // Известия. – 1961. – 16 июля. – № 168 (13714).

24. ANNE WAS GAGA... // Daily Mirror. – 1961. – July 15. – № 17908.
25. Лютый А. Как там девушка с «Марса»? // Правда. – 1991. – 23 мая. – № 123 (26571).
26. От «Востока» к «Рассвету», Хроника пилотируемых космических полетов в фотографиях и документах, книга-альбом, авторы-составители: Железняков А.Б., Забелина И.А., Куприянов В.Н., Левтов В.Е., Савиных В.П. – СПб.: ИИА «ЛИК», 2011. – 436 с.
27. Гагарина Валентина. 108 минут и вся жизнь // Совет. Россия. – 1981. – 5 апреля. – № 80 (7531).
28. Ю. Гагарин в Лондоне // Правда. – 1961. – 15 июля. – № 196 (15686).
29. Gagarin visits the tomb of Karl Marx. No smiles from tired major. The 1844 Room // The Guardian. – 1961. – July 15. – № 35779.
30. Гагарин Ю.А. Дорога в космос. Рассказ летчика-космонавта СССР. Сер. «Шк. б-ка». – М.: Изд-во дет. лит. М-ва просвещения РСФСР, 1963. – 306 с.
31. Митрошенков В.А. Земля под небом. – 2-е изд., доп. – М.: Советская Россия, 1987. – 464 с.
32. Пребывание Ю.А. Гагарина в Лондоне // Коммунист. – Энгельс. – 1961. – 16 июля. – №141 (9981).
33. Книга Гагарина на страницах «Дейли мейл», спец. корр. АПН // Труд. – 1961. – 16 июля. – № 167 (12339).
34. В. Гагарина отвечает «Дейли мейл», спец. корр. Агентства Печати Новости // Комсомол. правд. – 1961. – 16 июля. – № 167 (11107).
35. Телеинтервью Ю. Гагарина // Вечер. Москва. – 1961. – 15 июля. – № 166 (11451).
36. Meet Gagarin' on BBC – tonight // Daily Worker. – 1961. – July 14. – № 9265.
37. Ю.А. Гагарин отбыл на родину // Красная звезда. – 1961. – 16 июля. – № 167 (11467).
38. Денисов Н. На орбите мира и дружбы // Совет. печать». – 1961. – №10. – С. 38–42
39. Бирюков И. Юрий в наших сердцах // Комсомол. правда. – 1961. – 16 июля. – № 167 (11107).
40. На Родину // Труд. – 1961. – 16 июля. – № 167 (12339).
41. Денисов Н., Некрасов В., Филиппов И. Привет стране героев // Правда. – 1961. – 16 июля. – № 197 (15687).
42. Departure today // The Times. – 1961. – July 15. – № 55134.
43. Зиллиакус К. «Пришел, увидел, победил...» // Огонек. – 1961. – № 30 (1779). – С. 31.
44. Бельская А. Дни героя в Лондоне // Лит. Газ. – 1961. – 13 июля. – № 83 (4362).
45. Митин Вл. Первый космонавт в гостях у Альбиона. По страницам зарубежной печати // Московский комсомолец. – 1961. – 16 июля. – № 139 (7139).
46. World trip for Yuri? // The Financial Times. – 1961. – July 17. – № 22444.
47. A word in edgeways, The smile major, by Lord Altrincham // The Guardian. – 1961. – July 20. – № 35783.
48. Телевизионный фильм «Юрий Гагарин в Англии» // Коммунист. – Саратов. – 1961. – 21 июля. – № 171 (12600).

Referenses

1. Paula James. The girl who gave Yuri a kiss // Daily Mirror. – 1961. – July 13. – № 17906.
2. *Smotrov Aleksandr. Gagarin i anglijskaya koroleva. Kak e`to by`lo* [Gagarin and the English Queen. How was it] // *RIA Novosti* [RIA of news]. – London, 2011. – 11 iyulya. – URL: <https://www.liveinternet.ru/users/astrahanka/post175580788> (data obrashheniya: [accessed] 23 oktyabrya [2016, October 23]).

3. Denisov N., Nekrasov V., Filippov I. *Bol'shoj den` Londona. Yu.A. Gagarin v Anglii* [Big Day of London. Yuri Gagarin in England] // *Pravda*. – 1961. – 14 iyulya. – № 195 (15685).
4. Yu.A. Gagarin v Londone [Yuri Gagarin in London] // *Yuzhny`j Ural* [The Southern Urals]. – Orenburg. – 1961. – 15 iyulya. – № 166 (10055).
5. Kamanin N.P. *Letchiki i kosmonavty`* [Pilots and cosmonauts.]. – M.: Izdatel`stvo Politicheskoy literatury`, 1971. – 448 s.
6. Osipov V. «Yurij, Bravo!» ["Yuri, Bravo!"] // *Izvestiya* [The News]. – 1961. – 15 iyulya. – № 167 (13713).
7. Latter-day Lindbergh, Major Gagarin misses diner // *The Guardian*. – 1961. – July 14. – № 35778.
8. Kamanin N.P. *Pervy`j grazhdanin Vselennoj* [The first citizen of the universe]. – M.: Izdatel`stvo CzK VLKSM, 1962. – 160.
9. Sisnev V. «Uznik» e`ntuziazma anglichan» [The "prisoner" of the enthusiasm of the British"] // *Trud* [The Labour]. – 1961. – 14 iyulya. – № 165 (12337).
10. Soldatov A.A. Yu.A. Gagarin v Anglii [Yuri Gagarin in England] // «Novaya i novejšhaya istoriya» [«New and recent history»]. – 1993. – № 5. – S. 116–119.
11. Avert push-button war, says spaceman Yuri // *Daily Worker*. – 1961. – July 15. – № 9266.
12. Welcome, Spaceman! // *Daily Worker*. – 1961. – July 11. – № 9262.
13. Biryukov I. «E`to chest` dlya Londona» ["It's an honor for London"] // *Komsomol'skaya pravda* [Komsomolskaya Pravda]. – 1961. – 14 iyulya. – № 165 (11105).
14. Geroj-kosmonavt v Anglii [Hero-cosmonaut in England] // *Krasnaya zvezda* [The Red star]. – 1961. – 14 iyulya. – № 165 (11465).
15. Hugh Curnow. A busy day, then a nap – and out again Yuri does the town // *Daily Mirror*. – 1961. – July 14. – № 17907.
16. A real hero's welcome // *Daily Worker*. – 1961. – July 12. – № 9263.
17. Soviet spaceman invited to the Palace, Air minister's tributes to a «New Columbus», From Our Special Correspondent // *The Times*. – 1961. – July 12. – № 55131.
18. Major Gagarin has luncheon with the Queen // *The Times*. – 1961. – July 15. – № 55134.
19. Denisov N.N. *Srochno v nomer* [Urgent to number]. – M.: Voennoe izdatel`stvo Ministerstva oborony` SSSR, 1978. – 270 s.
20. Borzenko S.N., Denisov N.N. *Kosmicheskie bogaty`ri (iz zapisny`x knizhek korrespondentov «Pravdy`»)* [Space heroes (from the notebooks of the correspondents of «Truth»)]. – M.: Izdatel`stvo «Pravda», 1964. - Seriya biblioteka «Ogonek». – № 17. – S. 11–13.
21. *50 let poleta Gagarina. Tom 2. 108 minut i vsya zhizn`* [50 years of Gagarin's flight. Volume 2. 108 minutes and the whole life]. – M: Izdatel`stvo «MKAD», 2011. – S. 214–215.
22. Bad gags with Gagarin // *Daily Mirror*. – 1961. – July 15. – № 17908.
23. Osipov V. Gudbaj, Yurij! [Goodbye, Yuri!] // *Izvestiya* [The News]. – 1961. – 16 iyulya. – № 168 (13714).
24. ANNE WAS GAGA... // *Daily Mirror*. – 1961. – July 15. – № 17908.
25. Lyuty`j A. *Kak tam devushka s «Marsa»?* [How's the girl from Mars?] // *Pravda* [The Truth]. – 1991. – 23 maya. – № 123 (26571).
26. *Ot «Vostoka» k «Rassvetu», Xronika pilotiruemy`x kosmicheskix poletov v fotografijax i dokumentax, kniga-al`bom, avtory`-sostaviteli: Zheleznyakov A.B., Zabelina I.A., Kupriyanov V.N., LevtoV V.E., Saviny`x V.P.* [From the "East" to the "Dawn", Chronicle of manned space flights in photographs and documents, book-album, authors-compilers: Zheleznyakov A.B., Zabelina I.A., Kupriyanov V.N., LevtoV V.E., Savinykh V.P.]. – SPb.: IIA «LIK», 2011. – 436 s.

27. *Gagarina Valentina. 108 minut i vsya zhizn`* [108 minutes and a lifetime] // *Sovetskaya Rossiya* [The Soviet Russia]. – 1981. – 5 aprelya. – № 80 (7531).
28. *Yu. Gagarin v Londone* [Yu. Gagarin in London] // *Pravda* [«The Truth»]. – 1961. – 15 iyulya. – № 196 (15686).
29. Gagarin visits the tomb of Karl Marx. No smiles from tired major. The 1844 Room // *The Guardian*. – 1961. – July 15. – № 35779.
30. *Gagarin Yu.A. Doroga v kosmos. Rasskaz letchika-kosmonavta SSSR* [The road to space. The story of the pilot-cosmonaut of the USSR. "School library"]. – M.: Izdatel'stvo Detskoj literatury` Ministerstva prosveshheniya RSFSR, 1963. – 306 s.
31. *Mitroshenkov V.A. Zemlya pod nebom, Izd. vtoroe, dopolnennoe* [The Earth under the sky, Ed. second, supplemented]. – M.: Sovetskaya Rossiya [Soviet Russia], 1987. – 464 s.
32. *Preby`vanie Yu.A. Gagarina v Londone* [Yuri Gagarin's stay in London] // *Kommunist* [«Communist»]. – E`ngel's. – 1961. – 16 iyulya. – № 141 (9981).
33. *Kniga Gagarina na straniczax «Dejli mejl», specz. korr. APN* [Gagarin's book on the pages of «Daily Mail», special correspondent of APN] // *Trud* [The Labour]. 1961. – 16 iyulya. – № 167 (12339).
34. *V. Gagarina otvechaet «Dejli mejl», specz. korr. Agentstva Pechati Novosti* [V. Gagarina responds to «Daily Mail», special correspondent. Press Agencies News] // *Komsomol'skaya pravda* [Komsomolskaya Pravda]. – 1961. – 16 iyulya. – № 167 (11107)
35. *Teleinterv`yu Yu. Gagarina* [Yuri Gagarin 's TV interview]// «Vechernyaya Moskva» [«The Evening Moscow »]. – 1961. – 15 iyulya. – № 166 (11451).
36. Meet Gagarin' on BBC – tonight // *Daily Worker*. – 1961. – July 14. – № 9265.
37. *Yu.A. Gagarin otby`l na rodinu* [Yuri Gagarin has left for his homeland] // *Krasnaya zvezda* [The Red star]. – 1961. – 16 iyulya. – № 167 (11467).
38. *Denisov N. Na orbite mira i druzhby`* [In the orbit of peace and friendship] // *Sovetskaya pechat`* [The Soviet Press]. – 1961. – Oktyabr`. – № 10. – S. 38–42.
39. *Biryukov I. Yurij v nashix serdczax* [Yuri is in our hearts]// *Komsomol'skaya pravda* [Komsomolskaya Pravda]. – 1961. – 16 iyulya. – №. 167 (11107).
40. *Na Rodinu* [To the Homeland] // *Trud* [The Labour]. – 1961. – 16 iyulya. – № 167 (12339).
41. *Denisov N., Nekrasov V., Filippov I. Privet strane geroev* [Greetings to the land of heroes] // *Pravda*. – 1961. – 16 iyulya. – № 197 (15687).
42. Departure today // *The Times*. – 1961. – July 15. – № 55134.
43. *Zilliakus K. «Prishel, uvidel, pobedil...»* ["I came, I saw, I won..."] // *Ogonek* [The light]. – 1961. – № 30 (1779).
44. *Bel'skaya A. Dni geroya v Londone* [Hero's Days in London] // *Literaturnaya gazeta* [The Literary newspaper]. – 1961. – 13 iyulya. – № 83 (4362).
45. *Mitin VI. Pervy`j kosmonavt v gostyax u Al`biona. Po straniczam zarubezhnoj pechati* [The first cosmonaut is visiting Albion. According to the pages of the foreign press] // *Moskovskij komsomolecz* [The Moskovsky Komsomolets]. – 1961. – 16 iyulya. – № 139 (7139).
46. World trip for Yuri? // *The Financial Times*. – 1961. – July 17. – № 22444.
47. A word in edgeways, The smile major, by Lord Altrincham // *The Guardian*. – 1961. – July 20. – № 35783.
48. *Televizionny`j fil`m «Yurij Gagarin v Anglii»* [TV movie "Yuri Gagarin in England"] // *Kommunist* [«Communist»]. – Saratov. – 1961. – 21 iyulya. – № 171 (12600).

РЕГИОНАЛЬНАЯ ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

УДК 94(470.23)"18"

ГРНТИ 03.21.31: История России Нового времени

DOI 10.35231/25422375_2022_1_79

А.Г. Нечаев

Путешествие вдоль выборгского тракта в начале XIX в.

В статье на основании широкого круга источников рассматриваются особенности путешествия по выборгскому тракту, который долгое время был единственной дорогой из Санкт-Петербурга в г. Выборг: изучается маршрут и возможные мотивы путешествия, рассматривается состояние дорог, почтовых станций и постоялых дворов, описываются особенности организации питейной торговли вдоль тракта и принципы расчёта прогонных денег в первую четверть XIX в.

Обращается внимание на то, что перечисленные проблемы, несмотря на важность значения этого пути для экономического и социального развития данной территории, до сих пор не становились предметом специального изучения.

В исследовании рассматриваются особенности передвижения по выборгскому тракту путешественников разных рангов. Несмотря на скудность оставленных ими заметок, рисующих реальную картину состояния пути по указанному маршруту, удаётся сделать вывод, что дороги, почтовые станции, а также уровень оказания услуг проезжающим были неудовлетворительны. Всё это объяснялось бедностью региона Старой Финляндии, его сложными климатическими условиями и не отличалось от состояния дорог во всей России.

Ключевые слова: выборгский тракт, почтовые станции, дороги, постоялые дворы, путешествие.

Aleksandr G. Nechaev

Journey along the Vyborg tract at the beginning of the 19th century

Based on a wide range of sources, the article discusses features of traveling along the Vyborg tract, which for a long time was the only road from St. Petersburg to Vyborg: the route and possible motives for travel are studied, the condition of roads, postal stations and inns is considered, the features of organization of drinking trade along the highway and the principles for calculating the running money in the first quarter of the 19th century are described.

Attention is drawn to the fact that the listed problems, despite the importance of this path for economic and social development of this territory, have not yet become the subject of special study.

The study examines the features of movement along the Vyborg tract of travelers of different ranks. Despite the paucity of these travelers' notes, which paint a real picture of the state of the path along the indicated route, it can be concluded that roads, postal

stations, as well as the level of service provided to travelers were unsatisfactory. All this was due to the poverty of the region of Old Finland, its difficult climatic conditions, and did not differ from the condition of roads throughout Russia.

Key words: Vyborg tract, postal stations, roads, inns, travel.

Дороги играют важную роль в жизни любого государства, в его экономическом, культурном и социальном развитии. Особенное значение имеют дороги в такой стране, как Россия. Без них невозможно представить, как огромные территории, населённые различными народами, могут существовать как единое пространство. Осознать это можно в путешествиях.

Образ путешественника в нашем представлении часто романтизируется: исследование неизвестного, расширяющего наши сведения о мире, всегда вызывает особый интерес. Увлекательно и изучение путевых заметок. Как правило, историки исследуют путешествия царственных особ и персон, внёсших значительный вклад в развитие общества, оставивших свой след в истории. Это, несомненно, привлекает больше внимания, чем поездки самого обычного человека по житейским делам.

Приведём такой пример: в 1800 г. шведский король Густав IV Адольф отправился в Санкт-Петербург подписывать антианглийскую конвенцию. Король решил ехать по суше, и нужно было обеспечить ему лучшие условия пребывания на пути между шведской границей и российской столицей. При исследовании дороги обнаружилось только одно достойное место для организации обеда Его Величества, поскольку на почтовых станциях не было поварен, где бы можно было приготовить еду для короля [1, с. 257]. Более того, на месте Белостровской станции, изначально запланированной для отдыха монарха, оказался *«старый, совершенно ветхий и тесный почтовый дом»*, непригодный для остановки [1, с. 257].

В данном случае проблемы были решены, королю обеспечили лучшие условия, но рядовые путешественники не могли рассчитывать на подобное. А ведь эту дорогу регулярно использовали множество людей! Таким образом, крайне важно узнать, как же самые обычные люди путешествовали по российским дорогам, с какими проблемами они сталкивались.

Цель статьи – представить, каким могло быть путешествие из Санкт-Петербурга в г. Выборг в первой четверти XIX в., каковы были особенности перемещения по дорогам в этот период времени и что мог увидеть путешественник.

Тема путешествий по территории Финляндии уже поднималась в нескольких работах, однако в них мало рассматривался именно период начала XIX в. Наиболее крупное исследование принадлежит

В.Г. Науменко – «„Здесь, на краю России исполинской...“: Финляндия в творческом наследии русских путешественников XVIII – начала XX в.». В данной работе актуализовано большое количество материала, но тема Выборга и Старой Финляндии – так назывались территории, присоединённые к России в ходе Северной (1700–1721) и Русско-шведской (1741–1743) войн, – рассмотрена только на материалах XVIII в. При рассмотрении событий XIX в. повествование в основном сконцентрировано на Новой Финляндии, т. е. на территории, присоединённой после 1809 г. [2].

Представляет интерес и работа И.С. Лапина «Путешествие в ближнюю Финляндию: Выборг, Кексгольм и Карельский перешеек глазами русских путешественников XVIII – начала XX в.». Данное произведение посвящено изучению именно территории Старой Финляндии, которую автор называет ближней. Однако описания путешествий первой четверти XIX в. и здесь практически отсутствуют [3].

Важно отметить, что путешествие – это не просто физическое перемещение из одной пространственной точки в другую: оно всегда должно иметь мотив, который и вызывает у человека добровольную «охоту к перемене мест».

Причин для поездки в г. Выборг могло быть несколько. Уже тогда в городе существовало развитое дворянское общество. Здесь устраивали балы, маскарады, театральные вечера. В театр приезжали гости даже из-за рубежа, например, одиннадцатилетний виртуоз из Вены осенью 1810 г. [4, с. 1].

Согласно с.-петербургским газетам, на данные мероприятия приезжали и гости из российской столицы. Так, «Северная почта, или Новая Санкт-Петербургская газета» писала, что 22 октября 1810 г. произошел сильный снегопад на дороге на Выборг, из-за этого «многие из дальних мест ехавшие» были вынуждены сменить летние экипажи на зимние [5, с. 2].

Кроме того, император Павел I разрешил на территории Старой Финляндии приобретать земли под поместья. Столичные дворяне стали строить свои резиденции в карельских лесах и, как следствие, ездить по выборгскому тракту.

Туризм в современном понимании этого слова в начале XIX в. находился в зачаточном состоянии. Главной достопримечательностью Старой Финляндии стала отнюдь не её культура, а природа. Водопад Иматра был популярным местом отдыха, его посетила даже императрица Екатерина Вторая в 1772 г., сделав это место крайне известным. Путь на водопад пролегал через г. Выборг. Однако путевые заметки с описанием здешних мест, относящиеся к первой четверти XIX в., нам практически неизвестны. Согласимся с безымянным путешественником, написавшим в журнале «Московский телеграф» за 1825 г. про Старую Финляндию следующее: «...страна, которая граничит с

окрестностями Петербурга, но нам столь же малоизвестна, как отдалённые края Сибири» [6, с. 283–284].

Перед началом любого путешествия необходимо определить его маршрут. До 1845 г., когда началось регулярное пароходное сообщение с Выборгом, единственным путём в этот город из Санкт-Петербурга был выборгский тракт. Он проходил примерно на месте современного старо-выборгского шоссе. «Атлас Финляндской губернии» 1803 г. позволяет подробно изучить маршрут выборгского тракта.

Путешественникам предстояло преодолеть 132,5 вёрст (141 км) между двумя городами [7, л. 21]. Отметим, что в зимний период расстояния уменьшались, поскольку часть пути пролегалa по замёрзшим рекам и озёрам. Так, расстояние от г. Фридрихдам (совр. г. Хамина) до д. Тервайоки летом составляло 20, а зимой 13 вёрст [7, л. 21]. Заезд в г. Выборг происходил через Санкт-Петербургские ворота, на рыночной площади и в районе лютеранской церкви [8, с. 4].

Сегодня данное расстояние можно преодолеть всего за два часа на автомобиле или на электричке, но в начале XIX в. путешествия были небыстрыми. Дорога из г. Выборг в Санкт-Петербург занимала примерно два дня [1, с. 264].

Главной движущей силой тогда были лошади, поэтому вдоль дорог организовывались почтовые станции. Всего на тракте находилось шесть почтовых станций: Кямара, Сувеноа, Пампала, Линдула, Белоостровск, Дранишниково [7, л. 21]. Это были не просто почтовые отделения, а полноценные стоянки, где путешественники могли отдохнуть, заночевать, пообедать, заменить лошадей. Данные станции располагались на расстоянии 20 вёрст друг от друга, что было оптимально для конного движения.

Смена лошадей была важна во время путешествий: она могла значительно ускорить путешествие, однако не бесплатно. Так называемые прогонные деньги уплачивались за проезд по почтовым дорогам. Они рассчитывались по количеству вёрст, лошадей и по назначению транспорта. В 1812 г. на территории Старой Финляндии были устроены следующие тарифы: казённые транспорты платили 4 к. банковскими ассигнациями за версту за лошадь.

Обычные люди платили по 6 к., но от городов (Выборга, Нейшлота, Сердоболя, Кёксгольма, Вильманстанда, Рочесальма) до первой почтовой станции – 12 к. Для казённых транспортов удвоенная плата от города отсутствовала. Таким образом, стоимость пути от Выборга до Санкт-Петербурга не для казенного транспорта составляла 17 р. 57 к. [7, с. 1–2].

Интересное наблюдение по поводу прогонных денег оставила в своём дневнике Аделаида Хаусвольф, 19-летняя уроженка г. Свеаборг, которая добровольно ушла со своим отцом в российский плен после капитуляции крепости во время Русско-шведской войны

1808–1809 гг. *«Ещё одна сложность при поездках здесь в стране: нужно возить с собой мешок с копейками (мелкими монетами), поскольку здесь большая нехватка разменной монеты»* [9, с. 209]. Во время своих двухгодичных странствий по России она вела дневник, который является интересным источником по истории Старой Финляндии в начале XIX в.

Помимо прогонных денег, для передвижений по Российской империи в начале XIX в. было обязательно наличие подорожных грамот. *«В России никто не имеет права путешествовать без подорожной, то есть паспорта, где указан его ранг и количество лошадей. Подорожную нужно показывать на каждой станции, иначе не получишь лошадей. Потерявшему её вряд ли можно помочь. Можно ехать лишь в место, указанное в ней»* [9, с. 20].

Итак, мы определили возможные мотивы путешествия и его маршрут, но не менее важно понимать, каково же состояние дорог, почтовых станций и в чём заключаются особенности пути из Санкт-Петербург в г. Выборг.

Информация о состоянии дорожного покрытия выборгского тракта начала XIX в. очень обрывочна, поскольку путешественников, оставивших путевые заметки, было немного, да и те редко обращали на это внимание. Аделаида Хаусвольф в своём дневнике отмечала плохое состояние дорог так: *«...[дорога] до сих пор была невыразимо пустынной и скверной... Они [повозки] могли совсем развалиться на ужасных русских дорогах»* [9, с. 36].

Описаний почтовых станций тоже сохранилось мало, как и селений при них. Самые многочисленные дошедшие до нас сведения – о поселении Кямара, которое было крупнейшим на пути в г. Выборг. Вот так его описала Аделаида Хаусвольф.

«Я встала рано, побродила по деревне, которая была достаточно большой. Рядом тёк ручей, по другую сторону от него была довольно красивая церковь, которая из-за богатого внутреннего убранства считается самой красивой и богатой из всех сельских церквей России. Здесь есть также большой красивый летний дворец, который называется Красносельским, который вместе с деревней принадлежит губернскому секретарю из Петербурга. Очень рано стали звонить церковные колокола. Их звук меня удивил: манера звонить и сам звон очень походили на немецкие колокола в Стокгольме, но звук и ритм здесь были намного лучше» [9, с. 37].

Также в этом дневнике упоминается интересная подробность. Аделаида Хаусвольф пишет, что на границе Финляндской и Санкт-Петербургской губерний расположены *«старые некрасивые ворота из кирпича»* [9, с. 39].

Можно предположить, что лучшие почтовые дома были на станциях Сувеноя и Линдула, так как именно там располагались на обед рос-

сийская императрица Екатерина II в 1783 г. и шведский король Густав IV Адольф в 1800 г. [1, с. 264].

Важные сведения о почтовых станциях приводятся в «Рапорте Санкт-Петербургского почтдиректора» от 1810 г. Чиновник получил ордер от министра внутренних дел для «освидетельствования» тракта до «прежней границы», т. е. до границы со Швецией 1808 г.

Результаты объезда были неутешительными.

Чиновник выделил следующие проблемы:

1) местные финляндские лошади весьма худы и слабы;
2) жители используют не обычные четырёхколёсные повозки, а двухколёсные тарантасы плохого качества. Более того, они порой соединяют их вместе в четырёхколёсную версию, а полученные приспособления *«ни для поклажи, ни для проезжающего не могут быть пригодны»* [10, л. 11];

3) малое число дорог и небольшое количество лошадей на них;

4) станционные дома в плохом состоянии. В печах не хватает дров, во многих домах полы и стены в неудовлетворительном состоянии, а в некоторых даже нет стёкол в окнах. У многих конюшен нет крыш для лошадей и фуража [10, л. 11].

Проверяющий констатировал: *«Есть ли к наступающему зимнему времени оные [проблемы] исправлены не будут, то на некоторые не токмо никакого пристанище дать не смогут, но и смотрители с почтарями или на морозе останутся, или оставить посты их принуждены будут»* [10, л. 6].

Аделаида Хаусфольф за два года до рапорта отмечала следующее: *«... мы остановились у почтовой станции, хорошо построенной, но такой неопрятной, что мы не смогли зайти внутрь, а остались на улице»*. Не меньшую проблему представляли многочисленные насекомые в кроватях постояльцев. *«Всю ночь клопы не давали мне спать... паразиты набрались даже в мою одежду»* [9, с. 28]... *Ночь я провела без сна: в моей комнате было полно клопов и букашек, и где бы я ни находилась, они не давали мне покоя»* [9, с. 26].

Одному из пленных шведов также пришлось столкнуться с неисправной повозкой: *«лейтенант Вернелм был вынужден привязать себя к телеге, поскольку она была неисправная и имела угловатые колеса»* [9, с. 36].

В чём же была причина плохого состояния почтовых домов на Выборгском тракте? Во многом это было связано с бедностью данного региона. Согласно законам Российской империи, содержание почтовых домов целиком лежало на плечах местных жителей, однако *«совершенная бедность финляндских крестьян отнимает все средства, чтобы отдать почтовую повинность и производить постройку и починку домов за их счет»* [10, л. 31]. Немногочисленность и хилость лошадей тоже объясняется скромным достатком местного населения.

Да и «двухколёсные тарантасы» оставались на финляндских дорогах и в последующие годы, о чём писал в воспоминаниях путешественник О. Сомов в 1829 г. [3, с. 11].

Не менее важной частью путешествия были постоянные дворы, располагавшиеся вдоль всего Выборгского тракта и предоставлявшие отдых и еду путникам. Отметим, что постоянные дворы называли в Старой Финляндии по-разному: «гастгербергство» – на шведский манер или «корчма», «шинка» – на русский. Здесь можно было накормить лошадей овсом за 40 к. или соломой за 25 к. Человек же мог выпить стакан молока или пива за 15 к. [11, л. 3].

Согласно «Ведомости питейных заведений», всего вдоль больших дорог Финляндской губернии действовала 61 корчма, приносящая в казну 853 р. годового налога [12, л. 22]. На пути из Выборга в Санкт-Петербург существовало пять казённых постоянных домов, но не одновременно. Их количество менялось в зависимости от сезона: три корчмы – на зимней дороге и две – на летней [12, л. 6]. В зимний период путь между городами сокращался, однако в холодное время потребность в отдыхе и горячем питании была выше, скорее всего, именно поэтому и открывался дополнительный постоянный двор.

Однако помимо пяти известных официальных заведений, были и многочисленные незарегистрированные. В рапорте финляндского гражданского вице-губернатора от 24 июля 1810 г. указывалось, что «по произволу жителей» в каждом поселении было по одной корчме. Объяснял он это тем, что в губернии много поселений, но они слабо связаны между собой, из-за чего трактиры и стали столь многочисленными [12, л. 1].

Согласно закону, держатели гастгербергств могли свободно продавать пиво, иностранное и домашнее, мёд, вина испанские и французские, а также горячее вино (глинтвейн). Однако в реальности такого разнообразия товаров в корчмах не было. Отмечалось, что, кроме горячего вина и ординарного пива, никаких других напитков не подавалось. Также продажа производилась только рюмками и не более пары в одни руки [12, л. 5].

Эта скудность тоже во многом объяснялась бедностью региона. Важно понимать, что вином в указанных документах считался продукт переработки хлебных злаковых культур. Территория Старой Финляндии не могла сама себя обеспечить зерном, да и неурожаи случались часто. Так ведомость о продажных ценах на хлеб в торговые дни по полученным из губернских городов сведениям до 2 сентября 1810 г. показывает, что в Выборге куль ржаной муки стоил 16,5 р. Это самая дорогая цена на северо-западе. Например, в Санкт-Петербурге такой куль стоил 15,25 р., а в Архангельске – 12 р. 6 к. [13, с. 4].

Использование злаков для винокурения только усиливало нехватку продукта. Тем не менее оно было распространено на территории

губернии. Свободу винокурения населению Швеция предоставила ещё в 1664 г., но в конце XVIII в. её стали ограничивать. В 1784 г. производство хлебного вина запретили из-за неурожая, в 1786 г. – до хорошего урожая, который случился лишь спустя семь лет. Винокурение разрешили, но затем снова начались неурожайи. Окончательный запрет на производство вина последовал в 1802 г. [12, л. 3].

Отныне только помещики и гастгербергства могли заниматься данным ремеслом. Однако начались новые проблемы: постоянные дворы не могли удовлетворить свои потребности в спиртном, поэтому они прибегали к помощи перекупщиков, которые покупали вино у местного населения [12, л. 5]. Местные власти знали об этом, но смотрели на нарушения сквозь пальцы, в результате чего винокурение оставалось на полуполюгальном положении. Но даже в такой ситуации напитков не хватало, возникли ограничения на их продажу и перебои поставок, особенно в зимний период.

Любопытно, что обычное и горячее вино пользовались в губернии большей популярностью, чем мёд и пиво. Последние планировалось в 1811–1815 гг. продавать только в г. Фридрихсгам, а в Выборге их продажу прекратить [12, л. 22]. Упоминается в документах, что перекупщикам крайне сложно было удовлетворить потребности корчм в пиве [12, л. 22].

Кроме того, общая сумма проданных напитков также может свидетельствовать в пользу популярности вина. В 1804 г. в шести городах губернии было продано вина на 26 152 р., а пива – только на 8 593 р., в 1808 г. – на 42 488 р. и 8 239 р., а в 1809 г. – на 40 318 р. и 4 010 р. соответственно [12, л. 89].

В начале XIX в. Старая Финляндия не была популярным местом для путешествий. Сюда приезжали либо на какие-либо культурные мероприятия, либо для того, чтобы полюбоваться необычной природой Карельского перешейка. Многие особенности управления и политики в Финляндской губернии были унаследованы от шведского прошлого, однако дорожная система на выборгском тракте была такой же, как и в других районах Российской империи.

Путешествие по выборгскому тракту сопровождалось рядом трудностей. Почтовые станции и дороги находились в плохом состоянии, что частично объяснялось бедностью этого региона. Местное население не могло содержать дороги и станции на полном довольствии, а правительство не прилагало больших усилий для улучшения ситуации.

Проблемы также возникали и с питейными заведениями, расположенными вдоль тракта. Несмотря на их широкое распространение, они не могли работать в полную силу, особенно в зимний период, из-за сложных климатических условий и политики властей.

Данная статья только приоткрыла жизнь Старой Финляндии в начале XIX в. Определенно, данная малоисследованная тема заслуживает дальнейших изысканий.

Список литературы

1. Краснов А.А. Кутузов в Выборге: (по неизвестным ранее письмам полководца). – СПб.: Журнал «Нева», 2015. – 343 с.
2. Науменко В.Г. «Здесь, на краю России исполинской...»: Финляндия в творческом наследии русских путешественников XVIII – начала XX века». – Ярославль: Ремдер, 2010. – 840 с.
3. Лапин И.С. Путешествие в ближнюю Финляндию: Выборг, Кексгольм и Карельский перешеек глазами русских путешественников XVII – начала XX веков. – СПб.: издательство «Гйоль», 2021. – 136 с.
4. Северная почта, или Новая Санктпетербургская газета. – 1810. – 16 ноября.
5. Северная почта, или Новая Санктпетербургская газета. – 1810. – 22 октября.
6. Н.П. Отрывок из писем о Финляндии // Московский телеграф. 1825. – № 8. – С. 283–297.
7. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1289. Оп. 1. Д. 249.
8. Атлас Финляндской губернии с уездами городами и планами всех публичных строений 1803 года. – 1803. – 22 с.
9. От Свеаборга до Новгорода. Своеручные поденные записки Аделаиды Хаусвольф. 1808–1809 / сост., вступ. ст. Г. Коваленко; пер. с шведск. А. Глиновой под ред. Г. Коваленко; коммент. Г. Коваленко и Ю. Мошник. – Великий Новгород: Издательско-полиграфический центр НовГУ им. Ярослава Мудрого, 2014. – 252 с.
10. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1289. Оп. 1. Д. 226.
11. Ленинградский областной государственный архив (ЛОГАВ). Ф. 1. Оп. 23. Д. 940.
12. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 571. Оп. 7. Раздел 2. Отд. 2. Д. 230.
13. Северная почта, или Новая Санктпетербургская газета. – 1810. – 7 сентября.

References

1. *Krasnov A.A. Kutuzov v Vyborg: (po neizvestnym ranee pis'mam polkovodca)* [Kutuzov in Vyborg: (according to previously unknown letters of the commander)]. – St. Petersburg: Zhurnal «Neva», 2015. – 343 p.
2. *Naumenko V.G. «Zdes', na krayu Rossii ispolinskoj...»: Finlyandiya v tvorcheskom nasledii russkih puteshestvennikov XVIII – nachala XX veka* ["Here, on the edge of gigantic Russia ...": Finland in the creative heritage of Russian travelers of the 18th – early 20th centuries]. – Yaroslavl: Remder, 2010. – 840 p.
3. *Lapin I.S. Puteshestvie v blizhnyuyu Finlyandiyu: Vyborg, Keksgol'm i Karel'skij peresheek glazami russkih puteshestvennikov XVII – nachala XX vekov* [Journey to neighboring Finland: Vyborg, Kexholm and the Karelian Isthmus through the eyes of Russian travelers of the 17th – early 20th centuries]. – St. Petersburg: izdatel'stvo Gjol', 2021. – 136 p.
4. *Severnaya pochta, ili Novaya Sanktpeterburgskaya gazeta* [Northern Post, or New St. Petersburg newspaper]. – 1810. – November 16.
5. *Severnaya pochta, ili Novaya Sanktpeterburgskaya gazeta* [Northern Post, or New St. Petersburg newspaper]. – 1810. – October 22.
6. *N.P. Otryvok iz pisem o Finlyandii* [An excerpt from letters about Finland] // *Moskovskij telegraf* [Moscow Telegraph]. 1825. – No. 8. – S. 283–297.

7. *Rossijskij gosudarstvennyj istoričeskij arhiv (RGIA)*. [Russian State Historical Archive (RGIA)]. F. 1289. Op. 1. D. 249.

8. *Atlas Finlyandskoj gubernii s uezdami gorodami i planami vsekh publicnych stroenij 1803 goda* [Atlas of the Finnish province with counties, cities and plans of all public buildings in 1803]. – 1803. – 22 p.

9. *Ot Sveaborga do Novgoroda. Svoeruchnye podennye zapiski Adelaidy Hausvol'f. 1808–1809 / sost., vstup. st. G. Kovalenko; per. s shvedsk. A. Glinovoj pod red. G. Kovalenko; komment. G. Kovalenko i YU. Moshnik* [From Sveaborg to Novgorod. Adelaide Hauswolf's handwritten daily notes. 1808–1809 / comp., entry. Art. G. Kovalenko; per. from Swedish. A. Glinova, ed. G. Kovalenko; comments G. Kovalenko and Yu. Moshnik]. – Veliky Novgorod: Izdatel'sko-poligrafičeskij centr NovGU im. YAroslava Mudrogo, 2014. – 252 p.

10. *RGIA* [Russian State Historical Archive (RGIA)]. F. 1289. Op. 1. D. 226.

11. *Leningradskij oblastnoj gosudarstvennyj arhiv (LOGAV)* [Leningrad Regional State Archive (LOGAV)]. F. 1. Op. 23. D. 940.

12. *RGIA* [Russian State Historical Archive (RGIA)]. F. 571. Op. 7. Section 2. Separate 2. D. 230.

13. *Severnaya pochtā, ili Novaya Sanktpeterburgskaya gazeta* [Northern Post, or New St. Petersburg newspaper]. – 1810. – September 7.

О.В. Волкова, Е.Ю. Волкова

**Роль зеленых насаждений в формировании
благоприятной городской среды в 1920-е гг.
(на примере губернского города Костромы)**

В статье рассматривается роль парков, скверов, садов и других озелененных пространств в жизни жителей губернского города Костромы. Раскрывается исторический аспект изменения и расширения функциональных особенностей зеленых зон города с приходом советской власти – власти трудящихся – от простого отдыха к проведению разнообразных культурных и спортивных мероприятий. С началом Гражданской войны в условиях угрозы голода все свободные земли были распаханы под огороды. Но с ее окончанием стала проводиться работа по благоустройству города. Отмечается, что политика губернских и городских властей была направлена на повышение уровня комфортности городской среды. Начинается практика древонасаждения, прежде всего в рабочих районах. Вместе с тем в этот период еще тяжело прививались элементы культурного поведения в парках и скверах, практически безуспешной оставалась борьба с хулиганами. Неудачной стала и попытка превращения Костромы в «город-сад». В целом 1920-е гг. – это переходный период от старого к новому зеленому облику города.

Ключевые слова: г. Кострома, парки, скверы, зеленые насаждения, озеленение, политика городских властей, культурные и спортивные мероприятия.

Ol'ga V. Volkova, Elena Yu. Volkova

**The role of green spaces in the favorable urban
environment formation in the 1920s
(on the example of the provincial city of Kostroma)**

The article examines the role of parks, squares, gardens and other green spaces in the lives of residents of the provincial city of Kostroma. The historical aspect of change and expansion of functional features of the city green areas with the advent of Soviet power - the power of workers - from simple recreation to holding a variety of cultural and sporting events is revealed. However, with the outbreak of the civil war, under the threat of famine, all possible vacant lands were plowed under vegetable gardens. With its completion, work on the improvement of the city began to be carried out. It is noted that the policy of provincial and city authorities was aimed at increasing the level of comfort of the urban environment. The practice of tree planting started primarily in working-class areas. On the other hand, during this period, elements of cultural behavior in parks and squares were still hard to instill, the fight against hooligans remained almost unsuccessful. The attempt to turn Kostroma into a "garden city" was also unsuccessful. In general, the 1920s were a transitional period from the old to the new green appearance of the city.

Key words: Kostroma city, parks, squares, green spaces, landscaping, city government policy, cultural and sports events.

Изучение благоустройства городов привлекает внимание исследователей разных научных направлений, начиная от изучения города как социокультурного явления в историческом прошлом [1] и заканчивая самыми узкими проблемами горожан. Непосредственно в 1920-е г., по мнению О.П. Олоховой, в отечественной историографии преобладали работы архитекторов, которые характеризовали «новое социалистическое градостроительство, усовершенствование города как среды существования населения» [2].

Историки затрагивают разнообразные аспекты благоустройства города: водопровод, канализация, транспорт, и в том числе зеленые насаждения. Однако в общей массе поднимаемых проблем трудно детально и глубоко остановиться именно на зеленых насаждениях [3; 4]. Одни ученые изучают город с точки зрения социальной политики, много времени уделяя формированию нового человека [5], другие делают акцент на государственной политике по отношению к советской женщине и детям, третьи ищут причины девиантного поведения [6–8] и т. п.

Надо подчеркнуть, что в историографии вопроса присутствуют исследования, подробно характеризующие непосредственно парки и скверы, однако их авторы не ставили целью создать общую картину всего пласта зеленых насаждений города [9–11]. Этим занимаются ученые-биологи, озеленители, лесоводы, изучающие флору различных городов страны, но в их поле исследования не попадает осмысление роли зеленых насаждений в жизни горожан [12–14].

Цель данной статьи – на примере губернского города Костромы проследить, не только как менялось назначение парков и скверов с приходом новой советской власти, но и проанализировать изменения в целом зеленого облика города, а также отразить, какую роль зеленые насаждения играли в жизни горожан и как сами жители относились к ним. Такой подход сопряжен с определенными трудностями, прежде всего с поиском материала, так как, как правило, он размещен фрагментарно в разных группах источников.

Период с 1917 по 1929 – это годы разрушения старого и попытки создания нового, что в полной мере относится и к вопросу о зеленом облике городов, в том числе и губернского города Костромы. В нем все революционные события 1917 г. свелись к мирным демонстрациям, митингам, выступлениям, которые проходили в основном в центре города: около городской думы, городской управы, Дворянского собрания, Дома народа.

В ходе этих событий никто естественно не заботился о сохранении зеленых насаждений. Наверняка ломались деревья, кустарники, вытаптывались клумбы. Правда, горожане продолжали отдыхать в пар-

ках, но и здесь чувствовались перемены, например, вечером 12 августа «группой солдат 202 полка был удален из городского сада полковой оркестр под тем предлогом, что музыкою пользуется гуляющая в саду буржуазия» [15, с. 63]. Пострадала даже р. Волга.

Газета «Поволжский вестник» 17 декабря 1917 г. писала: «Рано утром 13 декабря по распоряжению начальника уголовно-розыскного бюро, для предупреждения погрома, был спущен по водопроводу в Волгу спирт с винного склада Третьякова. Когда об этом узнала толпа, она бросилась к складу и на Волгу, черпала воду, сгребала снег и перепивалась. Прибывшим воинским нарядом порядок был восстановлен» [16].

В Костроме советская власть начала с разрушений. Исчезло название «Ботниковский сквер», снесли памятник И. Сусанину. Но в то же время новая власть хотела закрепить завоеванную свободу в чем-то материальном. И первое, что придумали, – посадить «Сад свободы». 20 марта 1918 г. состоялось совещание городской комиссии по его устройству под председательством В.А. Невского. Проект составил садовод Московского сельхозинститута Мейер, а смету – строительное отделение городской управы [17].

Также решено было воздвигнуть «Памятник свободы». Взгляды обратились к недостроенному монументу династии Романовых, который стоял в лесах, а возле него и в парке бывшего губернаторского дома в ящиках лежали заготовленные бюсты всех правителей свергнутой династии. Отпраздновав 1-е мая, губисполком создал комиссию «по переустройству памятника 300-летия дома Романовых в памятник свободы». Открыть его хотели 7 ноября 1918 г. – «в предстоящую годину октябрьской революции».

Однако все планы пришлось на время отложить, так как в разгоравшейся Гражданской войне положение трудящихся существенно ухудшилось. На повестке дня встало решение жизненно важных вопросов. Уже в конце 1917 г. в городе начинался голод. В ноябре Губернская продовольственная управа писала в Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов: «Ограниченный ввоз хлеба поставил Костромскую губернию в совершенно невыносимое положение. Запасы хлеба иссякли, и с 1 декабря в губернии начнется голод» [18]. В конце декабря Губернский продовольственный комитет признал положение в регионе критическим.

В 1918 г. специалисты огородного отдела разработали на территории города до 100 десятин земли и засеяли их капустой, картофелем, свеклой и морковью. Между горожанами распределили мелкие огородные участки. Снабдили население семенами, рассадой, инструментами. Было создано 126 коммун, члены которых обрабатывали более 50 десятин земли. Горземотдел освоил пустырь-кочкарник в городском выгоне между улицами Луначарского и Ленина под посадку

картофеля и овса. Но не хватало семян. Предстояло создать свой семенной рассадник.

В это трудное время пришлось изменить назначение земли парков и скверов. На городском бульваре «в чисто показательных целях» был разбит образцовый огородный участок, где гражданам показывались правильные приемы и методы огородничества. При организации показательного огорода на большом бульваре площадью полдесятины земельной секцией губкоммунотдела было обращено особое внимание не только на показную сторону по культивированию разного рода овощей, но и на посадку картофеля [19].

Приспособили под показательный огород и парк Муравьевку, чтобы горожане знали, «как садить, что садить и сколько садить». Со всей округи собирали семена самых высокопродуктивных сортов. А зимой выстроили теплицу и, кроме овощей, вырастили цветочную рассаду.

Годы революции и Гражданской войны привели к запустению. На улицах города возникла антисанитария. Грязно было во дворах, которые «превратились в хлева, особенно в конце ул. Луначарского – против каждого дома куча навоза или яма с помоями».

Там же, на земле, «принадлежащей господину Винту, росло громадное дерево, подпиленное и подрубленное. Владельцы ждут ветра, чтобы дерево упало, а оно может упасть куда угодно». В конце ул. Октябрьской революции, у самых ворот бумагопрядильной фабрики, устроили мусорную яму, где «сваливаются разные отбросы с больничного двора, и тут же валяются дети на стружках, которые раньше вывозили из фабрики для замощения дороги» [20]. Резко возросли случаи воровства. Когда стали созревать овощи и фрукты, «ежедневно приходится наблюдать, как банды хулиганов по ночам ходят целыми толпами, залезают в сады и огороды и уничтожают все, что им попадет в руку. Не говоря про ягоды, яблоки, вишни и т. п., тащат еще недоспелую тыкву, огурцы, свеклу и т. д.» [21].

Постепенно жизнь начинала выходить на мирные рельсы, улучшалось и продовольственное положение. Можно уже было больше отдавать сил и денег на благоустройство города. Декретом СНК РСФСР от 8 апреля 1920 г. учреждались коммунальные отделы при губернских, городских и уездных исполкомах. Общее руководство их деятельностью осуществлял коммунальный отдел Народного комиссариата внутренних дел.

В § 2 «Положения» говорилось, что коммунальные отделы в числе других задач осуществляли «благоустройство населенных пунктов (планировка, очистка, мостовые и мосты, набережные, сады, скверы, памятники, проведение и ремонт дорог, не находящихся в ведении Губернского Управления, и т. п.)» [22]. Однако в 1922 г. местные бюджеты лишились притока денежных средств из центра. В целях экономии

так и не оформившееся городское коммунальное хозяйство поступило в ведение губкоммунотдела.

И тем не менее город стал понемногу преобразовываться. 1 мая 1920 г. костромичи провели первомайский субботник, в ходе которого много сделали по устройству «Сада свободы»: около $\frac{3}{4}$ десятин перекопано под гряды, полдесятины – под газоны, собрано и уложено 1300 возов камня, 300 возов асфальта и разбиты дорожки. Работало 2174 чел. «Перекопкой было занято 1000 лопат».

50 представителей губпрофсоюза парикмахеров в саду «убирали, перетаскивая к памятнику, дикий камень до 10 пудов весом каждый и более, собирали в кучи камень-мостовик». Кроме того, в конце ул. Никольской при красноармейских частях и других учреждениях 1885 чел. перекопали около девяти десятин земли. При 10 школах 600 взрослых и 3600 детей устроили детские площадки и посадили около 2 тыс. деревьев.

Весной 1921 г. оборудовали цветники в городском саду и в бывшем Михинском сквере, привели в порядок первый квартал ул. Луначарского и Малый бульвар, устроили небольшие скверики против гостиницы «Кострома» и рядом за церковью на площади Воскресенской.

Победившая советская власть объявляла себя властью трудящихся, поэтому была поставлена стратегическая цель – превратить Кострому в «рабочий город-сад». Взгляды руководства обратились к фабричной его части, которая «чрезвычайно бедна разного рода зеленью, древесными насаждениями». Этот район являлся «наиболее убийственным в санитарно-гигиеническом отношении» [23].

В 1924 г. исполком горсовета поставил задачу: устроить здесь ряд садов общественного пользования, чтобы «создать резервуары свежего воздуха и дать место в них детворе и рабочим». В 1926 г. областная газета справедливо отмечала: «От голой эксплуатации лесных богатств, от неумелого хозяйствования лесом, которое было при царизме, советская власть стремится к расчетливому расходованию каждого дерева, к деревонасаждению в городах и селах и к охране лесных угодий от пожаров... Каждый новый сад, посаженный и сохраненный в рабочей окраине, помогает рабочим семьям стать более здоровыми. Каждое дерево, взращенное на дворе, даст новые струи чистого воздуха» [24].

Прекрасный план о превращении Костромы в город-сад сразу начал нарушаться. На благоустройство не расходовались даже те небольшие деньги, которые выделялись. Например, на 1-ю половину 1923 г. на содержание бульваров и общественных садов Костромы было выделено 2758 р. 82 к., а израсходовали за это время лишь 127 р. 61 к. [25, с. 8].

Отдел местного хозяйства (ОМХ) стал отдавать под застройку занятые садами площади. В частности, во всем огромном фабричном

районе лишь на трех смежных кварталах (№ 11–13) было много зелени и садов. В 13-м квартале в центре размещалось футбольное поле, ровное, с прекрасным плотным грунтом, защищенное от пыли кольцом окаймлявших частновладельческих садов и имевшее по окраинам богатую растительность. К этому участку примыкали 6-я школа, бывшая духовная семинария и Григоровская гимназия.

В центре и по краям 12-го квартала, где находились кирха, библиотека и церковь, около трех гектаров также занимали сады, что составляло примерно площадь городского сада. В 11-м квартале тоже можно было устроить большой сад для отдыха. Но ОМХ на месте садов предлагал построить целую улицу мелких домиков, а отдельные участки садов стал раздавать «под избушки на курьих ножках». Наряду с уничтожением зелени «создается масса новых отхожих мест, помойных ям, хлевов, грязи и пр., что значительно ухудшает санитарно-гигиенические условия городской жизни и повышает расходы по здравоохранению городского населения». Борьбу за сохранение садов проводило лишь общество «Друзья здоровья» [26].

Весной 1926 г. началось строительство рабочего поселка в конце ул. Ленина. Это 250 одноэтажных домов на две семьи каждый. В итоге здесь должны были поселиться 2 тыс. чел. В центральной части поселка планировали разбить сад площадью не менее полгектара для детских игр, а также участок общей площадью 1,5 га с таким расчетом, чтобы на каждого жителя приходилось в среднем 2–3 кв. сажен зеленой площади общего пользования. Планировалось также отделить этот поселок от старого города парком или широкой улицей [27].

Пока же «костромские рабочие были не избалованы местами для отдыха, – писала губернская газета „Северная правда“ 7 марта 1925 г. – На бульварной толкучке или на Долматовской „сковородке“ воздух не лучше фабричных корпусов. Ехать на Волгу далеко и не всегда и не всем удобно. Поэтому они часто ездят на горки Галичского тракта. Тут в уцелевших ельниках и сосняках нет гнилой городской пыли и духоты, чистый воздух и чудесный хвойный аромат. Но и здесь коммунотдел открыл свалки нечистот. Вонь уже невозможная. Говорят, что свалку запашут, но не факт».

Рабочие критиковали власть, требовали благоустройства городского бульвара, призывая взять его у коммунотдела в аренду «вместе с цветником и огородом, построить открытую летнюю сцену, на которой можно дать здоровую, легкую для восприятия пьесу-дивертисмент, устроить экран для кино, киоски для газет, буфет» [28].

Интересные мероприятия проводили, но крайне редко. Например, 20 мая 1923 г. с 18 ч в городском саду прошло большое гулянье, был дан концерт и балет. В июле того же года в городе торжественно отметили международный День кооперации. На площади Революции собралось 1500 чел. с красными знаменами. После митинга рабочие-

текстильщики и спортивные группы «Вега» и «Текстиль» направились на свой «Колизей» – стадион в Ипатьевском монастыре. Когда демонстрация подошла к мосту на р. Костромке, музыка грянула марш, заречные жители вышли на берег встречать юных спортсменов [29].

23 мая 1926 г. состоялось платное гулянье, устраиваемое губа-виахимом. На бульваре работал буфет, играли два оркестра. Зрители смотрели выступления хоров клубов «Рабочий гул», «Красный ткач» и совработников. Во время гуляния была устроена лотерея с выигрышными билетами на право проезда на моторной лодке. Вечером устроили фейерверк [30]. Газета «Красный мир» 19 мая 1923 г. призывала: «Используем лето! Политпросветработа не должна затухать летом. Но летом надо быть чаще на свежем воздухе. Надо ездить на прогулки и экскурсии за город. Библиотеки должны разбить книжные палатки в скверах и бульварах» [31].

Серьезные сдвиги в деле преобразования Костромы, и в том числе ее благоустройства, начали происходить с весны 1926 г., когда 31 марта приступил к работе Костромской городской отдел коммунального хозяйства. Горсовет разработал проект капитального строительства и переустройства г. Костромы на ближайшие 10 лет, где, в частности, планировалось устройство набережной Волги, разбивка новых зеленых насаждений, осушение заболоченной части города [32].

В январе 1927 г. горкоммунотдел принял решение отвести участок земли под сад для больницы «1-е мая» на площади, находившейся за собором в кремле, «без сокращения садовой служебной площади теплиц и парников». В смете на 1926–1927 гг. на содержание садов и бульваров, освещение улиц, их уборку и поливку, а также на оборудование полей орошения выделялось 30 910 р., в том числе только на благоустройство скверов отпущено 7300 р. [33, л. 49, 51].

«Северная правда» писала 16 мая 1926 г.: «Отрадно слышать это! Ведь Кострома на редкость бедна общественными садами. Следовало бы в первую очередь превратить в сад (цветник или хотя бы лужайку) огород вокруг собора. Теперь не голодные годы, и едва ли есть смысл держать под огородом центральное место города, куда трудящийся мог бы прийти на отдых» [34].

Горкоммунотдел принял ряд мер к облагораживанию скверов и бульваров. На бывших Ботниковском и Долматовском скверах частично отремонтировали изгороди и скамейки. На малом бульваре спланировали центральную дорожку и поставили изгородь со стороны набережной. Посадили деревья на заброшенной площадке у бывшей Воскресенской церкви, в сквере «Красном», на бульваре Луначарского [35]. На Муравьевке отремонтировали калитки, изгороди и тоже посадили деревья. Кроме того, горсовет утвердил проект разбивки земли под застройку в конце Катушечной улицы с устройством там сквера.

Украшением Костромы являлась р. Волга, поэтому большое место в проекте преобразования города было уделено набережной. Это неслучайно, так как вид Костромы с Волги в то время был, «можно сказать, ужасен». Берег Волги всегда использовался в основном под производственные нужды. Для отдыха горожан здесь не было даже пляжа.

В 1927 г., учитывая указы избирателей, президиум горсовета предложил горкомхозу изыскать возможности благоустройства береговой полосы в ближайшее время. Но тем не менее берег продолжали уродовать: снесли любимую костромичами беседку, вдоль набережной провели железнодорожную ветку.

При советской власти изменяется назначение парков, садов и скверов. Кроме простого гуляния, употребления прохладительных напитков, мороженого, посещения расположенных в них ресторанов, оазисы зеленых насаждений все больше становились центрами культурно-массовой и спортивной работы. На их территории стали располагаться читальни, библиотеки, летние театры, павильоны для игр, спортивные площадки и др.

«Недавнее прошлое костромского бульвара было задористо, бузисто, напористо и шумно, – писала „Северная правда” 19 августа 1926 г. – Год-два тому назад бульвар служил почти только ареной для доблестных стычек... Теперь стычки бывают, но реже и в более узком масштабе... Появились ”рыцари” другого калибра, весьма вежливо предлагающие вам пройтись в их обществе, проводить до дому, если вы конечно женского полу и имеете приличную физиономию... В хороший вечер, когда оркестр старательно выдувает марши, польки и мазурки – на бульваре невообразимо тесно. Толкаются, наступают друг другу на ноги. Но никто не жалуется... И если вы от души бросите: „Ах, извиняюсь”, то вам также от души ответят: „Пожалуйста”. Очень миролюбивое настроение! Не так давно „бульварная Кострома” была поражена неожиданно появившимися „первыми признаками культуры” – жестянками для окурков. Новенькие, выкрашенные в ярко-красный цвет, они выглядят очень прилично. Но беда в том, что их мало. Большинство совершенно не привыкло к таким удобствам, как жестянки, и даже сидя рядом с ними, по привычке бросают на землю» [34].

В летнее время работа клубов все больше переносилась из зданий в сады при них. Например, летом жизнь была ключом в саду около клуба «Рабочий гул» на ул. Симановского, где был «простор для легких, зелень ласкает глаз и чистота еще непривычная кругом для нашей жизни». На открытой сцене играл оркестр, были танцы, кино, отдыхавшие играли в кегли и крокет. В павильоне аккуратно разложены газеты и журналы. Но больше людей собиралось у фонтана, в тихих аллеях сада, где они «пьют полной грудью свежий воздух» [36].

В 1927 г. открылся свой садик у рабочих 3-й текстильной фабрики. Там была сцена, скамейки, оборудованы столы, много клумб, а кругом посеян густой газон. После работы здесь можно было хорошо отдохнуть и подышать свежим воздухом. В саду имелась библиотека-читальня, устраивались различные заседания, члены драмкружка ставили спектакли. Но рабочие сетовали, что в саду нет трапедий и турника для спортивных занятий.

Одна из важнейших задач в деле благоустройства города – это привитие культурных навыков, умение и желание не только посадить, но и ухаживать и беречь посаженное. В 1924 г. Костромской губисполком принял постановление «О мерах благоустройства, общественного порядка и безопасности», где подробно объяснялось, как нужно вести себя в общественных местах.

«Запрещается езда на велосипедах и мотоциклах по тротуарам, скверам, садам, бульварам, а также и проводка их в этих местах в руках, кроме задних аллей бульваров... переноска на руках, перевозка на тележках, тачках и санках ушатов, ведер и т. п. с краской, дегтем, смолой и другими красящими и вообще пачкающими веществами; переноска и перевозка на чем бы то ни было тяжелых грузов; и вообще движение с тележками, тачками и санками. За нарушение – штраф до 300 руб. золотом или принудительные работы до трех месяцев. Воспрещается порубка и вообще порча древесных зеленых насаждений, срывание цветов и зелени и порча газонов в садах общественного пользования, порча и перестановка скамеек на скверах и бульварах.

В местах общественного пользования воспрещается бросать на землю окурки, бумагу, подсолнечную шелуху и т. п. сор... где бы то ни было, на площадях, улицах, в закрытых помещениях производство всякого рода азартных игр в карты, лото; устройство лотерей под видом торговли по билетам, игры в веревочки, в черные и красные, конфетку и др... без разрешения Административного Управления устройство заведений для физических развлечений: карусели, качели и пр.; равно и заведений для платных неазартных игр: бильярд, кегли и др.» [37, с. 2, 4].

В апреле 1926 г. подобное постановление принял и горсовет.

В Костроме стал торжественно и многолюдно проходить «День леса», когда горожане высаживали деревья и кустарники. Но, как правило, после посадки о них забывали. В итоге результат сводился практически к нулю. Например, «День леса» 1925 г. «был проведен довольно широко, сотни, если не тысячи, новых деревьев были посажены в этот день в наших садах и скверах. Но результат от этого – малоутешительный. Труд в большинстве случаев пропал даром. Деревца не сберегли и от тысяч их остались только единицы как бы стоящие живым укором перед нашей несознательностью».

Деревья погибли на малом бульваре и на стадионе 2-й фабрики. Причина – плохой уход и выбор саженцев, почвенные условия. Например, на стадионе 2-й фабрики почва суглинисто-песчаная, твердая, а там посадили березы, хотя для такой почвы лучше подошли бы сосны [38].

В феврале 1926 г. Костромским губкомхозом были намечены работы по приведению в порядок города. «В связи с этим он поведет беспощадную борьбу с хулиганством, выражающемся в расхищении, поломке и порче оград, скамеек и древесных насаждений в садах и скверах общественного пользования». Но битву с хулиганами часто проигрывали. Постоянная, практически безуспешная борьба велась против выпаса скота в садах и парках города. В апреле 1919 г. газета писала: «Мы уже говорили о принятии мер против „козьего нашествия“. Бродячими козами сплошь уничтожена обсадка акаций малого бульвара к р. Волге, массами уничтожаются деревья на Муравьевке и др. бульварах и скверах города» [39].

В апреле 1926 г. уже горсовет принял «Обязательное постановление», которым запрещалось пасти скот в городе. В мае того же года горкоммунотдел обещал сторожам скверов выдавать им премии за каждую пойманную козу. Премия формировалась за счет штрафа, наложенного на хозяина [40].

Таким образом, 1920-е гг. – это сложный период становления нового во всех областях жизни Костромы. Это касается и отношения к зеленым насаждениям. Если в первые годы после революции зеленая зона города использовалась в основном под огородные культуры, чтобы пережить голод Гражданской войны, то впоследствии парки, скверы, островки зеленых посадок все больше стали использовать для отдыха. Причем на этой территории стали проводить интересные культурные и спортивные мероприятия.

Зародилась хорошая традиция: при возведении новых микрорайонов обязательно создавать зеленую зону. Но, с другой стороны, происходило сознательное уничтожение зеленых территорий под застройку. В целом в эти годы о полноценном древонасаждении, высокой культуре заботы о зеленых посадках говорить рано, однако отдельные моменты уже начали проявляться. При этом горожане преимущественно использовали парки, скверы, сады, сохранившиеся еще с дореволюционных времен.

Список литературы

1. Город как социокультурное явление исторического процесса. – М.: Наука, 1995. – 351 с.
2. Олохова О.П. К характеристике отечественной историографии строительства и развития социалистических городов. URL: <http://old.archvuz.ru/PDF/%23%2045%20PDF/ArchPHE%2345pp134-147Olokhova.pdf> (дата обращения: 20.01.2022).
3. Соколов В.И. Вологда: История строительства и благоустройства города. – Архангельск, 1977. – 159 с.
4. Архангельск, 1584–1984: Фрагменты истории / под ред. Г. Фруменкова, А.С. Щукина. – Архангельск: Сев.-Зап. кн. изд-во, 1984. – 333 с.

5. Денисова М.А. Повседневная жизнь населения советского провинциального города в 1920-е годы: на материалах города Курска: автореф. ... канд. ист. наук. – Курск, 2010. – 25 с.
6. Российская повседневность 1921–1941 гг.: новые подходы. – СПб.: Изд-во СПбУ экономики и финансов, 1995. – 156 с.
7. Советская социальная политика 1920–1930-х гг.: Идеология и повседневность / под ред. П.В. Романова, Е.Р. Ярской-Смирновой. – М., 2007. – 430 с.
8. Лебина Н.Б. Повседневная жизнь советского народа: нормы и аномалии 1920–1930 гг. – СПб.: Летний Сад, 1999. – 316 с.
9. Писаревский Д. Парки культуры и отдыха. – М.: Московский рабочий, 1940. – 210 с.
10. Воскобойников В.Н. Становление и развитие советских парков культуры и отдыха в годы довоенных пятилеток. 1928–1940. – М., 1977. – 238 с.
11. Голбин А.Ю. «Культурная революция»: становление системы парков культуры и отдыха в СССР 1928–1941 гг. // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». – 2018. – № 5. – С. 27–36. URL: <https://doi.org/10.28995/2073-6355-2018-5-27-36> (дата обращения: 20.01.2022).
12. Максимов А.А. Флора города Архангельска: автореф. ... канд. биол. наук, 03.00.05. – М., 2006. – 21 с.
13. Булгаков И.Л. Флора города Орла: автореф. ... канд. биол. наук, 03.02.01. – Брянск, 2010. – 23 с.
14. Агафонова Л.А. Флора города Белгорода: автореф. ... канд. биол. наук, 03.02.01. – М., 2010. – 22 с.
15. Хроника событий 1917 года в Костроме / авт. и сост. А.М. Белов. – Кострома: КГУ, 2017.
16. Поволжский вестник. – 1917. – 17 дек.
17. К устройству сада «свободы» // Советская газета. – 1918. – 22 марта.
18. Северный рабочий. – 1917. – 30 нояб.
19. Красный мир. – 1922. – 24 нояб.
20. Красный мир. – 1923. – 15 мая.
21. Красный мир. – 1920. – 28 июля.
22. Декрет СНК РСФСР от 08.04.1920 «О Коммунальных Отделах Исполнительных Комитетов (Положение)» [Электронный ресурс]. – URL: <http://ipravo.info/sss1/laws96/978.htm> (дата обращения: 17.05.2019).
23. О садах и задачах городского строительства // Красный мир. – 1924. – 6 сент.
24. Сегодня «День леса» // Северная правда. – 1926. – 16 мая.
25. Приходо-расходная смета на 1 пол. 1923-24 г. – Кострома. Б.и., 1924.
26. Какое они имеют право отнимать чистый воздух у рабочих? // Красный мир. – 1924. – 21 авг.
27. Город-сад. Постройка рабочего поселка // Северная правда. – 1926. – 3 февр.
28. Северная правда. – 1925. – 7 марта.
29. Международный день кооперации // Красный мир. – 1923. – 10 июля.
30. На бульваре // Северная правда. – 1926. – 15 мая.
31. Красный мир. – 1923. – 19 мая.
32. Капитальное строительство и переустройство г. Костромы // Северная правда. – 1926. – 14 апр.
33. Государственный архив Костромской области (ГАКО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 851. Протоколы заседаний коммунальной секции горсовета. 1926–1927 гг.
34. Северная правда. – 1926. – 16 мая.

35. Коммунальное хозяйство. К благоустройству города // Северная правда. – 1926. – 10 февр.
36. На отдыхе // Северная правда. – 1926. – 23 июля.
37. Кодекс обязательных постановлений Костромского губисполкома на 1924 год // Вся Кострома: справочник на 1924–1925 гг. – Кострома, 1924.
38. Ко дню леса. Организуем шефство над посадками // Северная правда. – 1926. – 16 мая.
39. Советская газета. – 1919. – 30 апр.
40. Благоустройство города // Северная правда. – 1926. – 22 мая.

References

1. *Gorod kak sociokul'turnoe yavlenie istoricheskogo processa* [The city as a socio-cultural phenomenon of the historical process]. – Moscow: Nuka, 1995. (In Russian)
2. *Olokhova O.P. K harakteristike otechestvennoj istoriografii stroitel'stva i razvitiya socialisticheskikh gorodov* [On the characteristics of the national historiography of the construction and development of socialist cities]. URL: <http://old.archvuz.ru/PDF/%23%2045%20PDF/ArchPHE%2345pp134-147Olokhova.pdf>. (accessed 20.01.2022). (In Russ.)
3. *Sokolov V.I. Vologda: Istoriya stroitel'stva i blagoustrojstva goroda* [Vologda: The history of construction and improvement of the city]. – Archangelsk, 1977. – 159 p. (In Russ.)
4. *Arhangel'sk, 1584–1984: Fragmenty istorii* [Arkhangelsk, 1584–1984: Fragments of history] / [Edited by G. Frumenkov, A. S. Shchukin]. Arkhangelsk: Sev.-Zap. kn. publishing house, 1984. 333 p. (In Russ.)
5. *Denisova M.A. Povsednevnyaya zhizn' naseleniya sovetskogo provincial'nogo goroda v 1920-e gody: na materialah goroda Kurska* [Daily life of the population of the Soviet provincial city in the 1920s: based on the materials of the city of Kursk]: autoref. ... cand.ist. n.k. – Kursk, 2010. – 25 p. (In Russ.)
6. *Rossijskaya povsednevnost' 1921–1941 gg.: novye podhody* [Russian everyday life 1921-1941: new approaches]. – St. Petersburg: Publishing House of the SPbU of Economics and Finance, 1995. – 156 p. (In Russ.)
7. *Sovetskaya social'naya politika 1920–1930-h gg.: Ideologiya i povsednevnost'* [Soviet social policy of the 1920s-1930s: Ideology and everyday life /ed.P.V. Romanova, E.R. Yarskoy-Smirnova]. – M., 2007. – 430 p. (In Russian)
8. *Lebina N.B. Povsednevnyaya zhizn' sovetskogo naroda: normy i anomalii 1920–1930 gg.* [Everyday life of the Soviet people: norms and anomalies of 1920–1930]. – St. Petersburg: Summer Garden, 1999. – 316 p. (In Russ.)
9. *Pisarevskij D. Parki kul'tury i otдыha* [Parks of culture and recreation]. – Moscow: Moskovsky rabochy, 1940. – 210 p. (In Russ.)
10. *Voskobochnikov V.N. Stanovlenie i razvitie sovetskih parkov kul'tury i otдыha v gody dovoennyh pyatiletok.* [Formation and development of Soviet parks of culture and recreation during the pre-war five-year plans]. 1928–1940. – M., 1977. 238 p. (In Russ.)
11. *Golbin A.Yu. «Kul'turnaya revolyuciya»: stanovlenie sistemy parkov kul'tury i otдыha v SSSR 1928–1941 gg.* ["Cultural revolution": the formation of the system of parks of culture and recreation in the USSR 1928–1941] // BULLETIN of the Russian State University. The series "Literary studies. Linguistics. Cultural studies". 2018; (5):27-36. <https://doi.org/10.28995/2073-6355-2018-5-27-36> (accessed 20.01.2022). (In Russ.)
12. *Maksimov, A.A. Flora goroda Arhangel'ska* [Flora of the city of Arkhangelsk]: abstract...PhD.biol. N., 03.00.05. – M., 2006. – 21 p. (In Russ.)
13. *Bulgakov I.L. Flora goroda Orla* [Flora of the city of Orel]: abstract...Candidate of Biological Sciences, 03.02.01. – Bryansk, 2010. – 23 p. (In Russ.)
14. *Agafonova L.A. Flora goroda Belgoroda* [Flora of the city of Belgorod]: abstract...PhD.biol. N., 03.02.01. – M., 2010. – 22 p. (In Russ.)

15. *Hronika sobytij 1917 goda v Kostrome* [Chronicle of the events of 1917 in Kostroma /author and comp.A.M. Belov]. – Kostroma: KSU, 2017. (In Russ.)
16. *Povolzhskij vestnik* [Volga Bulletin] – 1917. – 17 dekabrya. (In Russ.)
17. *K ustrojstvu sada «svobody»* [To the arrangement of the garden of "freedom"] // *Sovetskaya Gazeta* [Soviet newspaper]. – 1918. – March 22. (In Russ.)
18. *Severnyj rabochij* [Northern worker]. – 1917. – November 30. (In Russ.)
19. *Krasnyj mir* [Red World]. – 1922. – November 24. (In Russ.)
20. *Krasnyj mir* [Red World]. – 1923. – May 15. (In Russ.)
21. *Krasnyj mir* [Red World]. – 1920. – July 28. (In Russ.)
22. *Dekret SNK RSFSR ot 08.04.1920 «O Kommunal'nyh Otdelah Ispolnitel'nyh Komitetov (Polozhenie)»* [Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR of 08.04.1920 "On Communal Departments of Executive Committees (Regulations)"] [electronic resource] <http://ipravo.info/sss1/laws96/978.htm> // (accessed 17.05.2019). (In Russ.)
23. *O sadah i zadachah gorodskogo stroitel'stva* [About gardens and tasks of urban construction] // *Krasny mir* [Red World]. – 1924. – 6 Sep. (In Russ.)
24. *Segodnya «Den' lesa»* [Today is the "Day of the Forest"] // *Severnaya Pravda* [Northern truth]. – 1926. – May 16. (In Russ.)
25. *Prihodo-raskhodnaya smeta na 1 pol. 1923-24 g* [Income and expenditure estimates for the 1st half of 1923-24]. – Kostroma. B.I., 1924. (In Russ.)
26. *Kakoe oni imeyut pravo otnimat' chistyj vozduh u rabochih?* [What right do they have to take clean air away from workers?] // *Krasny Mir* [Northern truth]. – 1924. – 21 Aug. (In Russ.)
27. *Gorod-sad. Postrojka rabocheho poselka Garden city.* [Construction of a work settlement] // *Krasny Mir* [Northern truth]. – 1926. – February 3. (In Russ.)
28. *Severnaya Pravda* [Northern truth]. – 1925. – March 7. ((In Russ.)
29. *Mezhdunarodnyj den' kooperacii* [International Day of Cooperation] // *Krasny Mir* [Red World]. – 1923. – July 10. (In Russ.)
30. *Na bul'vare* [On the boulevard] // *Severnaya Pravda* [Northern truth]. – 1926. – May 15. (In Russ.)
31. *Krasny Mir* [Northern truth]. – 1923. – May 19. (In Russ.)
32. *Kapital'noe stroitel'stvo i pereustrojstvo g. Kostromy* [Capital construction and reconstruction of Kostroma] // *Severnaya Pravda* [Northern truth]. – 1926. – 14 Apr. (In Russ.)
33. *Gosudarstvennyj arhiv Kostromskoj oblasti (GAKO)* [The State Archive of the Kostroma region (GAKO)]. F. 7. Op. 1. D. 851. Minutes of meetings of the municipal section of the City Council. 1926–1927. (In Russ.)
34. *Severnaya Pravda* [Northern truth]. – 1926. – May 16. (In Russ.)
35. *Kommunal'noe hozyajstvo. K blagoustrojstvu goroda* [Communal services. To the improvement of the city] // *Severnaya Pravda* [Northern truth]. – 1926. – February 10. (In Russ.)
36. *Na otdyhe* [On vacation] // *Severnaya Pravda* [Northern truth]. – 1926. – July 23. (In Russ.)
37. *Kodeks obyazatel'nyh postanovlenij Kostromskogo gubispolkoma na 1924 god* [The Code of mandatory resolutions of the Kostroma Gubernatorial Executive Committee for 1924] // All Kostroma: handbook for 1924–1925. – Kostroma, 1924. p. 2,4. (In Russ.)
38. *Ko dnyu lesa. Organizuem shefstvo nad posadkami* [To the day of the forest. We organize patronage of the plantings] // *Severnaya Pravda* [Northern truth]. – 1926. – May 16. (In Russ.)
39. *Sovetskaya gazeta* [Soviet newspaper]. – 1919. – 30 Apr. (In Russ.)
40. *Blagoustrojstvo goroda* [Improvement of the city] // *Severnaya Pravda* [Northern truth]. – 1926. – May 22. (In Russ.)

И.Г. Иванцов

*К 100-летию Кубанского государственного
аграрного университета*

Из истории Кубанского сельскохозяйственного института (1925–1930)

12 марта 1922 г. по постановлению Народного комиссариата просвещения РСФСР для подготовки агрономов широкого профиля был создан КСХИ – Кубанский сельскохозяйственный институт. Начало вузу было положено в 1918 г., когда в г. Екатеринодаре появился Кубанский политехнический институт, в рамках которого было организовано и сельскохозяйственное отделение, затем факультет. В составе КПИ это был крупнейший факультет. Именно из его состава новый вуз и выделился. Программа обучения предусматривала четыре года. Первые три года существования были тяжелыми для вуза. Это было связано с позицией Главного управления профессионального образования в составе Народного комиссариата просвещения (Главпрофобр), считавшего, что на Северном Кавказе хватило бы и двух вузов: во Владикавказе и Новочеркасске. И только в 1925 г. КСХИ обрел подлинную самостоятельность, когда Президиум ВЦИК передал КСХИ «на средства местного бюджета». Статья посвящена периоду 1925–1930 гг., в конце которого институт был реорганизован и разделен на четыре небольших вуза, переданных в ведение ряда соответствующих хозяйственных наркоматов.

Ключевые слова: аграрное образование, Кубанский сельскохозяйственный институт, студенчество, реорганизация вуза.

*To the 100th anniversary of the Kuban State
Agricultural University*

Igor' G. Ivantsov

From the history of Kuban Agricultural Institute in 1925–1930

On March 12, 1922, by the decree of the People's Commissariat of Education of RSFSR, Kuban Agricultural Institute (KAI) was established to train agronomists of a wide profile. The foundation of the university was laid in 1918, when Kuban Polytechnic Institute appeared in Yekaterinodar, where the agricultural department, and then – the faculty, was organized. It was the largest faculty within the KPI. Specifically the new university separated from the KPI structure. The training program provided four years of study. The first three years of its existence were difficult for the university. This was due to the opinion of the Main Directorate of Vocational Education of the People's Commissariat of Education (Glavprofobr) that two universities in Vladikavkaz and Novocher-

kassk would be enough in the North Caucasus. And it was only in 1925 that the KAI gained true independence when the VTSIK Presidium transferred it "at the local budget expense". The article is devoted to the first years of the Institute, the period of 1925-1930, at the end of which the institute was reorganized and divided into four small universities, transferred to the administration of a number of relevant economic commissariats.

Key words: Agrarian education, Kuban Agricultural Institute, students, reorganization of the university.

Большевики, взявшие власть в стране осенью 1917 г., считали, что высшее образование должно быть открытым и доступным для беднейших слоев населения. Для первого послереволюционного десятилетия Советской России весьма характерным была организация и расширение непосредственно и при прямом участии властей сети высших учебных заведений в провинциальных городах. Одним из таких городов был Екатеринодар (Краснодар), где в очень сложный период Гражданской войны, в июне 1918 г., был организован Кубанский политехнический институт, на базе агрономического факультета которого в 1922 г. и был создан Кубанский сельскохозяйственный институт (КСХИ). В дореволюционный период в Кубанской области высших учебных заведений не было.

На Кубани, в условия послереволюционной разрухи, обостренной последствиями военных действий и проводимой властями политики продразверстки, нехватка квалифицированных сельскохозяйственных специалистов, по сути, стало большой проблемой для возрождения и дальнейшего социально-экономического развития одной из главных житниц страны.

Появление первого на Кубани института сельскохозяйственного профиля стало большим событием в жизни юга России, результатом усилий общественных деятелей и организаций, государственных органов, замечательных ученых-агров, а также давно назревшей и объективной востребованности сельскохозяйственного образования в сугубо аграрном (особенно на тот временной период) регионе России.

Различные обстоятельства организации первого на Кубани вуза сельскохозяйственной направленности начали изучаться уже в первые годы его существования, здесь можно отметить статьи профессора Антона Александровича Малигонова, который сам стоял у истоков организации Кубанского сельскохозяйственного института [1; 2].

Дают представление о первых годах института издания к юбилейным датам вуза [3]. Рассматривался данный сюжет и в рамках реконструкции ранней истории Кубанского политехнического института (КПИ), осуществленной профессором И.Я. Куценко [4].

История ранних лет Кубанского государственного аграрного университета (КГАУ) затрагивается и в ряде исследований разной темати-

ки, посвященных биографиям прославленных, всемирно известных ученых-аграриев, трудившихся в разное время в КСХИ, истории деятельности и достижений кафедр института [5–9 и др.].

Цель статьи – более подробно изучить малоизвестные этапы в жизни вуза на основе ранее не публиковавшихся документов из архивного фонда центра документации новейшей истории Краснодарского края (Краснодар). Первые и наиболее не изученные годы существования КСХИ – это период совершенно недостаточного финансирования, нехватки учебных площадей, общежитий, лабораторий, научного и учебного оборудования, отсутствия стипендий у студентов и многого другого. Вместе с тем это период различного рода реорганизаций, слияний с другими учебными заведениями, опытными хозяйствами и т. д., завершившийся в 1930 г. полной реорганизацией самого вуза и его временным исчезновением с образовательного поля Кубани.

Основными источниками для статьи послужили не публиковавшиеся ранее архивные документы, представляющие из себя протоколы заседаний бюро партийного коллектива ВКП(б) КСХИ и некоторых парторганизаций институтов, возникших после реорганизации КСХИ в 1930 г. Они дают представление, в каких условиях существовал Кубанский сельскохозяйственный институт в сложный для него, полный перемен период 1925–1930 гг.

Начало 1925 г. для КСХИ было полным событий и перемен. Вот как это отражено в протоколе № 42 общего собрания ячейки РКП(б) Кубанского сельскохозяйственного института и Кубанского сельскохозяйственного техникума от 15 марта 1925 г. В повестке дня стоял один вопрос – о перспективах работы учебной части КСХИ в связи с слиянием с Крымским институтом специальных культур. С докладом выступил проректор КСХИ, профессор А.И. Дрбоглав. Он с удовлетворением отметил, что текущий учебный год ознаменовался тем, что Главпрофобр (Главное управление профессионального образования в составе Народного комиссариата просвещения, организованное в феврале 1921 г.) признало институт и де-факто, и де-юре.

Здесь необходимо заметить, что в первые три года существования института «представителям вуза, местного земельного отдела, областного исполкома пришлось отстаивать сохранение КСХИ, поскольку Главпрофобр считал, что на Северном Кавказе хватило бы двух сельскохозяйственных вузов: во Владикавказе и Новочеркасске. Они обращались в Наркомпрос и доказали важность сельского хозяйства и аграрного образования на Кубани. В 1925 г. был окончательно решен вопрос в Президиуме ВЦИКа о передаче КСХИ на средства местного бюджета, в твердую сеть ВУЗов РСФСР» [10, с. 123].

К институту был присоединен Крымский институт специальных культур (аграрный факультет Таврического университета (Симферополь), организованный в 1918 г. С 1 мая 1922 г. он был

преобразован в Крымский высший институт сельскохозяйственных областей, а с 1923 г. – в Крымский институт специальных культур. Решением СНК РСФСР в 1925 г. из-за слабой материально-технической базы он вошел в состав КСХИ). Это ставило и целый ряд новых задач.

Прежде всего, слияние вузов давало новые кадры преподавателей и научных специалистов, но категорически не хватало новых помещений. Поэтому руководство КСХИ планировало выселить часть профессуры и служащих из помещений института. Некоторые кабинеты научно-исследовательского характера предполагалось перебросить в хозяйство «Круглик». Для всех этих мероприятий нужны были финансовые средства [11, л. 14].

Профессор Дрбоглав отмечал, что до текущего (1924/25) учебного года институт существовал частично на средства госбюджета, частично на средства бюджета Северо-Кавказского края. В новом учебном году (1925/26) вуз должен был полностью перейти на госбюджет [11, л. 14].

К апрелю 1925 г. планы предстоящей работы были определены и доложены ректором КСХИ Н.И. Ленским на общем собрании членов и кандидатов парторганизации РКП (б) вуза. Он отметил, что до 1924/25 учебного года основная работа правления института велась в курсе создания устойчивости и благополучия института, чего и удалось достигнуть. Увеличился профессорский состав. В начале учебного года (1924/25) в институте было 11 профессоров. В конце этого года в институте работали 20 профессоров и 24 преподавателя. Параллельно с этим увеличилось и число государственных стипендий: с 15 – в 1923/24 г. и до 96 – в этом 1924/25 [11, л. 42].

Вхождение в его состав вуза «Круглика» (опытной станции, где студенты теперь «отбывали учебно-показательную практику») и Кубанского сельхозтехникума «увеличило базу для практической и исследовательской работы, способствовало перенесению лабораторий в полевые условия. К концу 1926 г. при институте имелись: опытное поле и вегетационный домик от кафедры общего земледелия; опытный участок кафедры частного земледелия; опытно-исследовательская садоводческая станция; опытный скотный двор и показательный птичник» [12, с. 28].

Институтское хозяйство, несмотря на недостаточное финансирование и связанные с этим проблемы, отсутствие необходимого оборудования и нехватку квалифицированных кадров, росло и развивалось. Учебному заведению необходимы были новые площади. Ситуация требовала своего разрешения, но у властей в первые три года существования вуза такой возможности не было. И вот наконец ситуация была переломлена в пользу института.

На заседании бюро партийного коллектива КСХИ в январе 1930 г. перед Кубанским окружным исполкомом и Краснодарским городским советом был поставлен вопрос о строительстве здания технологического факультета и немедленном отпуске ассигнований на эти цели. Также остро обсуждался вопрос о выделении земельной территории под постройку корпусов, общежитий и лабораторий в кварталах города, примыкавших к институту [13, л. 12]. Основное здание учебного заведения в данный период находилось на углу улиц Котляревской и Новой (ныне угол улиц Седина и Буденного). Имелось несколько общежитий. В 1930 г. это была почти окраина города.

«Изменения, происходившие в народном хозяйстве СССР, проведение сплошной коллективизации, начало осуществления ускоренной индустриализации отразились и на высшей школе страны. Началось разукрупнение старых вузов путем выделения из них нескольких сотен небольших вузов, передаваемых в ведение ряда соответствующих наркоматов. Приказ о реорганизации КСХИ вышел 13 мая 1930 года. В Краснодаре на базе факультетов КСХИ возникли Северо-Кавказские практический институт сельского хозяйства, институт специальных технических культур, институт свиноводства, институт пищевой промышленности» [1, с. 27].

Вопросы организации отраслевых вузов на базе КСХИ были рассмотрены 18 мая 1930 г. на заседании бюро коллектива ячеек ВКП (б) КСХИ и опытно-показательных хозяйств.

На заседании, исходя из установок партии и советского правительства о создании отраслевых вузов для их непосредственной связи с производством и его общественностью, было принято решение о расчленении КСХИ на четыре института.

I. Институт зернового хозяйства в составе двух факультетов:

1) факультета зерновых культур с отделениями:

а) агрохимии; б) селекции и семеноводства;

2) факультета индустриализации сельского хозяйства с отделениями:

а) механизации сельского хозяйства; б) электрификации сельского хозяйства.

II. Институт специальных и технических культур в составе трех факультетов:

1) факультета технических растений с отделениями:

а) хлопкового; б) кенаф-кендирного и других прядильных растений; в) масличных растений; г) сахаросодержащих растений;

2) факультета специальных культур с отделениями:

а) садоводства; б) огородничества; в) виноградарства и виноделия;

3) факультета табаководства и лекарственных растений с отделениями:

а) табаководства; б) лекарственных растений.

III. Институт интенсивного животноводства в составе четырех факультетов:

1) факультета молочного хозяйства; 2) факультета свиноводства и беконного дела; 3) факультета птицеводства и птицепромышленности; 4) факультета кролиководства, пчеловодства и шелководства.

IV. Институт пищевой промышленности с 4 факультетами:

1) факультета маслобойно-жирового; 2) факультета масляно-молочного; 3) факультета консервного; 4) факультета мясопромышленного [14, л. 59–60].

Такого рода реорганизация привела к появлению четырех вузов, функционально самостоятельных и независимых друг от друга, но слабых в организационном отношении и с неопределенной материальной базой. Огромную сложность для них представлял раздел имущества, в дальнейшем вызывавший множество конфликтов и нареканий.

Поскольку ранее было начато строительство новых корпусов КСХИ, было решено, во всяком случае на первое время, сохранить общее руководство для всех образующихся на базе КСХИ вузов, которое осуществлялось бы общим директоратом КСХИ [14, л. 60].

В связи с разделением КСХИ на четыре вуза было принято решение при строительстве новых корпусов-зданий учитывать профили вновь организуемых институтов, форсировать строительство общежитий с увеличением их размеров, одновременно подыскивая помещения для размещения студентов на ближайшее время. Для этого предлагалось учесть опыт Москвы и Новочеркасска и уплотнить городские учреждения, освободив часть помещений для институтов, а также использовать для занятий кинотеатры, клубы и т. д.

Для снижения острого дефицита преподавательских кадров предлагалось затребовать у ведомственных органов и привлечь из центра необходимое количество квалифицированных работников на преподавательские должности в новых институтах. Использовать аспирантов на ассистентских должностях, закрепить за институтами выпускников аспирантуры. Привлечь в институты в качестве среднего преподавательского состава работников средней школы и специалистов из других областей. Норма приема студентов на 1930/31 учебный год была определена не менее чем в 1000 чел., причем осенний прием рассчитывался на 680 чел. Отмечалось, что данные цифры приема могут быть обслужены при условии проведения занятий в две смены [14, л. 60].

На заседании бюро коллектива вузовских ячеек ВКП (б) Советского района г. Краснодара были рассмотрены и утверждены кандидаты на должности директоров и их помощников по учебной части вновь организуемых институтов:

Зерновой институт. Директор – Зареченский, помощник директора по учебной части – Пугачевский.

Институт пищевой промышленности. Директор – Агуренкин, помощник директора по учебной части – Розанов.

Институт мелкого животноводства. Директор – Карпенко, помощник директора по учебной части – Леопольдов.

Практический сельхозинститут. Директор – Тишкин, помощник директора по учебной части – Старченко [11, л. 62].

Институт мелкого животноводства (по птицеводству) не был организован, а был преобразован в институт свиноводства [13, л. 81].

Поскольку вновь организованные вузы все пользовались одними и теми же учебными зданиями, лабораториями, студенческими общежитиями и оборудованием, между ними (особенно в первое время) зачастую возникали недоразумения и конфликты. Так бюро ячейки ВКП(б) института специальных технических культур 17 сентября 1930 г. поручил своему представителю Вальдману обратиться в Краснодарский горком партии и в Краснодарскую городскую контрольную комиссию ВКП(б) со следующим убедительным требованием: помочь освободить общежития, занятые студентами Института зерновых культур по ул. Седина и по ул. Ростовской д. 162 к 25 сентября. Именно в этот день возвращались с лагерного сбора (полевой практики) старшекурсники [13, л. 30 об.].

Учебные площади требовались и для курсов директоров, т. е. для курсов повышения квалификации директоров совхозов, предприятий сельскохозяйственной направленности, председателей колхозов, которые были организованы при всех институтах. Им также требовались места в общежитиях на время обучения [15, л. 23].

Кроме того, по направлению ВКП (б) для обучения в 1930/31 учебном году во все вновь организованные вузы были направлены студенты-коммунисты «тысячники». Они имели право свободного выбора обучения в любом из четырех вузов и право первоочередного поселения в общежитие [13, л. 81]. Это еще более усложняло ситуацию с дефицитом мест в общежитиях.

В то же время партийный комитет ВКП (б) Института зерновых культур требовал помощи Краснодарского горкома ВКП(б) в урегулировании пользования учебной площадью с Институтом специальных технических культур [13, л. 41].

Вновь образованные «карликовые» вузы, не имевшие существенной материальной базы, не обладали также и существенным научным и учебным потенциалом. Просуществовали они недолго, меняя названия и организационную структуру, ведомственную принадлежность. Уже в 1934 г. «был воссоздан Краснодарский сельскохозяйственный институт с двумя факультетами: агрономическим и плодоовощным с подчинением Народному комиссариату земледелия СССР» [16, с. 132]. Больше в его длительной, полной событий и достижений мировой истории таких радикальных перемен не случалось. 12 марта 2022 г. бывший КСХИ, а ныне Кубанский государственный аграрный университет торжественно отметил свое 100-летие.

Список литературы

1. Малигонов А.А. Почему на Кубани возникла высшая сельскохозяйственная школа. – Краснодар: 1-я Гос. тип. Кубчернополиграфтреста, 1923. – 10 с.
2. Малигонов А.А. Профессор Константин Дмитриевич Глинка и высшая сельскохозяйственная школа на Кубани // Труды Кубанского сельскохозяйственного института. – 1929. – Т. 6. – С. 13–15.
3. К восьмилетию Кубанского сельскохозяйственного института (1919–1927). – Краснодар: Тип. КОООГПУ «Динамо», 1927. – 57 с.
4. Кубанский государственный технологический университет, 1918–2003: 85 лет: ист. очерк. – 2-е изд., доп. – Краснодар: Адыгея, 2003. – 470 с.
5. Трубилин И.Т., Шеуджен А.Х., Онищенко Л.М. История аграрного образования на Кубани. – Майкоп: Афиша, 2006. – 244 с, [65] л. ил.
6. Шеуджен А.Х., Харитонов Е.М., Бондарева Т.Н. На службе земли Кубанской. – Майкоп: РИПО «Адыгея», 1999 – 552 с.
7. Зеленский Г.Л. «Стоявшие у истока», часть 1 (из истории кафедры генетики, селекции и семеноводства Кубанского ГАУ) // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2011. – № 66. – С. 424–442.
8. Зеленский Г.Л. «Стоявшие у истока», часть 2 (из истории кафедры генетики, селекции и семеноводства Кубанского ГАУ) // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2011. – № 67. – С. 360–374.
9. Зеленский Г.Л. «Стоявшие у истока», часть 3 (из истории кафедры генетики, селекции и семеноводства Кубанского ГАУ) // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. – 2011. – № 67. – С. 397–411.
10. Салфетников Д.А. Кубанский сельскохозяйственный институт в 1920-е годы: история становления. // История Кубанского государственного аграрного университета. Взгляд сквозь столетие: материалы Всерос. науч. конф. (с международным участием), посвященной столетию Кубанского государственного аграрного университета, Краснодар, 15 марта 2022 г. – Краснодар: ФГБУ "Российское энергетическое агентство" Минэнерго России Краснодарский ЦНТИ-филиал ФГБУ "РЭА" Минэнерго России, 2022. – С. 119–127.
11. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (ЦДНИКК). Ф. 13001. Оп. 1. Д. 1.
12. К восьмилетию Кубанского сельскохозяйственного института (1919–1927). – Краснодар: тип. КОООГПУ «Динамо», 1927. – 57 с.
13. ЦДНИКК. Ф. 13001. Оп. 1. Д. 4.
14. ЦДНИКК. Ф. 13001. Оп. 1. Д. 3.
15. ЦДНИКК. Ф. 13001. Оп. 1. Д. 8.
16. Слободенюк В.В. Археографический Обзор Фонда «Кубанский Государственный Аграрный Университет» В Государственном Архиве Краснодарского Края // История Кубанского государственного аграрного университета. Взгляд сквозь столетие: материалы Всерос. науч. конф. (с международным участием), посвященной столетию Кубанского государственного аграрного университета, Краснодар, 15 марта 2022 г. – Краснодар: ФГБУ "Российское энергетическое агентство" Минэнерго России Краснодарский ЦНТИ-филиал ФГБУ "РЭА" Минэнерго России, 2022. – С. 130–137.

References

1. Maligonov A.A. *Pochemu na Kubani vznikla vysshaya sel'skohozyajstvennaya shkola* [Why did the higher agricultural school arise in the Kuban]. – Krasnodar: 1-ya Gos. tip. Kubchernopoligraftrresta, 1923. – 10 s. (In Russ.)

2. Maligonov A.A. *Professor Konstantin Dmitrievich Glinka i vysshaya sel'skohozyajstvennaya shkola na Kubani* [Professor Konstantin Dmitrievich Glinka and the Higher Agricultural School in the Kuban] // Proceedings of the Kuban Agricultural Institute. – 1929. – T. 6. – S. 13–15. (In Russ.)
3. *K vos'miletiyu Kubanskogo sel'skohozyajstvennogo instituta (1919–1927)* [To the eighth anniversary of the Kuban Agricultural Institute (1919–1927)]. – Krasnodar: tip. KOOOGPU «Dinamo», 1927. – 57 s. (In Russ.)
4. Kucenko I.Ya. *Kubanskij gosudarstvennyj tekhnologicheskij universitet, 1918–2003: 85 let*. [Kuban State Technological University, 1918–2003: 85 years]. – Krasnodar: Adygea, 2003. – 470 p. (In Russ.)
5. Trubilin I.T. *Istoriya agrarnogo obrazovaniya na Kubani* [History of agrarian education in the Kuban]. – Maykop: Afisha, 2006. – 244 p., [65] p. ill. (In Russ.)
6. Sheudzhen A.H. *Na sluzhbe zemli Kubanskoj* [Sheudzhen A.Kh. In the service of the Kuban land]. – Maykop: RIPO "Adygea", 1999. – 552 p. (In Russ.)
7. Zelenskij G.L. "Stoyavshie u istoka", chast' 1 (iz istorii kafedry genetiki, selekcii i semenovodstva Kubanskogo GAU) ["Standing at the source", part 1 (from the history of the department of genetics, selection and seed production of the Kuban State Agrarian University)] // Polythematic network electronic scientific journal of the Kuban State Agrarian University. – 2011. – No. 66. – P. 424–442. (In Russ.)
8. Zelenskij G. L. "Stoyavshie u istoka", chast' 2 (iz istorii kafedry genetiki, selekcii i semenovodstva Kubanskogo GAU) ["Standing at the source", part 2 (from the history of the Department of Genetics, Breeding and Seed Production of the Kuban State Agrarian University)] // Polythematic network electronic scientific journal of the Kuban State Agrarian University. – 2011. – No. 67. – P. 360–374. (In Russ.)
9. Zelenskij G.L. "Stoyavshie u istoka", chast' 3 (iz istorii kafedry genetiki, selekcii i semenovodstva Kubanskogo GAU) ["Standing at the source", part 3 (from the history of the department of genetics, selection and seed production of the Kuban State Agrarian University)] // Polythematic network electronic scientific journal of the Kuban State Agrarian University. – 2011. – No. 67. – P. 397–411. (In Russ.)
10. Salfetnikov D.A. *Kubanskij sel'skohozyajstvennyj institut v 1920-e gody: istoriya stanovleniya* [Kuban Agricultural Institute in the 1920s: the history of formation] // History of the Kuban State Agrarian University. A look through the century: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference (with international participation) dedicated to the centenary of the Kuban State Agrarian University, Krasnodar, March 15, 2022. – Krasnodar: FGBU "Russian Energy Agency" of the Ministry of Energy of Russia Krasnodar TSNTI - branch of the FGBU "REA" of the Ministry of Energy of Russia, 2022. – P. 119–127. (In Russ.)
11. Centr dokumentacii novejshej istorii Krasnodarskogo kraja (CDNIKK) [Documentation Center of the modern history of the Krasnodar Territory]. F. 13001. Op. 1. D. 1.
12. *K vos'miletiyu Kubanskogo sel'skohozyajstvennogo instituta (1919–1927)* [To the eighth anniversary of the Kuban Agricultural Institute (1919–1927)]. – Krasnodar: tip. KOOOGPU «Dinamo», 1927. – 57 s. (In Russ.)
13. CDNIKK. F. 13001. Op. 1. D. 4.
14. CDNIKK. F. 13001. Op. 1. D. 3.
15. CDNIKK. F. 13001. Op. 1. D. 8.
16. Slobodenyuk V.V. *Arheograficheskij Obzor Fonda «Kubanskij Gosudarstvennyj Agrarnyj Universitet» V Gosudarstvennom Arhive Krasnodarskogo Kraja* [Archaeographic Review of the Foundation "Kuban State Agrarian University" in the State Archive of the Krasnodar Territory] // History of the Kuban State Agrarian University. A look through the century: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference (with international participation) dedicated to the centenary of the Kuban State Agrarian University, Krasnodar, March 15, 2022. – Krasnodar: FGBU "Russian Energy Agency" of the Ministry of Energy of Russia Krasnodar TSNTI – branch of the FGBU "REA" of the Ministry of Energy of Russia, 2022. – P. 130–137. (In Russ.)

ЛИЧНОСТЬ В ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

УДК 94-054.72(470+493)''19''

ГРНТИ 03.23.55: История России Новейшего времени

03.61.21: Историческая антропология

DOI 10.35231/25422375_2022_1_111

Д.А. Бранкарт

Повседневная жизнь русской эмиграции в межвоенный период в произведениях русских писателей-эмигрантов в Бельгии

История повседневности русской эмиграции в межвоенный период начинает активно входить в исследовательское поле. Изучение данной темы возможно благодаря множеству источников, в числе которых произведения писателей-эмигрантов. В статье рассматривается несколько взглядов на русскую эмиграцию, отраженных в произведениях русских писателей-эмигрантов в Бельгии. Литературную жизнь Брюсселя невозможно сравнить с соседними Парижем, Берлином или Прагой, но и здесь наблюдается значительное количество литературных инициатив, которые раскрывают некоторые малоизвестные факты повседневной и культурной жизни русской эмиграции в Бельгии.

Автор предлагает сравнительный анализ произведений трех важнейших для русской диаспоры в Бельгии летописцев: Д.Г. Купчинского, Н.Н. Карпова, И.Ф. Наживина. Они работали в различных стилях, по-разному строили свои отношения с читателями, по-разному сложилась их творческая судьба. Впервые в статье представлены произведения Н.Н. Карпова и Д.Г. Купчинского – деятелей культуры, известных лишь в небольшой диаспоре в Бельгии.

Ключевые слова: эмиграция, история XX в., история России, история повседневности, литература, Бельгия.

Daria A. Brancart

Everyday life of Russian emigration in the interwar period in the texts of Russian writers-emigres in Belgium

History of everyday life of Russian emigration in the interwar period begins to actively enter the research field. The study of the topic is possible through many sources, including the works of émigré writers. The article studies several views on the Russian emigration reflected in the works of Russian writers in Belgium. Brussels literary life cannot be compared with neighboring Paris, Berlin or Prague, but even here there was a significant number of literary initiatives that reveal some little-known facts of everyday and cultural life of Russian emigration in Belgium.

The author proposes a comparative analysis of the works of three most important chroniclers for Russian diaspora in Belgium: D.G. Kupchinsky, N.N. Karpov, I.F. Nazhivin. They worked in different styles, built their relationships with the diaspora in

different ways, their creative destiny developed in different ways. The article reveals for the first time the works of N.N. Karpov and D.G. Kupchinsky - cultural figures known only in a small diaspora in Belgium.

Key words: emigration, history of XX century, Russian history, history of everyday life, literature, Belgium.

Повседневность русской эмиграции представляет собой уникальное обособленное культурное пространство, включающее множество аспектов, основой которых является персонализация исторических процессов [1, с. 76]. Именно она способствует более «интимному» восприятию прошедших событий, позволяющему взглянуть на данный опыт глазами непосредственных участников.

Источниками по истории повседневности русской эмиграции могут являться письменные и устные свидетельства: интервью с семьями эмигрантов, документы и письма из личных архивов, воспоминания, дневники, объявления и заметки в эмигрантских изданиях, приглашительные и визитные карточки, афиши, билеты на культурные и общественные мероприятия, а также литературные произведения, которые прямо или косвенно затрагивают аспекты обыденной жизни диаспор. Русская литература в изгнании приобрела новый сюжет – жизнь интеллигенции в новых социальных, экономических и культурных реалиях. Уклад жизни русской эмиграции, в том числе бытовые, культурные и увеселительные аспекты, складывался в первую очередь с точки зрения сохранения культурной идентичности и передачи ее младшему поколению.

Русская диаспора в Бельгии не являлась исключением. В маленьком королевстве, в котором численность русских не превышала 8–10 тыс. чел. [2, с. 161], изгнанники вели привычный образ жизни, создавая настоящие русские города с многочисленными кафе, ресторанами, клубами, библиотеками. Привычными оказались художественные, музыкальные и литературные вкусы – русская Бельгия была достаточно консервативным образованием, исключаям всякое инакомыслие. Именно данный факт значительным образом повлиял на литературные пристрастия русской диаспоры.

Писателей в Бельгии было немного, в большей степени литературная жизнь русского Брюсселя вилась вокруг гастролей знаменитых в эмиграции М. Алданова, М. Цветаевой, В. Сирина, Д. Кнута и др. [3; 4]. Тем не менее несколько литераторов стали известными в эмигрантских кругах благодаря освещению «беженского существования» [5]. Наиболее яркими литераторами-летописцами русской эмиграции в Бельгии в межвоенный период являлись Д.Г. Купчинский (1892–1963), Н.Н. Карпов (1877–1942) и И.Ф. Наживин (1874–1940).

И если Д.Г. Купчинский, сделавший себе имя уже в изгнании (в большей степени на сцене), относился к молодому поколению литера-

торов, то Н.Н. Карпов и И.Ф. Наживин были известны еще до революции. Их судьбы, происхождение, взгляды на жизнь и стиль работы различались значительным образом, но все они в своих произведениях отражали различные аспекты повседневной и культурной жизни русских эмигрантов.

Н.Н. Карпов или жизнь маленького человека в изгнании

Простота стиля, мягкость, лиричность произведений Н.Н. Карпова – выходца из дворянской семьи Петербургской губернии – воспринимается не так ярко на фоне жестких и критичных романов И.Ф. Наживина, «сына крепостной крестьянки» [6] Владимирской губернии. Если о И.Ф. Наживине написана подробнейшая биография [7], а многочисленные архивы Наживина находятся в доступе в Российском государственном архиве литературы и искусства, то о Карпове существует всего одна статья С.В. Степанова [8], в которой автор подробнейшим образом освещает его доэмигрантский период, а архивы, отражающие бельгийский период, на данный момент не представляется возможным обнаружить: Карпов скончался в разгар Второй мировой войны в полном одиночестве на съемной мансарде в Брюсселе.

Жизнь Карпова в Бельгии известна лишь по сведениям «Русского еженедельника в Бельгии», в котором автор не только публиковал свои художественные произведения и статьи, но и являлся постоянным репортером; из собрания баронессы М.Д. Врангель, в котором хранится автобиография Н.Н. Карпова [9], а также из архива полиции иностранцев (Королевский архив Бельгии). В Бельгию Николай Николаевич переехал лишь в 1930 г. после длительного пребывания в Эстонии, в которой он также продолжал свою литературную и издательскую деятельность: был постоянным сотрудником эмигрантских газет и журналов «Русский голос» (1925), Ревельское время (1925), «Наша газета» (1927), «Старый нарвский листок» (1927–1930), «Эмигрант» (1924), «Православная Русь» и других [8]. Вероятно, именно благодаря его опыту и литературной направленности, он был взят сотрудником «Русского еженедельника в Бельгии» сразу после его переезда в эту страну.

В. Куденис утверждает, что Н.Н. Карпов не был важной персоной в мире литературы [10, с. 175]. Но это верно лишь отчасти. Действительно, в эмиграции он не стремился к блестящей карьере, не печатал многочисленные тома, а на фоне парижской богемы его личность не кажется такой яркой. Однако до революции Н.Н. Карпов был известен в среде литераторов Петербургской губернии, был лично знаком со многими писателями, дружил с А.И. Куприным еще со времен работы в качестве его помощника в газете «Приневский край» в Гатчине, где обосновался до революции и откуда вместе с остатками Белой армии Н.Н. Юденича отступил в Ревель (нынешний Таллин).

Известно, что в 1889 г. он начал чиновническую службу в Императорском женском патриотическом обществе ведомства учреждений

императрицы Марии, заведовал школой для девочек в Гатчине, в годы Первой мировой войны состоял секретарем Гатчинского отделения общества повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям [8, с. 521], а во время Гражданской войны вступил добровольцем в Белую армию под командованием Н.Н. Юденича. Он также был редактором или сотрудником изданий «Приневский край», «Заря», «Приорат» – гатчинского литературного журнала, в котором печатались в том числе произведения самого Н.Н. Карпова.

Литературная деятельность не являлась его основным заработком, но составляла значительную часть его жизни: он выпускал сборники прозаических и поэтических произведений, писал и ставил театральные пьесы. Его книги можно было найти на полках книжных магазинов Санкт-Петербурга, Харбина, Киева [8, с. 522]. В эмиграции он продолжил заниматься именно тем, что составляло его жизнь до революции: литературой, культурной и общественной деятельностью. Особый интерес для Н.Н. Карпова представляло театральное искусство: уже в начале XX в. он был известен как литератор, член Императорского русского театрального общества и Союза драматических и музыкальных деятелей.

Его пьесы ставились на петербургских и провинциальных сценах, где были встречены с большим успехом [8]. Театр так был интересен Карпову, что он написал и издал совместно с художником И.Н. Божеряновым «Иллюстрированную историю русского театра XIX в». В эмиграции в Бельгии тем не менее, согласно «Русскому еженедельнику в Бельгии», он поставил всего три своих пьесы: «Петербург» (1931), «Необычайный пациент» (1931) и оперетку «Наши в Брюсселе» (1934).

В Бельгии прежде всего Н.Н. Карпов известен своими рассказами, стихотворениями и статьями, публиковавшимися на страницах «Русского еженедельника в Бельгии». В эмиграции им написано свыше двухсот лирических стихотворений, кинороман «Золотая паутинка» [11, с. 308–309], несколько десятков рассказов, множество очерков и статей по истории России, русской литературы, театра, а также «большой труд „Сатанинское действо” – заметки памяти из революционных переживаний» [12], местонахождение которого неизвестно.

Карпов помещает героев своих произведений именно в Бельгии, отражая не просто эмигрантские будни, а будни русского эмигранта в Брюсселе, – с привычными названиями, местами, реалиями жизни. Сюжет эмигрантского быта отражен лирично, через призму пережитых событий, через каждодневные ритуалы (чаепитие, ожидание трамвая, разговоры с соседями, ожидание пассажира водителем-эмигрантом).

Возможно предположить, что на стиль Н.Н. Карпова значительное влияние оказал А.П. Чехов. Еще в более раннем возрасте Карпов увлекался его творчеством, даже написал биографию А.П. Чехова [13].

Идея «маленького человека» со своими заботами, проблемами, переживаниями прослеживается в каждом его рассказе, отражая при этом целую эпоху, целое поколение.

Так, в рассказе «Пансион» [14] Н.Н. Карпов отразил жизнь пансиона «Русский дом». Он изобразил несколько типов русской эмиграции: князя, профессора, русскую барыню из Москвы, заботливую хозяйку, генерала, девицу. Атмосфера русского дома описывается так.

«Для усталого интеллигента, рожденного жить не мускульной силой, а головою, «Русский дом» – идеал эмигрантского существования. Никаких забот. Не надо трепаться по лавкам, торчать над газовой плиткой, мыть, стирать, словом, заниматься всеми отраслями домашнего обихода. Ежедневно кипеть в этой гнуси, когда старые кости грызет ревматизм, сверлит подагра, нервы натянуты, как пискливая струна скрипки, а печень исходит фонтанами желчи. Когда все омерзело, смертельно хочется одного – тишины и покоя, «Русский дом» снимает с согбенных плеч эту тяжесть, создавая иллюзию мирного жития в милом прошлом. И собрались под уютным кровом отставные персонажи, увы, уже сошедших со сцены житейских комедий и драм» [14].

Этот милый рассказ, основу сюжета которого составляет спиритический сеанс, во время чего в доме происходили непонятные события (впрочем, обошлось без мистики), описывает повседневные детали, разговоры и ритуалы. Эта обыденность лишена боли и надрыва, напротив, она беззаботна и легка.

В другом похожем рассказе «Русский дом» Карпов отражает привычную для эмигрантов особенность – делить совместно одно жилье на несколько семей. Он также предлагает несколько типов русских эмигрантов: художника, дроздовца, генеральшу, генерала, дочь генерала, отставного офицера, потерявшего всю семью. Автор помещает персонажей в приятную атмосферу, которая снова не напоминает об эмигрантских сложностях.

«Наряден Брюссель, утопает он в зелени парков, садов, аллей».

«Крайний дом с большим запущенным садом у окрестных жителей называется „русским домом“. Его занимают эмигранты. „Ame slave“, загадочная для иностранца душа, витает в его апартаментах».

«Чудный сентябрьский день. Воздух чист и прозрачен. Солнце припекает изрядно. В Бельгии обычно хороша осень. Жильцы „русского дома“ в саду, за своим воскресным самоваром. Над столом свесился грузный сук, усеянный желтыми, с сизым румянцем, бомбами бархатистых персиков. Генеральша ведет им строгий учет, разрешая есть только падунцы. Собирается варить варенье на общее пользование» [15].

Сюжет легок и непринужден: художник и дочь генерала влюбляются и играют свадьбу. При этом любовная история не является основной, она просматривается очень тонко и является как будто поводом описать один из обыденных вечеров в «русском доме».

Юмористическое произведение «Случай с Китаевым» [16] повествует читателю о путешествии эмигранта в Бельгии на планету «Евпраксию», где, в отличие от эмигрантских будней, он имеет возможность иметь ту самую жизнь, которая была у него до революции: он отлично обедает, плавает в бассейне, закуривает долгожданную папиросу, встречает красивых женщин. Финансовые трудности беженцев в произведении Н.Н. Карпова раскрываются через воспоминания и мечты главного героя о бесконечности ресурсов, которых не хватало в обыденной жизни.

«Столики под раскрытыми зонтами стояли группами и в одиночку. Многие уже были заняты. Мужчины и дамы, старые и молодые, все в трусиках, непринужденно и весело болтали. Китаев осмотрелся: „Совсем как в Бон-Маршэ“, – подумал он. Вспомнился Брюссель и стало ему грустно, жаль чего-то.

- Сядем вот тут в сторонке, у перил. Что вы приуныли? – спросил Триолетов.

- Затянуться хочется до одури! Ведь я не курил с тех пор, как вышел из церкви, там, в Брюсселе, в последнее воскресенье сентября 1933 года!

- Эх, живучи скверные привычки! Какой табак предпочитаете, легкий, средний, крепкий?

- Покрепче, мозги прочистить. В голове туман какой-то, право!

Триолетов отцепил одну из подвешенных под столом трубок с янтарным мундштуком и передал ее Китаеву.

- Нажмите на кнопку и сосите!

Николай Иванович с недоумением рассматривал трубку.

- Смелее! – подбодрил Триолетов. – Трубка, как видите, переходит в кишку. Кишка проведена в подземье, в одну из табачных фабрик. Понятно?» [16].

После возвращения из «Евпраксии» Китаеву жилось легче, потому что он уже был уверен, что существует изобилие, хотя и не в данный момент своего беженского существования.

Основой произведений Н.Н. Карпова является описание особенностей быта эмигрантов, в которых происходят обычные мещанские истории, повседневные ритуалы, отражаются мечты, надежды, невзгоды. В каждом произведении Карпова читается уважение к переживаниям этого «маленького человека» в Бельгии. В свою очередь, его произведения пользовались таким успехом у русской публики в Бельгии ввиду специфичности состава эмиграции: Карпов, будучи сам выходцем из дворянского сословия, писал в большей степени о дворянах и для дворян. В Бельгии основу русской диаспоры составляли именно монархически настроенные военные и высшая аристократия [10; 2; 17]. Именно они и являлись читателями «Русского еженедельника в Бельгии», в котором работал Н.Н. Карпов [18].

Д.Г. Купчинский «в своем репертуаре» [25]: певец кабаре и трактиров

Легкий литературный жанр нашел свое место в Бельгии и в творчестве литератора-комика Дмитрия Купчинского. Стиль его произведений близок стилю Дона Аминадо. Стоит отметить, что Купчинский вел активную деятельность на театральном поприще и изначально стал известен как актер и режиссер Русского драматического кружка (РДК), основанного Ф.Э. Портеном в 1926 г. [4].

Это творческое объединение профессиональных актеров и любителей, которые ставили и классический репертуар, и пьесы, написанные членами кружка (например, о жизни эмиграции в изгнании). РДК являлся слиянием актерской группы под руководством А.Н. Вельяминова (1863–1945), бывшего высокопоставленного чиновника Российской империи, с вновь прибывшими артистами, которые работали с Д.Г. Купчинским, и на 1926 г. был единственной культурной организацией, которая ставила перед собой именно культурно-просветительскую задачу внутри русской диаспоры в Бельгии. Правление РДК делилось на два направления: административное, которым заведовал Ф.Э. Портен, и художественное под эгидой А.Н. Вельяминова и Д.Г. Купчинского [19]. Среди участников были как любители, так и серьезные профессиональные актеры, которые позже входили в Русское литературно-художественное общество в Бельгии – ассоциацию профессиональных деятелей искусства, которые вели свою деятельность еще в дореволюционной России.

Как и все культурные организации русской эмиграции, Русский драматический кружок ставил своей целью сохранение русского языка, а также литературных и театральных традиций на чужбине. Помимо этого, в планы РДК входило создание единого русского дома, в котором бы помещались недорогая столовая, ресторан, большой зал для вечеров, лекций и иных мероприятий, а также небольшая гостиница для приглашенных гостей. Эта идея впоследствии реализуется Русским клубом в Брюсселе (также под руководством Ф.Э. Портена), который придет на смену РДК, но уже в более глобальном виде. Большинство участников РДК станут членами Русского клуба в Брюсселе.

Одним из режиссеров кружка был Д.Г. Купчинский, отдававший предпочтение комическим спектаклям – «стендапам», в том числе собственного сочинения. На страницах «Русского еженедельника в Бельгии» можно встретить его сатирические стихотворения, чем-то напоминающие стиль Дона Аминадо. О Купчинском говорили – «в своем репертуаре», а его спектакли назывались «вечерами смеха».

Д.Г. Купчинский не был ни литератором, ни профессиональным актером. Лейтенант Добровольческой армии, он получил образование инженера в Католическом университете Левена, состоял в Левенском союзе инженеров. Его профессиональные качества ценили бельгийские работодатели: безработным Купчинский был всего 16 месяцев

(1933–1934) после массового увольнения сотрудников строительной компании. В конце 1930-х гг. работал в качестве помощника бухгалтера русско-бельгийской компании Gexefilm, именно это время стало расцветом его творчества: Купчинский много выступал в Русском клубе в Брюсселе, членом которого являлся, писал сценарии, поэзию, собирал залы на авторские вечера.

Вероятно, театральная деятельность Д.Г. Купчинского прервалась с началом войны: в 1942 г. он вместе с семьей – женой Ириной и сыном Георгием – был отправлен немецким правительством на принудительные работы в Германию (Эссен, Франкфурт-на-Майне), откуда вернулся в Бельгию лишь в конце войны – 23 мая 1945 г. – после освобождения Франкфурта американскими войсками. В Германии Д.Г. Купчинский занимался разработкой проектов из бетона: зданий, мостов, сельскохозяйственных построек [20].

В Бельгию он вернулся с желанием переехать в Парагвай, но этого не произошло – он скончался в 1963 г. из-за многочисленных проблем со здоровьем, полученных на работах в Германии. Судьба его архива неизвестна, вероятно, в связи с отъездом на работы в Германию тексты могли быть безвозвратно утеряны. На данный момент исследователям могут быть доступны лишь его произведения, напечатанные на страницах «Русского еженедельника в Бельгии».

Из доступных произведений Купчинского можно почерпнуть неизвестную информацию об увеселительной жизни русского Брюсселя, он сам был активным ее участником. Сюжеты всех стихотворений Дмитрия Купчинского так или иначе затрагивают жизнь русской диаспоры: балы, праздники, приезд Бунина, мировоззрения эмигрантов, их отношения.

Наиболее популярными его работами стали: «Жизнь русской колонии в Бельгии» (1927), «Обзор жизни русской колонии» (1928), «Устная газета Купчинского» (1933), «Бельгийский суд над русской эмиграцией» (1933), «Семейный бридж», «Мы поедem в Парагвай» (1935), «Комический хор братьев и сестер Пупкиных» (1935).

В одном из его стихотворений «Мысли алкоголика» речь идет о членах русской диаспоры, вполне конкретных эмигрантских ресторанах и событиях, наделавших немало шума в среде эмиграции.

Мысли алкоголика

Чисто русский разговор:

«Спирт ужасно дорог!»

«Хорошо бы пить export

Градусов так в сорок».

Как отец – и сын таков!

В пеньи – гордость наша!

Пьет же И.А. Тартаков

Лучше, чем папаша!

*В царстве песен он баян!
Без гримас и спеси.
Выпьешь море – и не пьян –
Богатырь Морфесси!*

*Данилевский – певец страсти!
Передача тонная!
По распивочной же части
Бочка он бездонная!*

*Если нужен нам бальзам
Лучших хлебных злаков,
Сей рецепт пропишет вам
Доктор П. Аксаков.*

*В эту ночь жена «надралась»!
Был у мужа пьяный вид!
По-французски называлась
Эта ночка «Moscovite».*

*Поделюсь я чудом новым!
Видел я как на banquet
Пил Лаврентий с Каюковым,
С Галацаном – в Kasak'e! [21].*

Персонажи являются костяком ресторанных программ и вечеров, именно они организовывали и регулировали увеселительную жизнь русской эмиграции в Бельгии.

В стихотворении упоминаются два важнейших представителя знаменитого ресторана-кабаре «Slave» в Брюсселе: Павел Аксаков и Михаил Галац. Павел Аксаков являлся владельцем ресторана и был известен как хороший руководитель и организатор увеселительных вечеров с приглашением парижских артистов кабаре: лирического тенора Ивана Тартакова, внебрачного внука знаменитого пианиста А. Рубинштейна, артиста Степана Ивановича Данилевского, Юрия Спиридоновича Морфесси (который был в том числе приглашенным артистом кабаре «Kasak»), а также менее известных артистов русской диаспоры в Бельгии.

Павел Аксаков регулировал ночную жизнь русского Брюсселя. Ресторан «Slave» стал легендой, его артистов приглашали на практически все совместные мероприятия русской диаспоры, появлялись они и на бельгийских праздниках. Кухня Михаила Галаца была известна в среде эмигрантов не меньше, изначально Михаил работал только в «Slave», впоследствии стал основным поваром Русского клуба в Брюсселе, организовывал званые обеды на мероприятиях русских организаций.

Факт же того, что Галац, Каюков и Лаврентий пьют вместе в «Казак» удивляет автора, поскольку герои являются представителями конкурирующих между собой ресторанов-кабаре: Галац работал в «Slave», Б.Ф. Каюков владел «Русским рестораном Каюкова», ранее столовой, а М. Лаврентьев управлял рестораном «Chez Laurent» («У Лаврентия»). Вместе же их объединили алкогольные напитки в кабаре «Казак», также получившее славу благодаря своим интересным программам артистов и оркестра балалаечников.

Таким образом, Купчинский отмечает, что русскую эмиграцию способны объединить только горячительные напитки, но не совместная общественная, культурная, а тем более политическая деятельность, которая раздробила русскую эмиграцию. Это же мнение довольно часто встречается на страницах «Русского еженедельника в Бельгии».

Исходя из текста можно предположить, что стихотворение написано по горячим следам после той самой «ночки Moscovite» – вечеринки, прошедшей 2 марта 1935 г. в помещении Русского клуба в Брюсселе. В ней приняли участие И. Тартаков, С. Данилевский, М. Маркова, Токарев, С. Хинкис, И. Подановский, труппа Силан и др. [22]. Подобные «пьяные» ночи не были редкостью, о них, в частности, писали и Н.Н. Карпов, и И.Ф. Наживин. Они устраивались различными организациями (в том числе Русским клубом в Брюсселе) и действительно по своему размаху превосходили обычные встречи.

Эстрадный стиль Д.Г. Купчинского был характерным для эпохи Серебряного века: относясь к «легкому» жанру, творчество комика тем не менее приобрело лиричность и зрелость благодаря особенностям эпохи. В данном контексте действительно невозможно говорить о «высоком» искусстве, оставленном на века: подобная культурная деятельность превращает его в предмет потребления, культуру развлечения.

Однако это способствовало отвлечению от трудных будней и возвращению в привычную дореволюционную культуру, в которой «легкие» жанры были особенно распространены в последние два дореволюционных десятилетия [23]. Увеселительная культура была также особой формой для переосмысления в сатирическом формате произошедших событий, ведь эмигрантская жизнь являлась не последним сюжетом в куплетах, сценках и оперетках.

«Независимый» и «Неглубокоуважаемые»: противостояние И.Ф. Наживина и русской эмиграции

Иван Федорович Наживин значительно выделяется на фоне вышеописанных литераторов: он не был завсегдаем бесконечных увеселительных мероприятий, имел репутацию человека «неистового» [24, с. 8], непонятного, часто меняющего свои убеждения [25], человека со сложным и непримиримым характером. В свою очередь, сам Наживин резко критиковал эмигрантское сообщество в Бельгии, которое ис-

ключило его из общественной и культурной жизни за брошюру «Национальная слава и национальный позор: о Николае II» [26], где автор позволил себе нелестно высказаться об императоре [27].

Те самые беззаботные моменты, с любовью описанные Н.Н. Карповым, Наживину кажутся «уездной скукой» [28, л. 17], сюжеты сатирических скетчей Купчинского – развратом. Он обвинял эмигрантов в праздном образе жизни, отсутствии настоящей культурной деятельности и растлении молодежи.

«Стадо пьянствует, развратничает, дуется в карты и мечтает, как оно будет вешать. И молодежь страшнее всего. Ваша наивная статья о ней ужасна в своей бесцельности и бессодержательности: изучать Европу... изучать Россию... все изучать... готовиться – но черт вас совсем возьми, им ведь жрать нечего, девчонки продаются за гроши, а вы им рекомендуете на нетопленной мансарде –“учиться”! Чему? А где книги? Или им надо читать Вашу замечательную и чрезвычайно своевременную статью о Сперанском? Нет, читать этот вздор они не будут и потому и заполняют они пивнушки и разводят блядню...СМЕНЫ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО НЕТ!» [28, л. 35].

Родившись в семье простого крестьянина в д. Буланово Владимирской губернии, он получил хорошее образование в Швейцарии и Бельгии (правда, из последней сбежал по идеологическим причинам [6]), сделал блестящую карьеру в книгоиздательском деле, начав еще в молодом возрасте в Москве. Увлёкся изучением различных религий под влиянием Л.Н. Толстого, с которым лично был знаком. До конца жизни И.Ф. Наживин говорил о себе как о бывшем толстовце, часто ссылаясь на разговоры с писателем, например, любил повторять фразу «глуп как профессор», которую часто можно было услышать в Ясной поляне [26, л. 37], указывая на несостоятельность некоторых интеллигентов из круга эмиграции.

Еще до революции начал заниматься и писательской деятельностью, его первыми произведениями стали «Родные картинки» и «Пред рассветом» (1902), посвященные Л.Н. Толстому. До революции он написал также романы «Дешевые люди» (1903), «Убогая Русь» (1901), «В сумасшедшем доме» (1906), «В долине скорби» (1907) и др. С 1911 по 1917 гг. напечатал свое первое собрание сочинений в пяти томах, в которые вошли его лирические произведения и рассказы.

После революции он вступил добровольцем в Белую армию, где занимался написанием листовок, брошюр, лозунгов и статей для Добровольческой армии. Покинул Россию из Новороссийска в 1920 г. вместе с армией генерала Деникина «в промерзшем трюме парохода» с 18 000 франков, данных главным командованием по займу [6]. Жил в Болгарии, Праге, Вене, Берлине, Брюсселе [27]. По словам Наживина, в эмиграцию он отправился с восемью томами своих рукописей [6].

В Вене он начал работать у Г.Н. Трубецкого в издательстве «Русь», затем в Рейхенгалле (Германия) он совместно со спонсорами – герцогом Г.Н. Лейхтенберским, его братом князем Н.Н. Волконским, сотрудниками графом М.М. Перовским-Петрово-Соловово, профессором Д.Н. Пестрежецким, профессором Локтем, бароном М.А. Таубе, профессором Шмурло и др. – основал издательство «Детинец» (Вена, Мюнхен, Берлин, 1921–1922).

«Детинец» был известным в эмиграции промонархическим издательством, сотрудниками которого не могли быть ни либералы, ни евреи [29], которых И.Ф. Наживин не выносил до конца своей жизни (при этом будучи женатым на еврейке и сделав еврейку положительным героем романа «Неглубокоуважаемые»).

Сотрудничество И.Ф. Наживина и Г.Н. Лейхтенбергского было прекращено в 1922 г., по мнению П.Н. Базанова, из-за конфликта между Наживиным и генералом П.Н. Красновым, печатавшим свои произведения в «Детинце», но которого И.Ф. Наживин критиковал всеми силами, в то время как остальная часть эмиграции произведения П.Н. Краснова оценивала очень высоко [29]. О бесталанности генерала и своей принципиальной позиции не печатать его произведения пишет в письмах и сам И.Ф. Наживин [28].

В 1924 г. Наживин переезжает в Брюссель [6], где продолжает литературную деятельность, занимается сохранением своего архива. Выбор института хранения своих личных архивов позволил ему исполнить мечту – печататься на родине, правда, произошло это уже после его смерти. В современной России интерес к творчеству И.Ф. Наживина значительно вырос, а его произведения переиздаются.

Хотя до революции И.Ф. Наживин был уже достаточно известным и состоявшимся писателем – его талант ценили и Л.Н. Толстой, и М. Горький – расцвет творчества Ивана Федоровича наступил уже в эмиграции. К концу жизни им было написано 80 томов произведений, из которых, по его словам, 40 он сжег, как и «подобает настоящему писателю» [6].

Его творчество многогранно: в эмиграции он работал в стиле художественной мемуаристики, философского, мистического, исторического романа – «большие» формы литературы в эмиграции были редки. Исторические и мистические романы и в эмиграции проходили жесткую цензуру. Многие издатели не решались печатать некоторые его исторические романы (например, «Евангелие от Фомы»), а также романы, посвященные русской эмиграции («Белая гвардия», «Священная весна»). Последние два романа испытали на себе жесткий бойкот эмигрантов в Великобритании и США. Обладая ужасающей прямолинейностью, он бил по больному, а в своей автобиографии объясняет это так:

«Приглядываясь к жизни неудержимо разлагающейся эмиграции и всего так называемого культурного мира, я все более и более воз-

вращался – под 60 лет это не легко – на старые левые позиции. Эмиграция поэтому становилась мне все враждебнее и враждебнее. Началась бесстыдная травля, в которой все эти б...юди не стеснялись нисколько. Печататься по-русски становилось совершенно невозможно: из-под моего пера выходили книги об эмиграции настолько жуткие, что ни один издатель не решался напечатать их» [6].

Свое отношение к эмигрантам он открыто выразил в романе «Неглубокоуважаемые», название которого говорит само за себя. Данный роман не решилось напечатать ни одно европейское издание, и Наживин был вынужден издать его в Китае в издательстве А.И. Серебренникова (Тяньцзинь), как, впрочем, и все остальные произведения после 1933 г. (Харбин, Тяньцзинь).

«"Неглубокоуважаемые" – посвященные многочисленным творцам „Вечеров у Клэр“, безкрылым импотентам, продающим свой писательский долг за весьма маленькие тридцать сребренников дешевой и узкой популярности, людям газеты и книги, отравителям человечества» [6].

Стоит отметить, что роман «Неглубокоуважаемые» посвящен вовсе не эмиграции в Бельгии, а направлен на парижскую эмигрантскую элиту. Любопытно, что Наживин в меньшей степени уделил внимание эмигрантам в Бельгии – для него данная диаспора являлась незначительной и неинтересной – особенно в области литературы. В 1924 г. Наживин стал членом литературного клуба «Единорог», основанного Д.А. Шаховским [30], но в скором времени в нем разочаровался.

В Бельгии он не смог сгруппировать вокруг себя единомышленников, после вышеописанного скандала в 1933 г. потерял даже самых близких друзей, от него отвернулась вся семья, ушла жена. Он скончался в абсолютном одиночестве и бедности и был похоронен, вероятно, в общей могиле, как и мечтал [6]. Эмиграцию в Брюсселе он считал разложившейся и малограмотной, в связи с чем в начале 1930-х гг. свой взор устремляет на парижскую публику и литературную богему.

«Это немножко напоминает мне тех полковников и генералов, которыми кишит русская военная эмиграция: их в одном Брюсселе больше, чем было в свое время в русской армии. Это самовзводное производство во все чины и ордена нестерпимо даже в беженских кабаках, где все эти герррроооо спасают РРРРРоссию» [28, л. 46].

Роман «Неглубокоуважаемые» пестрит не только вымышленными героями, прототипы которых легко угадываются (Булановский – сам Наживин, «боярин» де Пургин – вероятно, тот самый потомок Пушкина, проживающий в Бельгии, семья Булановского – семья Наживина), но и реальными именами, которые представлены ярчайшими эпитетами: «обрюзгший» Лазаревский, «одряхлевший» Куприн, Алданов «выдумал самоуважение», Струве «ударился из марксизма в православие», Чирский, «который не знает, на каком дереве растет картошка», Милюков,

который «был слишком крупной величиной, чтобы показываться своим подданным», Карташов «заблудился среди потухших маяков», «жалкий» Бунин и многие другие.

Самого же главного героя он наделяет усталостью от жизни, от окружения, от всей эмиграции в целом – чертами, присущими Наживину в 1930-е гг. В. Куденис утверждает, что в произведении происходит наложение двух реальностей: его собственной жизни и жизни русского Парижа, признание которого он желал получить [31, 446].

В этом личном, исповедальном произведении главный герой Булановский¹ проживает в Париже, но не может найти своего места в эмигрантском сообществе, более того, его он не может найти и в семье. Перенесенная в роман потеря семьи с точки зрения ее ценности действительно произошла в его жизни: от него отказались все четверо детей, с единственной обожаемой внучкой Верой Наживин практически не виделся, но именно она позволяла ему держаться на плаву долгие годы [32].

Молодежь, в том числе своих детей, Наживин описывает так: «намазанная как дешевая кукла», «она носила какие-то особенно бесстыдные платья», «но особенно тяжелы ему были ее глаза: они бесстыдно говорили, что она уже знает все, что она готова на все и ждет только попутного ветра» [33, с. 24, 218]. Его особенно беспокоило отсутствие хорошей литературы, учебников, образовательных программ и окружения для молодежи.

Он желал полной амнистии для молодого поколения и их возвращения в Советский Союз [34, л. 1–2]. Впрочем, сам Наживин, как и главный герой романа Булановский, не раз обращался в советское посольство в Париже с просьбой выдать ему советский паспорт с возможностью вернуться, но 6- или 8-месячное ожидание, бюрократию и консульский сбор в 160 франков он считал несерьезным, потому официального запроса в посольство так и не сделал [35]. Тем не менее роман «Неглубокоуважаемые» известен еще и своим открытым письмом И.В. Сталину, в котором Наживин просит вернуться на родину. В этом ему было отказано.

Подобные идеологические и психологические метания не способствовали его доброй репутации (тем более в консервативной среде русской эмиграции в Бельгии). После «ужасающих» романов Наживин констатирует факт:

«Я с эмиграцией не имею НИЧЕГО ОБЩЕГО, и она меня ненавидит, может быть, несколько больше, чем даже Вас» [28, л. 36].

Наживин не стремился подстраиваться под правила русской диаспоры, не адаптировал свои тексты под издательства, которые могли бы

¹ Один из псевдонимов И.Ф. Наживина, образован от родной деревни Буланово во Владимирской губернии.

печатать его произведения, а потому находился на периферии вообще всей культурной и общественной жизни.

«Изредка печатаюсь в львовском “Русском голосе” и чикагском “Рассвете”. Не платят ничего. Остальные большие газеты закрыты для меня моей непримиримой позицией: я не считаю возможным поступиться своей писательской свободой ни для кого и ни для чего» [36].

Не зря он выбрал для себя псевдоним «Независимый», который несколько раз появляется и на страницах «Русского еженедельника в Бельгии», то же название Наживин дал своему новому еженедельнику в 1927 г., а также изданию, напечатанному в Брюсселе его произведения «Стяги глаголят» и «Бес, творящий мечту». Такая история описана самим Наживиним на страницах его автобиографии.

«Мой друг, старый проф. П.И. Ковалевский, рассказывал мне как-то об одном общественном собрании в Льеже, на котором зашла речь и обо мне. И один из присутствующих нетерпеливо воскликнул:

- Да черт его знает, как к нему относиться: не то он монархист, не то большевик...

И вдруг встает какой-то молодой человек и говорит:

- Господа, Наживин мне ни брат, ни сват. Я даже не знаю его лично. Но я читаю его. Он ни монархист, ни большевик: он просто Наживин, человек независимый. И если он учит нас чему-либо, то урок его очень просто: будь сам собой. Мы все лезем в разные политические загоны, а он зовет нас на волю. Но мы как были рабами, так рабами и остались» [6].

Но несмотря на несложившиеся отношения Наживина с русскими эмигрантами, его книги были на полках книжных магазинов и библиотек Брюсселя. В центральную русскую библиотеку в Брюсселе Н.Л. Корниловой (в замужестве Шапрон дю Ларрэ) на улице Roumanie 13 его произведения поступали вплоть до 1940 г., но избранно. Так, в собрание не вошли его романы «Неглубокоуважаемые», «Кремль», «Иудей», «Софисты», «Стяги глаголят», но они были представлены в более либеральной библиотеке на улице Longue vie, 59 [36].

Наживин не считал писателями ни Н.Н. Карпова, ни Д.Г. Купчинского, а относил их, скорее, к представителям развлекательной и газетной культуры. Его беспокоила судьба «большой литературы», к которой он относил себя, советских писателей (в особенности М. Шолохова) [6] и избранных эмигрантских писателей (например, А. Толстого [36]). В свою очередь, «неглубокоуважаемые» эмигранты желали ему смерти [37, л. 1–2] за убеждения и тяжелый характер.

Следует предположить, что в данном вопросе немалую роль сыграло и социальное положение изучаемых эмигрантов. Н.Н. Карпов принадлежал к дворянскому сословию, его мнение во всем совпадало с мнением диаспоры как организма, то же относится и к Д.Г. Купчин-

скому, освещавшему сатирически жизнь русской эмиграции. Немаловажно отметить, что деятельность Н.Н. Карпова высоко ценили в среде русской эмиграции в Бельгии. Об этом говорит тот факт, что М.Д. Врангель, начавшая свою «Живую летопись Живых», обратилась к нему с просьбой предоставить подробную автобиографию [38]. На данный момент изучения архива М.Д. Врангель возможно отметить, что она в большей степени отмечала выходцев из дворянской и высшей аристократической среды, например, биографии И.Ф. Наживина в архиве не обнаружено.

В то же время Пушкин в своем письме к И.Ф. Наживину указывает на четкую социальную дистанцию: *«мнение какого-то Наживина “всемирно известного писателя”, крестьянина Владимирской губернии, совершенно безразлично»* [37, л. 1–2].

Русский Брюссель был достаточно замкнутой структурой, в которой инакомыслие не приветствовалось. «Их часы остановились до революции» [39, с. 17], – напишет З.А. Шаховская, представитель молодого поколения литераторов, которая провела в Бельгии немалую часть своей жизни, и сбежавшая учиться в Париж. Неудивительно, что эмигранты в Бельгии крайне болезненно воспринимали творчество И.Ф. Наживина, но с большим интересом и теплотой относились к комик Д.Г. Купчинскому и лирически настроенному Н.Н. Карпову.

В свою очередь, и Карпов, и Купчинский, в отличие от Наживина, были интегрированы в культурную деятельность русской эмиграции в Бельгии, что позволило им выступить, печататься и быть признанными в диаспоре.

Отношения литераторов с русской диаспорой в том числе напрямую зависели от их восприятия и изображения этой самой эмиграции в своих произведениях. Благодаря различным подходам у исследователей есть возможность выявить малоизвестные аспекты повседневной и культурной жизни русской эмиграции в Бельгии и непростой психологический контекст «беженского существования» [40].

Список литературы

1. Ипполитов С.С. "Шато рюсс": Повседневный быт русских эмигрантов (1920–1930-е гг.) // Культурное наследие России. – 2018. – № 4.
2. Ронин В. Русское Конго: 1870–1970: Книга-мемориал. Т. 1. – М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2009.
3. Шаховская З.А. Отражения. – Paris: Ymca-Press, 1975. – 279 с.
4. Русский еженедельник в Бельгии. – Брюссель, 1926–1940.
5. Шорин П.С. Десятилетие // Русский еженедельник в Бельгии. – 1936. – № 450.
6. Автобиография И.Ф. Наживина // Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). Ф. 1115. Оп. 4. Д. 11.
7. Coudenys W. Onedelachtbaren! Het weerspannige leven van Ivan Nazjivin, Rus, schrijver en emigrant. Antwerpen // Wim Coudenys. – Antwerpen: Benerus, 1999. – 319 p.

8. Степанов С.В. Гатчинский писатель, публицист Н.Н. Карпов: жизнь в России и эмиграции // Эмигранты и репатрианты XX века: тр. междунар. конф. «Слепухинские чтения – 2014». – СПб.: Фонд Слепухина, 2015. – С. 520–527.
9. НИА. Fond MD Vrangell. Reel 1. Box 51. Folder 1.
10. Куденис В. Жизнь после царя. – СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019. – 175 с.
11. Литературное зарубежье России: энциклопед. справ. – М., 2006. – С. 308–309.
12. Наш юбиляр // Русский Еженедельник в Бельгии. – 1937. – № 522.
13. Чехов и его творчество: этюд. – СПб., 1904. – 47 с.
14. Карпов Н.Н. Пансион // Русский Еженедельник в Бельгии. – 1935. – № 401, 402.
15. Карпов Н.Н. Русский дом // Русский Еженедельник в Бельгии. – 1933. – № 311.
16. Случай с Китаевым // Русский Еженедельник в Бельгии. – 1933. – № 315, 316, 317.
17. Ронин В.К. Подданные царя в городе Синьоров. – М.: Наука, 1994. – 293 с.
18. Бранкарт Д.А. «Русский Еженедельник в Бельгии» как источник по истории повседневности русской диаспоры в Бельгии в межвоенный период // История повседневности. – 2021. – № 4(20). – С. 48–64.
19. Русский драматический кружок // Русский еженедельник в Бельгии. – 1926. – № 11, 12.
20. AGR. Dossier d'étranger. – № 189390.
21. Купчинский Д.Г. Мысли Алкоголика // Русский Еженедельник в Бельгии. – 1935. – № 384
22. Русский еженедельник в Бельгии. – 1935. – № 377.
23. Тихвинская Л.И. Повседневная жизнь театральной богемы серебряного века: Кабаре и театр миниатюр в России: 1908–1917. – М.: Молодая гвардия, 2005. – 527 с.
24. Шаховская З.А. Отражения. – Paris: Ymca-Press, 1975.
25. Энер Я. Маленький фельетон. Несколько слов о ...наморднике // Русский Еженедельник в Бельгии. – 1933.
26. Наживин И.Ф. Национальная слава и национальный позор: о Николае II. – Брюссель, 1933.
27. Coudenys W. Onedelachtbaren! Het weerspannige leven van Ivan Nazjivin, Rus, schrijver en emigrant. Antwerpen // Wim Coudenys. – Antwerpen: Benerus, 1999. – 319 p.
28. РГАЛИ. Ф. 1115. Оп. 4. Д. 51.
29. Базанов П.Н. Издательства герцога Г.Н. Лейхтенбергского «Град Китеж» и «Детинец» // Вестник СПбГУКИ. – 2014. – № 3(20). – С. 77.
30. Шаховской И. Воспоминания юности. – Paris: Ymca-Press, 1977.
31. Coudenys W. Ivan Nazhivin's distorted Image of Paris // 2018, Across Borders: Essays in 20th Century Russian Literature and Russian-Jewish Cultural Contacts. In Honor of Vladimir Khazan, (441-454). Stanford Slavic Studies (48).
32. РГАЛИ. Ф. 1115. Оп. 4. Д. 17.
33. Неглубокоуважаемые. Тяньцзин: Изд. А.И. Серебренникова, 1935.
34. РГАЛИ. Ф. 1115. Оп. 2. Д. 2.
35. РГАЛИ. Ф. 1115. Оп. 2. Д. 38.
36. РГАЛИ. Ф. 1115. Оп. 4. Д. 53.
37. РГАЛИ. Ф. 1115. Оп. 3. Д. 112.
38. НИА. Fond MD Vrangell. Reel 1. Box 51. Folder 1.

39. Шаховская З.А. Не участник, а зритель. Из воспоминаний-бесед о евразийском движении // Русская мысль. – 1995. – 2 февр. – С. 17.
40. Шорин П.С. Десятилетие // Русский еженедельник в Бельгии. – 1936 – № 450.

References

1. Ippolitov S.S. «Chateau russe»: Povsednevny byt russkikh emigrantov (1920–1930) [The Russian Castle: The daily life of Russian emigration (1920–1930)] // Kulturnoe nasledie Rossii. – 2018. – № 4.
2. Ronin V. Russkoie Kongo 1870–1970 [Russian Congo 1870–1970]. Knigamemorial. – M.: Dom russkogo zarubezhia im A. Solzhenitsyna, 2009. – T. 1.
3. Shakhovskaya Z.A. Otrazhenia [Reflections]. – Paris: Ymca-Press, 1975. – 279 p.
4. Russkii Ezhenedel'nik v Bel'gii [Russian weekly in Belgium]. – Brussels, 1926–1940.
5. Shorin P.S. Desiatiletie [Decennary] // Russkii Ezhenedel'nik v Bel'gii [Russian weekly in Belgium]. – 1936. – № 450.
6. Avtobiografia I.F. Nazhivina [Autobiography of I.F. Nazhivin] // RGALI. F. 1115. Op. 4. D. 11.
7. Coudenys W. Onedelachtbaren! Het weerspannige leven van Ivan Nazjivin, Rus, schrijver en emigrant. Antwerpen // Wim Coudenys. – Antwerpen: Benerus, 1999. – 319 p.
8. Stepanov S.V. Gatchinsky pisatel, publicist N.N. Karpov: zhizn v Rossii i emigratsii [Russian writer and publisher from Gatchina N.N. Karpov: his life in Russia and abroad] // Gatchina writer, publicist N.N. Karpov: life in Russia and emigration Emigranty and repatrianty XX v.: 3d mezhdunarodnaia konferentsia «Slepukhinskie chtenia» – 2014» [Emigrants and repatriates of the twentieth century: tr. international conf. "Slepukhinsky readings – 2014"]. – SPb.: Fond Slepukhina, 2015. – P. 520–527.
9. HIA. F. MD Vranghel. Reel 1. Box 51. Folder 1.
10. Coudenys W. Zhizn posle tsaria [Life after tsar]. – SPb.: Izdatelstvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2019. – 175 p.
11. Literaturnoe zarubezhie Rossii: encyclop. slovar [dictionary]. – M., 2006. – P. 308–309.
12. Nash ubiliar [Our hero of the day] // Russkii ezhenedel'nik v Bel'gii [Russian weekly in Belgium]. – 1937. – № 522.
13. Tchekhov I ego tvorchestvo: etud [Tchekov and his works]. – SPb., 1904. – 47 p.
14. Karpov N.N. Pansion [Pension] // Russkii Ezhenedel'nik v Bel'gii [Russian weekly in Belgium]. – 1935. – № 401, 402.
15. Karpov N.N. Russkii dom [Russian house] // Russkii Ezhenedel'nik v Bel'gii [Russian weekly in Belgium]. – 1933. – № 311.
16. Slutchai s Kitaevym [Case of Kitaev] // Russkii ezhenedel'nik v Bel'gii [Russian weekly in Belgium]. – 1933. – № 315, 316, 317.
17. Ronin V.K. Poddannye tsaria v gorode Siniarov. – M.: Nauka, 1994. – 293 p.
18. Brancart D.A. «Russkii Ezhenedel'nik v Bel'gii» kak istochnik po istorii povsednevnosti russkoi diaspory v Bel'gii v mezhoennyy period [Russian Weekly in Belgium" as a source on the history of everyday life of the Russian Diaspora in Belgium in the interwar period] // Istorija povsednevnosti [History of Everyday Life]. – 2021. – № 4(20). – P. 48–64.
19. Russkii dramaticheskyy kruzhok [Russian artistic circle] // Russkii Ezhenedel'nik v Bel'gii [Russian weekly in Belgium]. – 1926. – № 11, 12.
20. AGR. Dossier d'étranger № 189390.

21. Kouptchinsky D.G. *Mysli alkogolika* [Thoughts of an alcoholic] // *Russkii Ezhenedel'nik v Bel'gii* [Russian weekly in Belgium]. – 1935. – № 384.
22. *Russkii Ezhenedel'nik v Bel'gii* [Russian weekly in Belgium]. – 1935. – № 377.
23. Tikhvinskaya L.I. *Povsednevnyaya zhisn teatralnoi bogemy serebranogo veka: Kabare i teatr miniatyr v Rossii* [The daily life of the Silver Age Bohema : Cabaret and theater in Russia]: 1908–1917. – M.: Molodaya gvardia, 2005. – 527 p.
24. Shakovskaya Z.A. *Otrazhenia* [Reflections]. – Paris: Ymca-Press, 1975.
25. *Ener Ya. Malen'kii fel'eton. Neskolko slov o namordnike* [Small felieton. Some words about a muzzle] // *Russkii Ezhenedel'nik v Bel'gii* [Russian weekly in Belgium]. – 1933.
26. Nazhivin I.F. *Natsionalnaya slava i natsionalny pozor: o Nikolae II* [National glory and national disgrace]. – Brussels, 1933.
27. Coudenys W., Onedelachtbaren! Het weerspannige leven van Ivan Nazjivin, Rus, schrijver en emigrant. Antwerpen // Wim Coudenys. – Antwerpen: Benerus, 1999. – 319 p.
28. RGALI. F. 1115. Op. 4. D. 51.
29. Bazanov P.N. *Izdatelstva gertsoga G.N. Leikhtenbergskogo «Grad Kitez» i «Detinets»* [Publishing houses of Duke G.N. Leuchtenbersky "Grad Kitez" and "Detinets"] // *Vestnik SPbGU* [Bulletin of SPbGUKI]. – 2014. – № 3(20). P. 77
30. Shakhovkoi I. *Vospominania unosti* [Souvenirs of the youth]. – Paris: Ymca-Press, 1977.
31. Coudenys W. Ivan Nazhivin's distorted Image of Paris // 2018, Across Borders: Essays in 20th Century Russian Literature and Russian-Jewish Cultural Contacts. In Honor of Vladimir Khazan, (441-454). Stanford Slavic Studies (48).
32. RGALI. F. 1115. Op. 4. D. 17.
33. *Neglubokouvazhaemye* [Deeply respected]. – Tianzin: Izd. A.I. Serebrennikova, 1935.
34. RGALI. F. 1115. Op. 2. D. 2.
35. RGALI. F.1115. Op. 2. D. 38.
36. RGALI. F. 1115. Op. 4. D. 53.
37. RGALI. F. 1115. Op. 3. D. 112.
38. HIA. F. MD Vrangeli. Reel 1. Box 51. Folder 1.
39. Shakhovskaya Z.A. *Ne uchastnik, a zritel. Iz vospominanii-besed o evraziiskom dvizhenii* [Not a participant, but a spectator. From memoirs-conversations about the Eurasian movement] // *Russkaia mysl* [Russian Thought]. – 09.02.1995. – P. 17.
40. Shorin P.S. *Desiatiletie* [Decennary] // *Russkii Ezhenedel'nik v Bel'gii* [Russian weekly in Belgium]. – 1936. – № 450.

Сведения об авторах

Беговатов Дмитрий Александрович, кандидат исторических наук, Тверской государственный университет», г. Тверь, РФ; e-mail: begovatov1986@mail.ru; ORCID 0000-0001-6747-4970

Бранкарт Дарья Андреевна, PhD исследователь, Католический университет Лёвена (Бельгия), кафедра славистики; e-mail: daria.brancart@gmail.com. daria.brancart@kuleuven.be; ORCID 0000-0002-7152-6582

Волкова Елена Юрьевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории, Костромской государственной университет; e-mail: v-0-8@yandex.ru; ORCID 0000-0003-3291-6147

Волкова Ольга Вадимовна, инженер садово-паркового строительства и ландшафтной архитектуры; e-mail: Olgakra@list.ru; ORCID 0000-0002-0441-3326; SPIN-код 7970-8760

Дмитриев Николай Александрович, аспирант, Тверской государственный университет, кафедра отечественной истории, г. Тверь, РФ; e-mail: ost-nikolai@yandex.ru; ORCID: 0000-0001-8201-3902

Иванцов Игорь Григорьевич, кандидат исторических наук, доцент, доцент 1 кафедры, Краснодарское высшее военное училище имени генерала армии С.М. Штеменко. Краснодар, РФ; e-mail: IIG23@yandex.ru; ORCID 0000-0002-3820-3642

Куприянов Валерий Николаевич, член-корреспондент Российской академии космонавтики им. К.Э. Циолковского, председатель секции истории космонавтики и ракетной техники, Северо-Западная межрегиональная общественная организация Федерации космонавтики России; e-mail: kuvnik@yandex.ru

Леонтьева Ольга Геннадьевна, кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой архивоведения, историографии и документоведения, Тверской государственный университет, Тверь, РФ; e-mail: Leonteva.OG@tversu.ru; ORCID 0000-0001-9072-7374

Леонтьева Татьяна Геннадьевна, доктор исторических наук, профессор, кафедра отечественной истории, Тверской государственный университет; Тверь, РФ; e-mail: kroneko@mail.ru

Лосик Александр Витальевич, доктор исторических наук, профессор Балтийского технического университета (Военмех) им. Д.Ф. Устинова, заместитель главного редактора журнала «КЛИО»; e-mail: kuvnik@yandex.ru

Нечаев Александр Геннадьевич, магистрант факультета истории и социальных наук, Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина; e-mail: nechaev.ng@gmail.com

About Authors

Begovatov Dmitrii A., Candidate of Historical Sciences, Tver State University, Tver, Russian Federation; e-mail: begovatov1986@mail.ru; ORCID 0000-0001-6747-4970

Brankart Dar'ya A., PhD researcher at Catholic University of Leuven (Belgium), Slavic studies; email: daria.brancart@gmail.com. daria.brancart@kuleuven.be; ORCID 0000-0002-7152-6582

Volkova Elena Yu., Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History, Kostroma State University; email: v-0-8@yandex.ru; ORCID 0000-0003-3291-6147

Volkova Ol'ga V., Engineer of garden and park construction and landscape architecture; email Olgakra@list.ru; ORCID 0000-0002-0441-3326; SPIN-code 7970-8760

Dmitriev Nikolai A., postgraduate student, Tver State University, Department of Russian History, Tver, Russian Federation; e-mail: ost-nikolai@yandex.ru; ORCID 0000-0001-8201-3902

Ivantsov Igor' G., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the 1st Department, Krasnodar Higher Military School named after Army General S.M. Shtemenko. Krasnodar, Russian Federation; e-mail: IIG23@yandex.ru; ORCID 0000-0002-3820-3642

Kupriyanov Valerii N., corresponding member of the K. E. Tsiolkovsky Russian Academy of cosmonautics, Chairman of the section of the history of cosmonautics and rocket technology of the North-West interregional public organization, Federation of Cosmonautics of Russia; e-mail: kuvnik@yandex.ru

Leont'eva Ol'ga G., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of archival studies, historiography and documentation, Tver State University, Tver, Russian Federation; e-mail: Leonteva.OG@tversu.ru; ORCID 0000-0001-9072-7374

Leont'eva Tat'yana G., Doctor of historical Sciences, Professor, Dept of Russian History, Tver State University, Tver, Russian Federation; e-mail: kroneko@mail.ru

Losik Aleksandr V., Doctor of historical Sciences, Professor of the Baltic technical University (Voenmekh). D.F. Ustinov, Deputy editor-in-chief of the magazine "CLIO"; e-mail: kuvnik@yandex.ru

Nechaev Aleksandr G., Master Student of the Faculty of History and Social Sciences, Pushkin Leningrad State University; e-mail: nechaev.ng@gmail.com

Правила направления рукописей статей для публикации в научном журнале «История повседневности»

Материал должен быть представлен двумя файлами:

1. Статья и автореферат

Статья

Объем статьи – не менее 18 и не более 40 тыс. знаков с пробелами. Поля по 2,0 см; красная строка – 1,25 см. Шрифт Times New Roman, для основного текста размер шрифта – 14 кегль, межстрочный интервал – 1,5 пт.; для литературы и примечаний – 12 кегль, межстрочный интервал – 1,0 пт.

Примечания оформляются в виде постраничных сносок в автоматическом режиме Word.

Ссылки на литературу оформляются в тексте в квадратных скобках, например [7] или [5, с. 56–57]. Список литературы (в порядке упоминания) помещается после текста статьи.

Фамилия автора печатается в правом верхнем углу страницы над названием статьи.

В левом верхнем углу страницы над названием статьи печатается присвоенный статье УДК.

Автореферат

Автореферат содержит:

название статьи, информация об авторе – на русском и английском языках;

аннотация на русском и английском языках объемом 120 – 150 слов;

ключевые слова и словосочетания (7–10 слов) на русском и английском языке.

2. Заявка на публикацию

Материалы, оформленные в соответствии с предъявляемыми требованиями, направляются в электронном виде на e-mail журнала.

Редакция оставляет за собой право проверки поступающих материалов средствами программной среды «Антиплагиат» для выявления неправомерных заимствований. Процент оригинальности текста с учетом цитирования из белых источников – 85 %.

В случае несоблюдения указанных требований редакционная коллегия не рассматривает рукопись.

Рекомендуемый алгоритм работы с рукописью статьи

1. Определите тип публикации:

- оригинальная статья / Article – развернутый формат представления результатов логически завершенного научного исследования; – 8–10 стр., 5–8 рисунков, не менее 15 ссылок;
- обзорная статья / Review – критическое обобщение какой-то исследовательской темы; от 10 и более страниц, от 5 и более рисунков, от 50 ссылок;
- краткое сообщение / Short Communication – краткий формат представления отдельных результатов логически завершенного научного исследования; – не более 2500 слов, не более 2-х рисунков или таблиц, минимум 8 ссылок.

1. Определите шифр УДК: <https://teacode.com/online/udc/>

2. DOI присваивается редакцией после принятия статьи к публикации.

3. Оформите статью по шаблону, учитывая следующие рекомендации:

- **Заголовок** статьи призван кратко (максимум 10–12 слов) и точно отражать содержание статьи и полученные научные результаты.
- **Аннотация** должна быть структурирована по формату IMRAD в соответствии с текстом статьи на русском и английском языках объемом 120 – 150 слов. Недопустимо копировать в аннотацию фрагменты соответствующих разделов статьи за исключением рубрики «Материалы и методы».

- **Ключевые слова.** Не более 10 слов, точно отражающих содержание статьи. Не рекомендуется использовать объемные словосочетания, за исключением общепринятых терминов.
- **Благодарности.** В разделе целесообразно упомянуть людей и организации, которые оказали автору финансовую и иную поддержку в процессе подготовки статьи, в том числе рецензентов.
- **Введение.** Рекомендуемый объем 1–2 страницы. Содержит формулировку научной проблемы, обоснование ее актуальности и новизны, значение для развития соответствующей отрасли знания. Введение целесообразно завершить формулировкой цели, задач и гипотезы исследования.
- **Обзор литературы.** Рекомендуемый объем 1–2 страницы. Содержит обзор основных актуальных источников, на которые опирается автор. Целесообразно рассмотреть не менее 20 публикаций, треть из которых – зарубежные, индексируемые международными реферативными базами данных.
- **Материалы и методы.** Рекомендуемый объем 1–2 страницы. Содержит описание методики исследования, ее объекта и последовательности.
- **Результаты.** Рекомендуемый объем 4–5 страниц. Содержит систематизированное изложение основных результатов исследования с целью доказательства гипотезы, в том числе необходимый иллюстративный материал (рисунки, таблицы).

Нумерация рисунков в рамках статьи сквозная, подрисуночная подпись начинается со слова «Рис.» и цифры, соответствующей номеру рисунка в порядке встречаемости в тексте. Если рисунок один, слово пишется без сокращения, цифра после нее не ставится.

Таблицы используются для наглядного представления числового материала. Таблица должна иметь ширину 16 см и не менее трех граф. Таблицы нумеруются по сквозному принципу в порядке упоминания в тексте арабскими цифрами, название таблицы должно следовать после номера на следующей строке. Если таблица одна, то после слова «Таблица» номер не ставится.

- **Обсуждение и выводы.** 1–2 страницы. Содержит формулировку результатов исследования, выводов и рекомендаций по дальнейшему осмыслению темы.
- **Список литературы.** Содержит не менее 20 источников по теме исследования. ВСЕ источники должны быть процитированы в тексте. НЕ допускается помещение в список литературы интернет-ресурсов, нормативных правовых актов, учебных изданий, диссертаций и авторефератов диссертаций, источников, недоступных широкой научной общественности (ссылки на указанные материалы допустимы в формате постраничных сносок). Список оформляется по ГОСТ Р 7.0.5–2008 с учетом следующих положений:
 1. список литературы в порядке упоминания источников в тексте;
 2. внутритекстовые ссылки имеют вид типа

[3, с. 46], [5, л. 81] для ссылки на конкретную страницу источника в списке литературы

[5; с. 192–193] для ссылки на конкретный интервал в рамках источника в списке литературы;

[8] для ссылки на источник в списке литературы в целом;

[1; 6–8] для ссылки на ряд источников в целом в списке литературы.

- **Информация об авторе.** Необходимо указать Фамилию, имя, отчество, ученую степень, ученое звание, полное название организации без указания организационно-правовой формы, город, страну, идентификатор ORCID (можно получить здесь: <https://orcid.org/>), e-mail. Возможно указание информации о вкладе каждого автора.

5. Убедитесь, что на английском языке представлены следующие метаданные: **заголовок, сведения об авторах, аннотация, ключевые слова. References должны быть представлены в латинице.** Необходимо учитывать, что

- при переводе указанных сведений недопустимо использовать машинный перевод;
- сведения должны соответствовать тексту на русском языке;
- для оформления References целесообразно использовать автоматические системы транслитерации, например, <http://translit-online.ru/> используя две основные формулы.

Правила оформления библиографического списка

Настоящие правила оформления списков источников и литературы (пристаетейных библиографических списков) основаны на требованиях ГОСТ Р 7.0.5-2008, регламенте представления журналов в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), требованиях высшей аттестационной комиссии Российской Федерации (ВАК) и Chicago Manual of Style (17 ed., "Notes and Bibliography System").

Источники различных типов необходимо описывать следующим образом

В библиографическом описании каждого источника должны быть представлены ВСЕ АВТОРЫ. В случае, если у публикации более 6 авторов, то после 6-го автора необходимо поставить сокращение "..., и др." или "..., et al.". Внимание!: запятая, разделяющая ФИО последнего автора и «и др.» или «et al.» – обязательна.

Недопустимо сокращать (или иным способом изменять) названия статей и названия журналов. Названия англоязычных журналов можно приводить в официальном (!) сокращении. Для поиска правильного сокращенного названия журнала можно использовать CAS Source Index, библиотеку WorldCat или каталог Web of Science (ISI), каталог названий базы данных MedLine (NLM Catalog). Если официальное сокращение названия журнала найти не удалось – необходимо указывать его полное название.

Во всех случаях, когда у цитируемого материала есть *цифровой идентификатор* (Digital Object Identifier – DOI), его необходимо указывать в самом конце библиографической ссылки. Проверять наличие doi у источника следует на сайте <http://search.crossref.org/> или <https://www.citethisforme.com>. Для получения DOI нужно ввести в поисковую строку название источника на английском языке. Подавляющее большинство зарубежных журнальных статей с 2000 года и многие русскоязычные статьи (опубликованные после 2013 года) зарегистрированы в системе CrossRef и имеют уникальный DOI.

Книга с одним автором

Езерский Н.Ф. Сельско-хозяйственные дружины учащихся средних учебных заведений. М.: Тип. «Крестного календаря», 1916. 20 с.

Книга с двумя и более авторами

Веремченко В.А., Жукова А.Е. Воспитательные практики в дворянско-интеллигентских семьях России второй половины XIX – начала XX в. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2020. 232 с.

Сабенникова И.В., Гентшке В.Л., Ловцов А.С. Зарубежная Россия: организации российской эмиграции 1917–1939: материалы к межархивному справочнику. М.-Берлин: Директ-Медиа, 2017. 403 с.

Статья в журнале

Веремченко В.А. «Безвластная власть» – статус женской домашней прислуги в России во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2019. – Т. 18. – № 2. – С. 320–354.

Володарская И.Ю., Панченко О.А. Философские основы современного научного знания // Вопросы философии. – 2019. – № 3(172). – С. 10–15.

Статья в сборнике

Зайцева С.В. Судьба незаконнорожденных детей и их матерей в российских городах во второй половине XIX в. // Горожанки и горожане в политических, экономических и культурных процессах российской урбанизации XIV–XXI веков: материалы Одиннадцатой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 4–7 октября 2018 г., Нижний Новгород: в 2 т. / отв. ред.: Н.Л. Пушкарева, Н.А. Гронская, Н.К. Радина. – М.: ИЭА РАН, 2018. – Т. 1. – С. 180–182.

Архивные документы

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6935. Оп. 3. Д. 513. Л. 2

Ссылки на интернет-ресурсы, нормативные правовые акты, учебные издания, диссертации и авторефераты диссертаций оформляются в виде постраничных сносок с нумерацией на каждой странице согласно ГОСТ Р 7.0.5–2008 исходя из следующих рекомендаций.

Интернет-ресурсы

Статистический отчет за 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://otchetnost.2018.ru> (дата обращения: 11.11.2019).

Нормативные правовые акты

Об образовании в Российской Федерации: федер. закон № 273-ФЗ от 29 дек. 2012 г.

Учебные издания

Пасечник С.В. логика: учеб. М.: Просвещение, 2006. 256 с.

Диссертация и автореферат диссертации

Иванов И.А. Психологическое развитие школьников 13–14 лет: дис. ... канд. психол. наук. Курск, 2004. 189 с.

Иванов И.А. Психологическое развитие школьников 13–14 лет: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Курск, 2004. 19 с.

References

Для статей

Sinova I.V. *Deti trudyashchegosya naseleniya v gorodskom sociume vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.* [Children of the working population in urban society in the second half of the XIX – early XX centuries] // *Ural'skij istoricheskij vestnik* [Ural historical Bulletin]. 2016. № 3 (52). p. 62–69. (In Russ.)

Для книг

Abramov YA.V. *Nashi voskresnye shkoly. Ih proshloe i nastoyashchee* [Our Sunday schools. Their past and present]. Saint Petersburg: tip. M. Merkusheva, 1900. 352 p. (In Russ.)

Примеры представления в References источников различных типов

Статья в сборнике

Zajceva S.V. *Sud'ba nezakonno-rozhdennykh detej i ih materej v rossijskix gorodax vo vtoroj polovine XIX v.* [The fate of illegitimate children and their mothers in Russian cities in the second half of the XIX century] // *Gorozhanki i gorozhane v politicheskix, ekonomicheskix i kul'turnyx processax rossijskoj urbanizacii XIV–XXI vekov* [Urban women and citizens in the political, economic and cultural processes of Russian urbanization of the XIV–XXI centuries]. Materialy Odinnadcatoj mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii RAIZHI i IEA RAN, 4–7 oktyabrya 2018 g., Nizhnij Novgorod. V 2-h tomah / Otv. redaktory: N.L. Pushkareva, N.A. Gronskaya, N.K. Radina. Moscow: IEA RAN, 2018. T. 1. pp. 180–182. (In Russ.)

Архивные документы

Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian state historical archive]. F. 1287. Op. 7. D. 2513.

Обратите внимание!

Тире должно быть одного начертания по всему тексту, с пробелами слева и справа, за исключением оформления пределов «от... до» в числах и датах. При обозначении интервала используется тире без пробелов (1941–1941 гг.; с. 1–10, но с поясняющими словами с пробелами: конец XIX – начало XX в.).

Кавычки должны быть внешние («...») и внутренние (“...”).

Века и тысячелетия обозначаются римскими цифрами, при переводе на английский – арабскими. **Римские цифры** набираются с переключением на латинскую клавиатуру: XIX –XX вв.

Буква ё/Ё заменяется буквой е/Е, за исключением иноязычных имен и фамилий.

Сокращения в тексте используются общепринятые, например: тысячелетие – тыс., век – в.; века – вв.; год – г.; годы – гг. и др. Возможны сокращения: др. (другие), т. п. (тому подобное), т. д. (так далее), т. е. (то есть), чел. (человек).

Статья и заявка, оформленные в соответствии с предъявляемыми требованиями, **направляются в электронном виде на e-mail журнала** everyday.history@lengu.ru

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

№ 1 (21)

На обложке размещена репродукция картины
А. И. Плотного «До свидания, земляне», 1979 г.,
Институт русского реалистического искусства, г. Москва

Редактор *Л. М. Григорьева*
Технический редактор *Н. П. Никитина*
Оригинал-макет *Н. П. Никитиной*

Подписано в печать 25.03.2022. Формат 60x84 1/16.

Гарнитура Agial. Печать цифровая.

Усл. печ. л. 8,5. Тираж 500 экз. Заказ № 1789

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 10